

Н.С. Барбина

КРИТИКА И КОНТРАРГУМЕНТАЦИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ
(приглашение к размышлению)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Байкальский государственный университет

Н.С. Барбина

КРИТИКА И КОНТРАРГУМЕНТАЦИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ
(приглашение к размышлению)

Под научной редакцией Г.М. Костюшкиной

Иркутск
Издательство БГУ
2019

УДК 81'1
ББК 81.006.5
Б24

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Рецензенты д-р филол. наук, проф. А.П. Василенко
д-р филол. наук, проф. Т.Л. Верхотурова

Баребина Н.С.

Б24 Критика и контраргументация в лингвистической науке (приглашение к размышлению) / Н.С. Баребина ; под науч. ред. Г.М. Костюшкиной. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2019. – 154 с.

ISBN 978-5-7253-2997-1

Обсуждается роль научной критики в лингвистике с точки зрения фильтра для включения нового авторского результата в научный обиход, а также с точки зрения верификации существующих лингвистических концепций и теорий. Контраргументация рассматривается как ограничивающий отклонения и нарушения норм механизм. Прослеживаются некоторые экзистенциальные траектории в виде универсальных императивов научного сообщества, которые участвуют в формировании внутрисистемного кода науки как одной из социальных подсистем общества.

Для научных работников, преподавателей, студентов, всех, кто интересуется проблемами лингвоаргументологии.

УДК 81'1
ББК 81.006.5

ISBN 978-5-7253-2997-1

© Баребина Н.С., 2019
© Издательство БГУ, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
Глава I. Научная сфера как проблемное поле анализа в лингвоэкологическом ключе	9
1.1. Эколингвистика. Общие понятия	9
1.2. Социальная экосистема лингвистической науки	12
1.3. Этнос науки как внутрисистемный код	19
1.4. Экологичность норм научного этоса	25
1.5. Организованный скептицизм в науке	29
1.5.1. Форматы взаимодействия.....	30
1.5.2. Поля аргументации в консенсуальной области взаимодействий.....	37
Выводы по первой главе	43
Глава II. Теоретические проблемы описания контраргументации	46
2.1. Структурно-семантические особенности лексемы <i>контраргументация</i> и <i>counterargumentation</i>	46
2.2. Оппозитивность как системообразующий фактор аргументации	56
2.3. Принципы анализа контраргументации.....	62
2.3.1. Качество контрарности в контраргументации	63
2.3.1.1. Терминология анализа аргументативных дискуссий	67
2.3.1.2. Структурная характеристика контраргументации	69
2.4. Параметры контраргументации	74
Выводы по второй главе	86
Глава III. Контраргументация в научном поиске	88
3.1. Вербализация критики в жанрах научного стиля	88
3.2. Экспертиза нового научного продукта	93
3.2.1. Контраргументация в отзывах и рецензиях	95
3.2.1.1. Параметр фокуса	96
3.2.1.2. Параметр нормы	103
3.2.1.3. Параметр вида действия	111
3.2.1.4. Параметр уровня	115
3.2.1.5. Заключение эксперта	115
3.3. Интерпретация результатов	117
3.4. Верификация научного знания	118
3.4.1. Контраргументация в критических статьях	119
3.4.1.1. Параметр фокуса	120

3.4.1.2. Параметр нормы	124
3.4.1.3. Параметр вида действия	126
3.4.1.4. Параметр уровня	129
3.4.1.5. Вывод эксперта.....	130
3.4.2. Интерпретация результатов	132
Выводы по третьей главе	133
Заключение	138
Краткий словарь терминов биокогнитивной теории языка.....	141
Список использованной литературы	Ошибка! Закладка не определена.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема и объект анализа. В научной коммуникации, и, в частности, лингвистике все явственнее обнаруживаются процессы дисгармонии, связанные как с самой наукой о языке, так и с доминирующими трендами научной деятельности. Современный субъект науки, будь то отдельный ученый или научный коллектив, не может не реагировать на ориентиры, задаваемые сегодняшним контекстом в условиях экономизации науки, жесткой системы формальных показателей оценки научного результата, системой распределения поощрений. Одновременно с этим научная деятельность продолжает оставаться социально значимой познавательной деятельностью, вписанной в строгую систему внутринаучных норм и оценок. Каково место научного поиска в таком противоречивом контексте? Действует ли механизм регуляции качества научного продукта? Имеется ли фильтр для отсева девиантного в публикационном массиве, и как он функционирует? Не изменились ли императивы научного сообщества? Эти вопросы, отнюдь не праздные, требуют незамедлительного рассмотрения. Тревожные тенденции, которые уже не могут оставаться незамеченными, например, обесценивание научной мысли в потоке никем не рецензируемых статей, диссертационные скандалы сигнализируют о явных дисфункциях в области науки.

Объектом анализа является контраргументация в языковом взаимодействии субъектов научного сообщества, представляющая собой критику, осуществляемую в ходе экспертной оценки нового научного результата, а также реализуемую в результате постоянной верификации существующего научного знания.

Эмпирический материал. Был проведен анализ публикаций, представляющих собой жанровую форму исследовательской статьи, а также тексты, которые можно квалифицировать как рецензии и отзывы.

Корпус текстов для анализа формировался двумя способами. Анализировались публикации, которые относятся к жанрам научного стиля «исследовательская статья», «рецензия», «отзыв». Все материалы извлечены из журналов по предметной области «Языкознание и литературоведение». Методом сплошной выборки были проанализированы статьи и рецензии на монографии, книги и учебники из 550 выпусков журналов (в том числе в разделах «Дискуссии», «Критика», «Рецензии») за 2010–2018 гг. Для анализа использовалась база данных eLIBRARY. Общее количество проанализированных статей, содержащих критический компонент, составило 3 000 единиц. Следующим источником для пополнения корпуса примеров послужили рецензии на диссертации, отзывы официальных оппонентов на диссертации и отзывы на авторефераты кандидатских диссертаций по специальности 10.02.19 «Теория языка», 10.02.04 «Германские языки». Этот источник примеров сформирован на основе материалов, нахо-

дящихся в открытом доступе на сайтах семи диссертационных советов, использовались материалы за 2014–2018 гг. Было проанализировано 1 000 образцов текстов такого типа.

Отзывы на научные статьи с целью определения целесообразности опубликования их в научных журналах к анализу не привлекались. Это обусловлено разными видами рецензирования («слепое», двойное «слепое», «открытое»), в которых непонятен статус рецензента и автора. Этот фактор оказывает определенное влияние на процесс научной коммуникации и, возможно, является предметом для обстоятельного исследования. Для настоящего исследования важным было условие того, чтобы оппонент и рецензент знали друг друга. Другим условием являлось то, что все рецензируемые работы должны были проходить **публичную фазу** научной экспертизы. В связи с этим к анализу не привлекались такие виды заключений, как предварительные экспертные заключения диссертационных советов, заключение кафедры и т.д. Напротив, исследовались отзывы на диссертации, находящиеся в открытом доступе при условии, что любой специалист в смежной области может высказать свое мнение о работе. При отборе материала, относящегося к жанру исследовательской статьи, также соблюдалось условие **публичности**, где критика является ответом на уже опубликованные работы. Общее количество проанализированных текстов, содержащих критические замечания, составляет 4 000.

Теоретические основания анализа. Представим некоторые сведения, которые послужат базисом для дальнейших рассуждений.

Во-первых, важным фактором принятия новаций научным сообществом является экспертная оценка авторского результата. Этот процесс согласования происходит во взаимодействии «эксперт – соискатель», находящий свое воплощение в текстах рецензий и отзывов. Не менее важным фактором функционирования науки является постоянная верификация имеющегося массива научного знания. Наконец, третьим фактором является научная коммуникация между самими экспертами научного сообщества, где необходимо высказать критику, опровергнуть мнение, указать на несостоятельность иной точки зрения. А главной формой оповещения о спорных вопросах являются журнальные публикации.

Во-вторых, в современных лингвоаргументологических исследованиях все чаще высказывается мысль о расширении понятия «аргументативность». В научный обиход входит понятие «аргументативный язык» [Stede 2019] как область проявления естественных языковых процессов. Аргументация перестала рассматриваться лишь с точки зрения логики, а любое высказывание в той или иной степени является аргументативным. Это еще более укрепляет выводы дискурсивных исследований, особенно в части исследования аргументативного дискурса,

который является инкорпорированным в другие типы дискурсов. Аргументативный способ организации дискурса присущ научной сфере в связи со спецификой самой научной деятельности, а именно, требованием логичности в доказательствах и опровержениях.

Учитывая сказанное, мы рассматриваем взаимодействие субъектов науки – оппонента и пропонента – как диалогическое аргументативное взаимодействие. Для структурного анализа контраргументации, которая содержится в критике оппонента, наиболее релевантной оказывается методология прагма-диалектической теории аргументации. Это связано с тем, что в прагма-диалектике аргументативный дискурс трактуется как реальный или подразумеваемый диалог, что важно, как для анализа полностью монологических текстов, так и для анализа динамичных диалогов, т.е. этот метод вполне подходит и для материала настоящего исследования, представляющего собой вид отсроченного диалогического взаимодействия. В анализе эмпирического материала мы задействуем эту методологию для реконструкции аргументативного дискурса, а именно для выявления фрагментов, содержащих контраргументацию. Итак, процедура анализа выглядит следующим образом:

- 1) анализ структуры статьи или рецензии (отзыва);
- 2) выявление сегмента, содержащего контраргументацию с помощью модели критической дискуссии в рамках прагма-диалектического метода;
- 3) выявление аргументативных шагов оппонента с помощью диагностических возможностей прагма-диалектического анализа;
- 4) реконструкция контраргументации посредством процедур систематической экспликации, добавления, удаления элементов;
- 5) оценка результатов по выявленным во второй главе параметрам контраргументации.

Принцип подачи эмпирического материала в третьей главе соответствует параметрам критических реакций: фокуса, норм, вида действия, уровня. Контраргументация в проанализированных текстах ретроспективна по отношению к проаргументации, содержащейся в текстах диссертационных исследований и текстах статей, монографий, учебных пособий.

ГЛАВА I. НАУЧНАЯ СФЕРА КАК ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ АНАЛИЗА В ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОМ КЛЮЧЕ

1.1. Эколингвистика. Общие понятия

При всем многообразии трактовок науки ученые единогласны в том, что последнюю сегодня отнюдь не следует понимать только как искусственное образование, связанное со сферой гомогенного рационального знания. Кроме того, отмечается изменение самого идеала теоретического знания, которое превращается «из способа открытия истины в инструмент преобразования природы, обслуживающий волю к власти» [Дудник 2015: 7]. По словам автора большого количества публикаций по науковедению А.П. Огурцова, «знание стало трактоваться как *момент социальных изменений*, момент, имманентно присущий социальным явлениям и несущий на себе отпечаток и их направленности, и их объема, и их последствий» (курсив автора) [Огурцов 2008: 155].

Анализ публикаций по науковедению, философии и методологии науки позволяет утверждать, что ведущим мотивом в исследовании науки остается социальный. Причины этого следует искать в произошедших в середине XX в. изменениях, которые стали этапом формирования «большой науки». Эти изменения выразились в том, что наука стала рассматриваться как проект, для осуществления которого привлекался интеллектуальный потенциал ученых из разных областей; задействовались материальные ресурсы, осуществлялся государственный контроль, ставились четкие цели и сроки.

В соответствии с этим наука предстает как социально обусловленное явление. Взаимодействие ученых происходит не только в стенах лаборатории или на страницах специальных журналов, интеракции происходят как в случае экспорта научного знания в практическую область, так и в повседневном контексте, где в сферу взаимодействий вовлекаются другие люди, поэтому науку следует рассматривать и как форму жизни занимающихся ею людей. Это ведет к необходимости продолжать поиск и исследование социологических параметров науки. К ним относятся такие свойства, как система оценки научного труда, язык науки, массив публикаций, иерархические отношения внутри научных коллективов, свойства научной коммуникации, статус и престиж научных сообществ.

Подобные параметры, как справедливо отмечает В.Е. Чернявская, являясь внешними по отношению к законам научного познания, «способны в достаточно большой степени влиять на современные научные процессы» [Чернявская 2012: 167]. Вопросы, связанные с этими параметрами, широко дискутируются, это обусловлено интересом ученых к новым закономерностям, которые могут быть выявлены в результате их исследования, что в целом побуждает к поиску новых средств исследования науки.

Системный подход ведет ученых к теории общих систем, понятиям саморазвивающихся и открытых систем, динамики, возникновения и флуктуации. В таких теоретических построениях язык определяется как посредник между обобщенной, социальной и природной экосистемами, в аспекте интеракции и взаимодействия. Например, У. Матурана так объясняет отношение человека к происходящим изменениям среды с точки зрения «структурного сцепления с миром»: «...мы ничего не можем совершить вне наших когнитивных областей <...> все, что мы делаем, становится частью мира по мере того, как мы, будучи социальными сущностями, порождаем его в языке. В совокупности множественных миров (multiverse) люди ответственны за все» [Maturana 1992: 116]. С. Имото находит объяснение многих происходящих в природе процессов в том, что люди, являясь «структурно детерминированными системами (курсив наш – Н.Б.), живущими в языке», и являясь наделенными самосознанием существами, «в ответе за все, что происходит в окружающей среде», даже не осознавая своей причастности ко многим событиям, происходящим вокруг [Имото 2009: 97–98].

Прежде чем перейти к дальнейшим рассуждениям, рассмотрим вкратце вопрос терминологии. Анализ работ показывает, что исследователи, особенно в отечественной науке, используют термины «эколингвистика», «лингвоэкология», «лингвистическая экология» в качестве абсолютных синонимов (см., например, [Коровушкин 2011; Сковородников 2013, 2014; Копнина 2014]).

В зарубежных публикациях также не всегда ясно, по каким критериям ведется разграничение таких понятий, как «эколингвистика» и «экология языка». Например, в статье С.В. Стеффенсена и А. Филла проводится анализ направлений эколингвистики, среди которых авторы выявляют такие направления, как символическая экология языка, когнитивная экология языка, и др. [Steffensen 2014].

Обратимся к классификации А. Филла, представленной в работе [Fill 2001]. Ученый одним из первых сформулировал термины, которые, с учетом интерпретации другими авторами [Белозерова, Лабунец 2012: 43–58], выглядят следующим образом.

Эколингвистика – общий термин для всех областей исследования, которые объединяют экологию и лингвистику.

Языковая, или лингвистическая экология, лингвоэкология занимается исследованием взаимосвязей между языком и экологическими или, в терминологии других авторов, биологическими вопросами (например, биоразнообразие и проблемы окружающей среды).

Экология языка исследует вопросы взаимодействия между языками (например, сохранение языкового многообразия). Для этого направления характерна прескриптивная парадигма, задающая норму употребления и способствующая сохранению языкового состояния.

Экологическая лингвистика перенимает из экологии заимствованные понятия и принципы применительно к языку (например, понятие экосистемы).

В целях снятия сомнительной синонимии мы в своем исследовании будем придерживаться трактовки рассмотренных терминов А. Филлом, где термин «эколингвистика» представляет собой общее, «зонтичное» понятие, для дисциплин, объединяющих лингвистику и экологию.

Обоснование актуальности исследования критики в научной сфере в эколингвистическом аспекте представим в виде трех пунктов.

1. Как было отмечено выше, исследование социального компонента науки дает возможность получения новых данных и закономерностей в науке. Двигаясь в таком ключе и принимая во внимание языковую обусловленность профессионального общения, следует заключить, что именно языковые интеракции в рамках научного сообщества являются проблемным полем анализа. При этом имеются в виду различные формы таких сообществ – от отдельных индивидов до крупных дисциплинарных сообществ, где проявляется такое свойство субъектов, как агентивность, означающее то, что любое действие является не только индивидуальным, но и коллективным.

2. Известно, что наука имеет дело с разными системами и подсистемами, включающими характеристики техногенного, природного, социального, управленческого плана, а также непосредственно социоприродные объекты. При этом глобальные опасности экологического характера, не в последнюю очередь обусловленные научно-техническим прогрессом, могут и должны быть решены при активном участии ученых. Другими словами, наука ответственна как за возникновение, так и за решение экологических проблем.

3. Этот пункт является и доводом в пользу предыдущего положения, и следствием из него. Необходимо указать на то обстоятельство, что наука является той областью, где новое знание тщательно тестируется, проходит критическую проверку и верифицируется. Поток инноваций, который проходит через эту область, подвергается всесторонней критике научного сообщества. Кроме того, многие ученые сегодня не только фиксируют различного рода изменения в науке, связанные с технологизацией дискурса, развитием электронных коммуникаций, изменением норм организации знания, но и убедительно доказывают то, что наука стала одной из самых конфликтогенных областей общества. Следовательно, во-первых, данная область является благодатным полем исследования феномена критики, а во-вторых, учитывая языковую детерминированность знания и его языкового выражения, мы можем сделать заключение относительно того, как данный фактор влияет на развитие науки в эколингвистической перспективе.

Первый пункт мы уже затронули в этом параграфе, но он и не требует дополнительных обоснований. Второй и третий пункты будут более подробно рассмотрены в следующих параграфах главы.

1.2. Социальная экосистема лингвистической науки

Рассуждая о науке в аспекте социума, мы считаем возможным использовать в исследовании методологический конструкт «социальная система». Ученые-лингвисты нередко задействуют этот конструкт для анализа того или иного объекта, объясняя это возможностью оперировать понятием системы в отношении сложных и сверхсложных объектов, а также возможностью моделировать исследуемый объект [Костюшкина 2012а; 2012б]. Например, А.В. Кравченко анализирует роль языка в жизни человека и общества, последние ученый трактует как живые системы, существующие в особой нише языковых взаимодействий [Кравченко 2016].

Принцип фрактальности как один из принципов системной теории также начинает осваиваться лингвистикой. Так, в работе «Протей. Очерки хаотической эволюции» лингвист-семиотик Ю.С. Степанов выявляет фрактальные структуры как результат повторения механизмов в литературном творчестве. Ученый применяет понятия синергетики, такие, как хаос и порядок по отношению к информации [Степанов 2004].

Обоснование применения методологического конструкта «социальная система» к анализу лингвистических объектов и, в частности, к анализу аргументативного взаимодействия и контраргументации, содержится в работах исследователей научной школы под руководством Г.М. Костюшкиной (см. [Барбина 2012б, Барбина 2016а, Костюшкина 2013а]). В указанных исследованиях этот конструкт трактуется как методологический ориентир. Важность последнего ученые видят в том, что в сочетании с принципами синергетики он позволяет выявлять системообразующий механизм, который, в свою очередь, дает возможность рассматривать «как внутрипарадигмальные связи и отношения в изучаемом явлении, так и междипарадигмальные, позволяющие рассматривать данное явление в общей систематике с другими элементами системы» [Костюшкина 2013б: 193].

Кратко напомним значимые работы, на результатах которых базируются лингвистически ориентированные исследования в этом контексте. Речь идет о междисциплинарном направлении, именуемом «синергетика», которая начала складываться в XX в. и является современной интерпретацией ряда феноменов, выявленных в рамках теории систем. Несмотря на некоторые параллельные про-

екты, которые малоизвестны в научном сообществе¹, среди первых следует отметить работу «Тектология» А.А. Богданова, в которой приводятся типы систем и их свойства, дается определение живой открытой системы [Богданов 1989].

Значительный вклад в становление системного подхода внес автор обобщенной системной концепции, называемой «Общая теория систем», Л.К. фон Берталанфи. В рамках этой теории исследовались различные классы, типы, виды систем, закономерности и принципы поведения систем, а также процессы их развития и функционирования [Берталанфи 1969]. Близкими по уровню обобщения и концептуально-методологическому аппарату оказались подходы к построению общей теории систем исследователями, которые принадлежат разным областям научного знания: кибернетика [Шеннон 1963], химия [Пригожин 1986], социология [Луман 2006], философия [Капра 2003], лингвистика [Степанов 2004], биология [Матурана 2001].

Анализ текущей литературы системной ориентации позволяет заключить, что процесс накопления знаний по данной проблематике постоянно продолжается. Имеются вариации и в определении социальных систем, и относительно выявления количества их главных свойств, и самих свойств, черт, условий существования таких систем. Не беря на себя труд по обзору большого количества публикаций по теории социальных систем, перечислим основные постулаты касаясь свойств социальной системы.

Социальная (под) система общества представляет собой отдифференцировавшуюся автопоэзисную (направленную на самовоспроизводство) систему, которая:

- состоит из взаимосвязанных элементов и находится в состоянии неустойчивого равновесия;
- обладает структурой и организацией;
- может возникать вследствие усложнения других (под) систем общества;
- взаимодействует с другими (под) системами общества;
- обусловлена существованием индивидов, являющихся компонентами этой системы и осуществляющих внутри нее интеракции;
- имеет внутрисистемный код-различение, который, в свою очередь, обуславливает внутрисистемный дискурс;
- способна встраиваться в среду, приспосабливаться к ней, изменять ее в ходе своей активности.

---

¹ Например, русский физиолог В.М. Бехтерев выявил универсальные законы, распространив их на сферу психических и социальных процессов (см. об этом Брушлинский А.В. Социально-психологическая концепция В.М. Бехтерева // Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М. : Наука, 1994. С. 5); П.К. Анохин разрабатывал теорию функциональных систем и показал прогрессивность системного подхода в решении физиологических проблем (Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональных систем. М. : Наука, 1980. 195 с.).

Существует мнение о том, что необходимо проводить различие между сложными системами и сложными адаптивными системами. А.Ю. Антоновский, обобщая разные взгляды ученых, пишет в отношении последних, что это «системы биологические, человеческие, социальные, информационные, ноосферные». В качестве примера адаптивных систем ученые приводят «организации, которые возникают в сообществе общественных животных (например, муравьи)», мозг, иммунную систему, клетку и эмбрион, биосферу и экосистемы, а также такие социальные системы, как биржи, политические партии, общественные организации и ассоциации [Антоновский 2008: 166].

Данная методология применяется и в лингвистических исследованиях по отношению к разным сферам. Например, К.А. Зорин рассматривает профессиональное мета-сообщество журналистов, рекламистов и PR-специалистов как открытую социальную систему, анализирует ее изменение под воздействием социума как внешней среды и при взаимодействии ее внутренних элементов [Зорин 2011]. В работе Т.Э. Гринберг доказывается, что PR-деятельность является «саморазвивающейся коммуникационной системой», в которой достигается целостное единство составляющих ее элементов, находящихся в постоянном взаимодействии [Гринберг 2013]. В диссертационном исследовании Н.С. Баребиной сфера медиации также анализируется как социальная система [Баребина 2012а]. Мы можем предположить, что понятия «сфера», а также «дискурс», например, политический, медицинский, академический и т.д., широко используемые в лингвистических работах, являются в большой степени синонимами к понятию «социальная система». Однако замена или вольное использование этих терминов не оправдано, так как требует соответствующей методологии. При этом в работах по социологии и философии ученые давно пользуются конструктом «социальная система» и выявляют как простейшие системы, например, общение «лицом к лицу», так и сложные системы, такие, как право, политика, масс-медиа, наука. Теперь, пояснив методологию нашего исследования, мы считаем обоснованным рассматривать далее понятие «научная сфера» как социальную систему науки.

Указанная методология позволяет далее сделать переход к лингвоэкологическому аспекту исследования, задействуя конструкт «экосистема», который перестал быть парадигмальной метафорой в отношении исследования биологических экосистем в природе.

Термин «экосистема» стал частью научного дискурса в междисциплинарном стремлении исследования сложных социально-технических систем. Очевидный посыл таких усилий основан на том, что принципы, оправдавшие себя в природных экосистемах, могут быть применены в исследовании и оптимизации сформирован-

ных людьми систем. Значительное место в соответствующих исследованиях занимает поиск аналогий между процессами, происходящими в природе и в других сферах человеческой деятельности [Briscoe 2007, Corallo 2007, Moore 1996].

В результате, такой подход применяется к различным сферам не только в рамках человеческих интеракций, но и во взаимодействиях людей с техническими артефактами и информационными потоками, а в научном обиходе можно встретить выражения «экосистема знаний», «информационная экосистема», «бизнес-экосистема», «социальная экосистема», «производственная экосистема». С осторожностью относясь к таким аналогиям, полностью разделяем мнение С.В. Бондаренко, предостерегающего исследователей о крайностях редукционизма в поиске параллелей с биологическими экосистемами. «Безусловно, природа – величайший творец, однако созданные людьми социально-технические системы, имея много общего с аналогичными биосистемами, тем не менее, обладают и отличиями», – пишет ученый [Бондаренко 2012: 583].

Однако не стоит и недооценивать научный потенциал такого подхода, особенно рассматривая сферу науки в лингвоэкологическом ключе. Действительно, концепция экосистемы применяется в различных областях знаний, ее продуктивность привлекает внимание многих исследователей, которые применяют объяснительные и моделирующие возможности этой концепции в различных сферах. Из солидной библиографии работ, помимо указанных выше, приведем еще несколько работ. Перенос экологических построений применяется по отношению к процессам в обучающей среде [Патаракин 2013], сфере информационных и коммуникационных технологий [Кастельс 2000], технологической среде [Kelly 2010].

Возвращаясь к обоснованию актуальности исследования критики в научной сфере в эколингвистическом аспекте, представленных выше в виде трех пунктов, отметим, что трактовка научной сферы как социальной системы общества позволяет непротиворечиво перейти к исследованию социальной системы науки в *экосистемном подходе* с привлечением данных науки о языке. Это становится возможным благодаря дифференциации научной сферы социальной жизни, взаимодействию последней с другими областями человеческой деятельности, открытого характера социальной системы науки, предполагающего обмен знаниями, идеями, решениями, которые исходят из возникающих потребностей и которые имеют языковую обусловленность. Но главным доводом в обосновании избираемой в данном исследовании эколингвистической методологии является принцип целостности свойств экосистемы как целого. Этот принцип созвучен системным исследованиям других объектов и связан с тем, что свойства системы, в данном случае экосистемы науки, нельзя свести к сумме составляющих ее частей. Последние зависят от связей между частями

системы, организационного контекста. Поэтому языковая система встроена в социальную экосистему науки.

Основная сложность использования концепции экосистемы связана со сложными, многомерными и многослойными отношениями между компонентами, агентами и объектами, которые необходимо учитывать при переносе концепции экосистемы на исследуемую сферу. Во избежание возможной терминологической путаницы, а также для того, чтобы пояснить место нашего исследования, в проекции на *экосистемный подход*, уместно использовать таксономию, принципы для разработки которой были заимствованы нами из работы С.В. Бондаренко [Бондаренко 2012: 583–585]. Итак, с учетом некоторых преобразований, связанных с предметом нашего исследования, такая таксономия может выглядеть следующим образом.

Социальная система и обобщенная экосистема являются родовыми понятиями, в рамках которых можно выделять множество *социальных экосистем* видового уровня, одной из которых является *социальная экосистема науки*. В ее рамках связанные с наукой инфраструктурные платформы позволяют развивать идеи и модели их реализации в различных видовых применениях. Например, можно говорить о социальных экосистемах науки по отношению к отраслям науки (см. рис. 1).

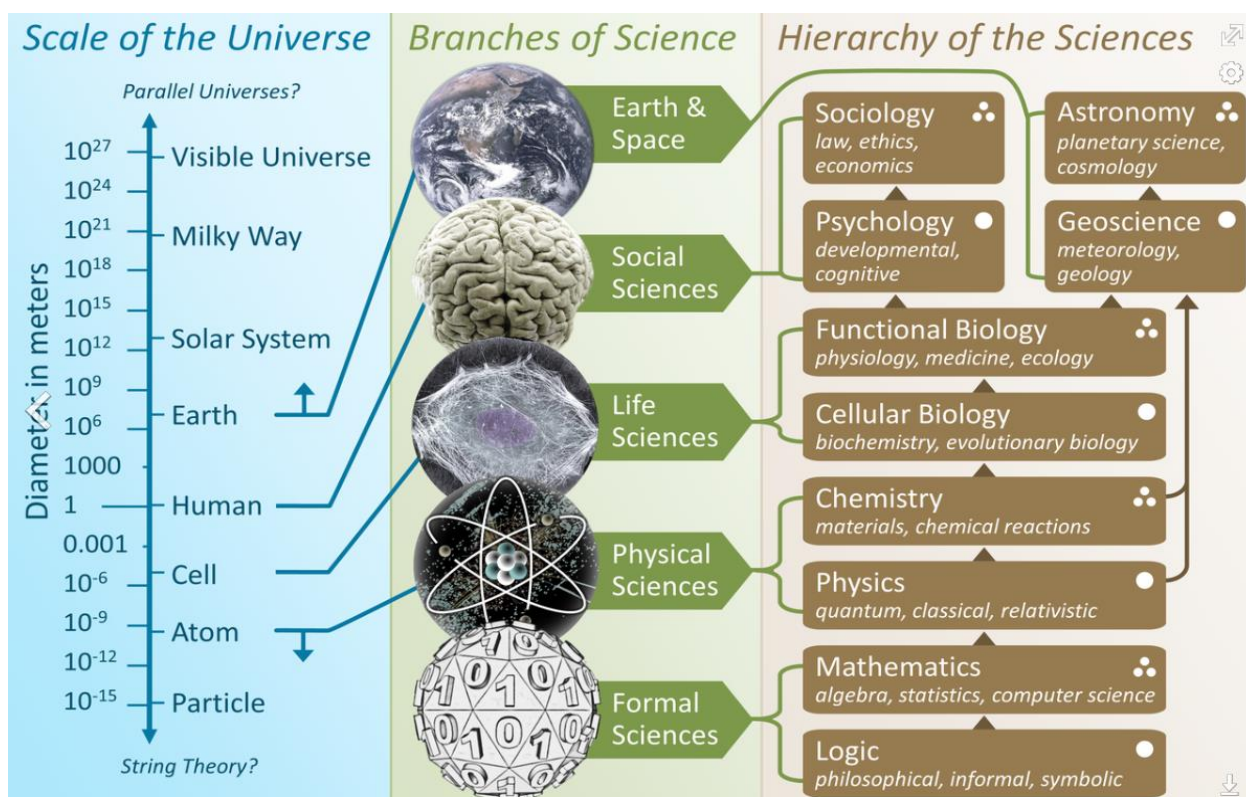

Рис. 1. Масштабы объектов Вселенной, сопоставляемые с отраслями науки (по принципу О. Конта)

В силу многослойного состава каждой экосистемы речь можно вести о разноуровневых подсистемах, включающих множество элементов. Примерами таких подсистем являются социотехнические системы, включающие элементы как абстрактных цифровых информационных систем, аппаратную, физическую инфраструктуры, систему регулирующих правовых актов, ресурсную составляющую и др., так и элементы из ряда научных сообществ в виде научных организаций, советов, аттестационных комиссий, научных школ, практики преподавания. Коммуникативная подсистема, обеспечивающая создание, производство и хранение массивов информации, является неотъемлемым элементом экосистемы.

Необходимо отметить, что некоторые элементы подсистем являются относительно функционально независимыми. Иные элементы систем могут вовлекаться или образовывать слои, вовлеченные в эволюционные изменения. Например, Т.А. Ямаками прослеживает эволюцию мобильных устройств, используемых внутри цифровой экосистемы [Yamakami 2010].

Другие элементы подвержены влиянию факторов окружающей среды. Так, тенденции на публикационном рынке науки ведут к определенным изменениям, например, когда периферийные журналы вынуждены «выживать» и снижают качество печати или повышают стоимость публикаций.

Для иллюстрации свойств адаптации социальной экосистемы науки можно привести пример развития адаптивных технологий, например, программные комплексы для проверки текстов на наличие заимствований призваны защитить систему науки от некачественных неоригинальных текстов.

Некоторые подсистемы и их элементы могут представлять собой подлинные «экологические» явления. Например, экологические характеристики физической инфраструктуры, такие как системы поддержания оптимальных параметров окружающей среды (параметры шума, освещения, качества воздуха и воды).

Другие подсистемы могут быть связаны с экологией опосредованно. Например, в современной лингвистике существуют такие понятия, как лингвотоксикология, лингвотоксины, языковые токсины, которые коррелируют с экологическими проблемами и рассматриваются в связи с эколингвистическими характеристиками речевой коммуникации в определенных коллективах (см. об этом подробнее [Ионова 2018]).

Упомянутые выше компоненты могут соединяться различным образом, а их значимость может быть разной в зависимости от типа системы (рис. 2).

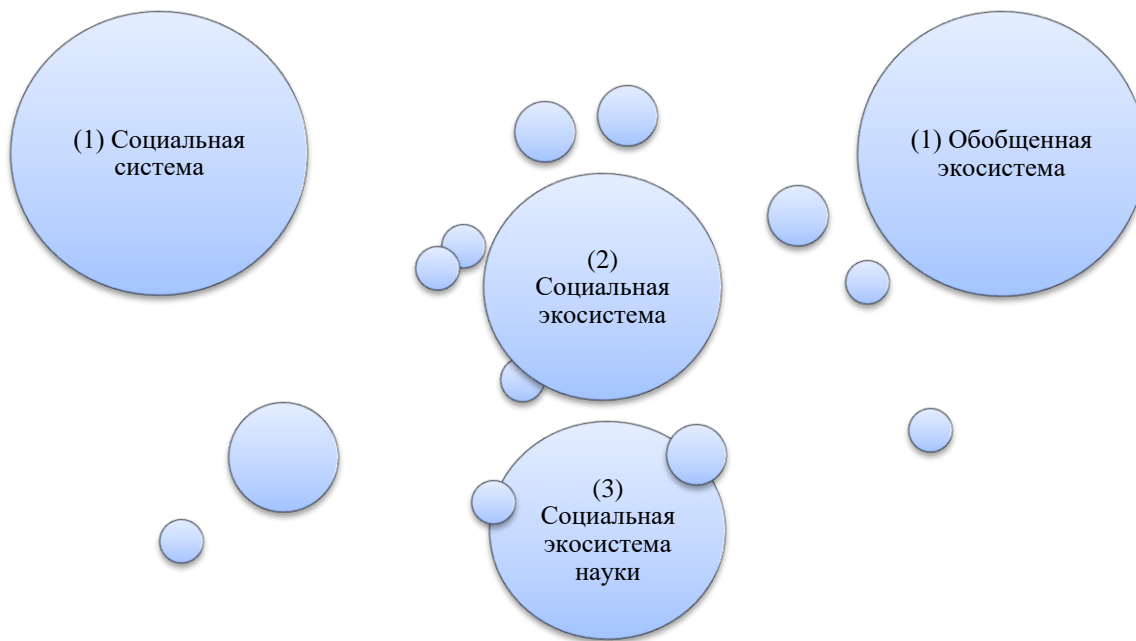

Рис. 2. Круг связей компонентов систем

Возвращаясь к вопросу таксономии, отметим, что на рисунке представлен круг связей в виде двух понятий первого уровня (1) – *социальной системы* и *обобщенной экосистемы*, которые являются родовыми по отношению к понятию второго уровня (2) *социальной экосистемы*, третий уровень (3) представляет видовое понятие *социальной экосистемы науки* (в нашем исследовании речь пойдет, в частности, о видовом понятии социальной экосистемы лингвистической науки). Непронумерованные области представляют собой возможные подсистемы, элементы и компоненты разных уровней.

Раскроем особенности понятий «обобщенная экосистема» и «социальная экосистема», сославшись на обзор концепции экосистемы в различных областях знаний, представленный в исследовании Е.Д. Патаракина и С.Б. Шустова.

В отношении обобщенной экосистемы исследователи пишут следующее: «Обобщенная экосистема представляет собой сеть, которая связывает объекты и агенты различной природы, взаимодействие и взаимное использование которых осуществляется на базе инфраструктуры различной топологии. Между агентами происходит постоянная внутривидовая и межвидовая конкуренция, которая является движущей силой отбора наиболее приспособленных агентов. Отбор служит основой эволюционных процессов, происходящих с различными видами агентов внутри экосистемы» [Патаракин 2013: 5]. Социальная экосистема характеризуется следующим образом: «Общество как экосистема представляет собой сеть отношений, которые связывают между собой личности, принадлежащие к различным группам и классам, связанным между собой социальными связями и находящимся в процессе постоянного приспособления и культурной коэволюции к изменяющимся условиям» [Там же].

Теперь мы подошли к вопросу о том, что дает нам рассмотрение системы науки с точки зрения того, что эта система является экосистемой? Отвечая на этот вопрос, отметим, конечно же, неуместность гипостазирования. Рассуждая о системе лингвистической науки, не следует приписывать этой абстрактной сущности свойств реальной экологической системы в духе классической факторной экологии, где определенные факторы могут влиять на параметры среды и на качество жизни агентов системы. Наше исследование, в первую очередь, соотносится с внутрисистемной коммуникацией, которая является базисом, объединяющим разные элементы системы, разные знания. Однако сравнение системы науки с экосистемой не является просто метафорой. Сказанное означает, что вопрос заключается не в том, является ли система лингвистической науки экологической системой, а в том, насколько полезна и продуктивна подобная точка зрения. Использование экологической системы в качестве модели для анализа научной сферы лингвистики позволяет рассмотреть системные вызовы, которые ставит развитие языковедческой мысли и перед современной наукой, и перед современным обществом в целом.

1.3. Этнос науки как внутрисистемный код

Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого (Евангелие от Матфея: 5:37)

Одним из признаков социальной системы, как было указано выше, является внутрисистемный код, который организует дифференциацию самоорганизующейся системы, дает основание к самоподобию, позволяет отделить чужое по отношению к ней. Само формирование *кода* в данном случае следует понимать как отнесение предмета к определенной смысловой области с использованием терминов из соответствующего понятийного ряда. Проиллюстрируем это на примере дискурса редакционно-издательской деятельности [Каверзина 2018]. Мы воспользуемся авторским термином «дискурс РИД», хотя в терминах социальных систем сфера редакционно-издательской деятельности представляет собой подсистему науки. Итак, основываясь на выводах исследования А.В. Каверзиной относительно ценностей дискурса РИД и применяя используемый автором принцип «жестких десигнаторов, имеющих аксиологическую оценку («+» / «-») [там же: 16–17], формирование кода в означенной системе можно представить схематически следующим образом (см. схему 1):

Десигнаторы «Дискурса РИД»

- Статус автора («+» / «-»)
- S оплаты (низкая / средняя / высокая)
- «Список ВАК» («+» / «-»)
- Высокий Impact-фактор журнала («+» / «-»)
- Наличие ISSN («+» / «-»)
- Актуальность темы (актуальная / неактуальная)
- Индексация в системе РИНЦ («+» / «-»)
- Новизна («+» / «-»)
- Авторский вклад («+» / «-»)

Схема 1. Жесткие десигнаторы дискурса РИД и их оценка

На этой схеме мы представили набор признаков, которые актуальны именно для дискурса РИД. Эти признаки в основном получают положительную, отрицательную, иногда качественную и количественную оценки. Эта схема иллюстрирует еще одно свойство системы – последняя стремится исключить все, что ей не присуще и включить в себя все, что специфично только для нее. Иными словами, «дискурс РИД» не отождествляется с чем-то, например, экспрессивным, эстетичным, творческим, стильным, духовным. Если бы это было так, то ученые имели бы дело с недифференцированной, нестрогой и несвязанной сферой деятельности. Каждый из пунктов, указанных для дискурса РИД, является более или менее значимым в зависимости от институциональной или персональной формы. Например, такой пункт, как статус автора является более значимым для редакции, которая заинтересована в публикации авторитетного ученого, чем аспиранта. Некоторые десигнаторы имеют градуальную оценку, например, стоимость оплаты публикации может оцениваться как низкая, средняя и высокая. Другие десигнаторы получают аксиологическую оценку в виде оппозиций («+» / «-»).

Следующим этапом формирования внутрисистемного кода является фиксация позитивных и негативных значений. А.Ю. Антоновский, интерпретируя научные идеи Н. Лумана, отмечает решающую роль языка в этом процессе: «...язык предоставляет возможность сказать «нет», то есть отграничить, отклонить, вынести за пределы системы те коммуникации, которые не принадлежат системе». Далее ученый указывает, что «да» и «нет» выступают в виде ситуативных кодов, в которых заложен потенциал отрицания, содержащийся в универсальных коммуникативных средствах. Например, можно отказаться от невыгодной покупки, не принимать теорию, которая не отвечает истине, не вступать в

отношения с нелюбимым человеком. Такая «селекция» апеллирует к особым кодам: деньгам, истине, любви [Антоновский 2001: 244].

Действие бинарного кода-различения или схемы-различения, который фиксирует альтернативы, обычно выражается дуплетными терминами. В примере с дискурсом РИД оппозиция да/нет позволяет оградить эту сферу от неактуальных публикаций, фельетонных жанров, устаревших подходов, плагиата. Стоит отметить, что некоторые десигнаторы оказываются симулякром, который наполняется смыслом в конкретных ситуациях. Например, бесплатная публикация говорит или о высоком статусе журнала и жестком рецензировании или о невысоком статусе журнала, который только начинает работу в академическом пространстве, или о статусе самого автора (доктор, аспирант).

Далее следует рассмотреть вопрос о том, как формируется внутрисистемный код науки. Для этого мы обратились к универсальным принципам научного этоса, выступающего в виде регулятора для научного сообщества в достижении главной цели. По мысли одного из последователей структурного функционализма Р.К. Мертон, который разработал основы социологического анализа науки [Merton 1975, Мертон 1992, 2006], основной целью науки как особого социального института является *постоянный рост массива удостоверенного научного знания*. В связи с этим ученый ввел понятие *научного этоса*, которым пользуются сейчас многие исследователи в области науковедения. Научный этос, или этос науки содержит императивы или принципы, которым научное сообщество должно следовать для достижения главной цели. Рассмотрим эти императивы.

Первый *принцип универсализма* (внеличностный характер научного знания). Этот принцип означает независимость научных суждений от конкретных обстоятельств научного открытия. Научное знание имеет универсальную достоверность независимо от того, где, кем и когда оно было произведено. Оно не несет на себе отпечатки этнических, психологических, моральных и даже интеллектуальных качеств личности ученого, социальных условий его существования.

Второй *принцип коллективизма* (сообщение об открытиях другим ученым свободно и без предпочтений). Этот принцип означает равенство членов научного сообщества в праве на обладание истиной. Он предписывает ученым немедленно передавать свои достижения в общее пользование научного сообщества, которое несет коллективную ответственность за содержание научного знания.

Третий *принцип бескорыстия*, или незаинтересованности (выстраивание научной деятельности так, как будто кроме постижения истины, нет никаких интересов). Этот принцип означает независимость научных суждений от соображений пользы или вреда, которые они могут принести природе, обществу, самому исследователю. Единственной целью науки является познание, получение истинного знания.

Принцип организованного скептицизма (исключение некритического принятия результатов исследования). Этот принцип состоит в проверке всех идей и теорий, в том, чтобы подвергать сомнению новое знание, критически относиться к выводам коллег. Коллективный характер научной экспертизы обеспечивает доминирование академического сообщества над отдельными учеными.

Императивы научного этоса, разработанные Р. Мертоном в прошлом веке, нисколько не утратили своей актуальности и в наши дни. Они признаются как представителями научного сообщества, так и среди ученых, рассуждающих о науке в качестве норм, которые действуют независимо от вида научного знания и представляют некоторый идеал, позволяющий зафиксировать отклонения от норм.

С точки зрения исследования научной критики методологически значимым является *принцип организованного скептицизма*, который представляет собой конвенциональный стандарт для научного принятия и оценки. В аспекте формирования внутрисистемного кода данный принцип можно представить в качестве бинарной схемы-различения, где альтернативные смыслы являются основанием для отклонения системой того, что ей не соответствует. Пример такого осмысления стандарта содержится в работе В.Е. Чернявской, которая применяет эти императивы к исследованию того, как оценивается качество знания. В связи с этим ученый выявляет сложное взаимодействие норм и нарушений норм в научной коммуникации, что далее позволяет получить лингвистический анализ нормативного и девиантного в научной коммуникации [Чернявская 2011].

Мы разделяем такой подход ученого и считаем, что исследование критики в науке вносит бóльшую ясность в формирование механизма различения «нормативного и девиантного», и в более широком аспекте позволяет проследить формирование *кода-различения в науке*. Наблюдение за тем, как реализуется принцип организованного скептицизма в науке и, в частности в лингвистике, является источником эмпирических данных. Перед тем как перейти к такому анализу, необходимо остановиться на критерии качества научного знания.

Третий принцип научного этоса гласит о том, что «единственной целью науки является познание, получение истинного знания». Анализ работ философов и лингвистов относительно ценностей научного дискурса позволил сделать некоторые обобщения о природе и специфике понятия истинности, принятого в современной науке. Но сразу оговоримся, что мы не занимаем ни позицию фундаменталистов, ни позицию эмпиристов в этом вопросе, нас интересует лишь роль «аргументативной проверки» (в терминах К.-О. Апеля, (см. [Апель 2001: 324]) в многомерном стремлении ученых к истине.

Многие ученые утверждают ценности науки в рамках так называемой корреспондентской теории истины, где главным является представление мысли,

предельно совпадающее с реальностью. Этому соответствуют такие понятия, как «объективная истина», «знание», «внешний мир», «исследование», ключевым из которых является концепт «истина». Вот как описывают оценочный потенциал данного концепта В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин: «истина требует раскрытия, она неочевидна, путь к истине труден, на пути к истине возможны ошибки и заблуждения, сознательное искажение истины подлежит осуждению...» [Карасик 2010: 435]. Приведем еще цитату из этой работы: «Для научного дискурса актуальным является доказательство отклонения от истины, т.е. доказательство заблуждения» [там же: 345].

В работах лингвистов содержатся идеи, которые можно трактовать в терминах кода-различения в науке. Так, системным контекстом для концепта «истина» является совокупность оппозитивных концептов «правда», «заблуждение», «ложь», «фантазия», «вранье» [Гак 1995: 24].

Критика и контраргументация в таком контексте решают сложную задачу, заключающуюся в том, что субъект не имеет возможности проверить, в какой степени его представление о чем-либо соответствует противостоящему ему предмету и, следовательно, познание действительности до конца невозможно. Эту задачу – сверить соответствие представлений о реальности, выйти за пределы своего сознания и взглянуть на ситуацию с точки зрения стороннего наблюдателя – выполняет оппонент или эксперт. В данном случае вступает в действие код «истинное – ложное».

Однако на горизонте научного познания давно появились мысли о том, что познание в науке больше связано не с действительностью, а с мыслительными конструктами других ученых. Не останавливаясь сейчас на предпосылках обосновывающей роли интерсубъективности, так как это потребовало бы значительного отклонения от нашей темы, укажем, что идеи ученых, занимавшихся этим вопросом, связаны с воззрениями Канта о формах познания [Трубецкой 1994; Шпет 1994; Apel 1976]. Идея интерсубъективного или, в терминах С.Н. Трубецкого, *соборного критерия истины* состоит в том, что истина должна быть соотнесена с результатом консенсуса наиболее сведущих в том или ином вопросе исследователей.

Критика и контраргументация в таком измерении выполняют требование согласования понимания положения вещей между участниками научного сообщества. Оппонент выполняет роль эксперта. На первый план выступает научный контроль и оценка нового знания перед тем, как ввести его в систему существующего знания. В современной литературе предпринимаются многочисленные попытки анализа ситуаций, связанных с проявлением нетолерантности в науке, которая связана с вступлением в силу иных регуляторов, которые противоречат принципам научного этики. То, что научное сообщество исторически сложилось

как закрытая консервативная система, объясняет описываемые учеными механизмы отрицательного отбора при оценке нового. Выявляются такие негативные явления, как научный элитизм, столичный синдром, научный централизм, привилегированность научных школ, провинциализм. В формировании кода выступают отношения «свое–чужое», «центр–периферия».

Анализ текущей литературы позволяет выявить еще один критерий истинности, о котором говорят многие исследователи. Речь идет об истине, которую с уверенностью можно отнести к неклассическим концепциям истины, а именно к прагматической истине. В основе такого понимания истины лежит идея полезности, эффективности знания. Об этом виде критерия истины пишет абсолютное большинство ученых, особенно в рассуждениях о прикладной науке. Известным выразителем идей данной концепции был критик академической традиции Р. Рорти. По мысли ученого, в естественных науках вопрос «Истинно ли это?» заменил вопрос «Что нового?». Это означает то, что наука из источника истины «разжалована» в модель рационального сотрудничества [Современная западная философия 2009]. Константой научного знания, особенно в аспекте прикладной науки, является новизна. По мысли В.Е. Чернявской, «общество знаний, “экономика знаний” означают не просто “больше знаний и технологий”, но новую эпистемическую культуру научных коллективов, распространяющих, артикулирующих знание» [Чернявская 2016: 57]. Иными словами, выделяемым является фактор новизны, в действие вступают отношения «новое – старое».

Следует иметь в виду сформулированную Р. Мертоном идеальную цель науки, состоящую в постоянном росте массива *удостоверенного знания*. Согласно критерию Поппера, никакая теория не может быть принципиально непроверяемой, и более того, не является теорией, если ее нельзя систематически проверять [Поппер 2005].

В рассуждениях Д. Дидро и Ж. Д’Аламбера о критике в науке содержатся три задачи: «доказательство прежних истин, установление порядка в их изложении, открытие новых истин» (цит. по [Богуславский 1994: <https://scienter.online/filosofi-scienter/kritika-literatura-57577.html>]), т.е. и в отношении уже сложившегося знания в виде теорий, подходов, методологий всегда существует место для критики. Это объясняется динамикой развития науки.

Если встать на точку зрения сторонников некумулятивного подхода в науке, провозглашающих эволюционно-революционный характер последней, то отрицание идей и теорий формирует процесс обновления знаний. Е.С. Кубрякова, уточняя смысл введенного Т. Куном понятия «парадигма знания» применительно к лингвистике, считает, что последнее может «упорядочить систематизацию взглядов на язык и плодотворность тех или иных подходов к его описанию, а в конечном счете способствовать обнаружению и интерпретации новых

реальностей языка» [Кубрякова 2008: 5]. При этом ученый отмечает, что выявление таких «реальностей» и связанных с ними аспектов и свойств языка, не объясненных ранее, определяет появление новых парадигм знания в лингвистике [там же].

Критика и контраргументация в таком контексте предстает в виде следующего процесса: субъект науки, который обнаруживает некоторые новые реальности в виде свойств, особенностей, аспектов изучаемого явления, которые не были зарегистрированы, изучены и объяснены ранее, выступает в виде оппонента по отношению к уже существующему знанию. Кодом-различением в данном случае являются отношения «новое – старое».

Подводя итог, отметим, что необходимым этапом принципа организованного скептицизма является критика. Критика является этапом научной экспертизы и выполняет роль входного фильтра инициации нового знания в научное сообщество, но также является и методом фальсификации старого знания. С точки зрения формирования внутрисистемной схемы-различения в науке критика выполняет функцию: *исключения отклонения от истины, механизма обновления знания, механизма экспертизы нового знания*. Комбинацию, совокупность и взаимодействие составных частей для формирования таких схем-различений можно проследить на основании исследования критики, которая является *ретроспективной* по отношению к научному продукту.

1.4. Экологичность норм научного этоса

Цель данного параграфа состоит в том, чтобы рассмотреть экологичность норм научного этоса применительно к науке о языке. Для рассмотрения лингвистики в указанном ключе представим некоторую теоретическую базу.

Экология в традиционном понимании в основном акцентирует внимание на вопросах, посвященных влиянию антропогенных и техногенных факторов человеческой деятельности на естественную среду обитания человека. В терминах теории социальных систем это можно описать как негативное влияние некоторой внутренней подсистемы на более глобальную внешнюю систему. Внешняя среда представляет собой множество условий, которые обеспечивают нормальное функционирование как индивида, так и человеческого общества. Человек, изначально будучи ориентирован на безопасное существование в природной среде, воздействуя на нее, изменяет вышеуказанные условия. Независимо от намерений воздействия, результат взаимодействия со средой, в итоге, не способствует снижению рисков для человека, а напротив, влияет на их рост. В интересующем нас ключе это можно рассматривать с определенных позиций.

Так, центральное для эколингвистики понятие среды обитания, а именно языковой среды обитания, предполагает две перспективы. Во-первых, это среда,

в которой существует язык, а во-вторых, это среда, в которой существует человек и социум. Поэтому предпринимаются попытки рассматривать роль языковых процессов и языковой среды с последующим влиянием на внешнюю среду. По негативному состоянию языковой среды можно делать косвенные выводы о негативном влиянии на окружающую среду.

Принимается также, что экология – наука об отношениях растительных и живых организмов и образуемых ими сообществ между собой и окружающей средой, а изучение языка мыслится только в единстве «человек-среда». «Языкознание, – отмечает В.З. Демьянков, одна из таких наук о человеке. Отвлечься от человеческого фактора для такой теории – все равно, что для биолога изучать анатомию человека исключительно по художественным изображениям» [Демьянков 2008: 15]. Следовательно, если наука о языке является наукой о живом человеке, его взаимодействиях с миром, то на этих основаниях она также входит и в экологию.

Принимая вышеуказанный контекст, мы в своем исследовании все же пойдем иным путем. Мы считаем обоснованным воспользоваться идеей о происходящей в настоящее время трансформации биосферы в ноосферу – сферу разума. Понятие ноосферы было введено французскими учеными П.Т. де Шарденом и Э. Леруа. Однако глубокую разработку и осмысление это понятие получило в концепции отечественного мыслителя В.И. Вернадского. В работах ученого наука трактуется как целостный планетный феномен, а ее роль состоит том, что она оказывается производительной силой человеческого разума в происходящем в настоящую эпоху формировании ноосферы [Вернадский 1991; 2004].

Общепринятого толкования термина нет, но в ходе прочтения работ В.И. Вернадского и его интерпретаторов, можно сделать выводы о том, что ноосфера – это сфера Разума, это стадия эволюции биосферы, это биосфера, переработанная научной мыслью. Идеи ученого о биосфере и ноосфере рассматриваются тем или иным образом в качестве базы для поиска решений, связанных с экологическим кризисом. В контексте проблемы выживания человечества можно выявить и такую идею: если биологическое эгоистично, то глобальный разум становится ведущим фактором для развития человечества. «Осознать глобальную опасность экологического кризиса и не дать ему перерасти в глобальную экологическую катастрофу – значит поумнеть», – пишет А.Н. Кочергин [Кочергин 2014: 84]. В исследовании проблем экологии с точки зрения перехода биосферы в ноосферу наиболее актуальным вопросом, который требует тщательной научной рефлексии, является роль научной работы.

Мнение о том, что человечество вступило в эпоху ноосферы, несмотря на воззрения скептиков, находит все больше сторонников. Так, например, на повестку дня вышел вопрос о введении в состав геохронологической шкалы антропоцена. Сам термин «антропоцен» неофициально применяется для обозначения

эпохи глобальной роли человека в изменении окружающей среды, когда совместные действия человеческих сообществ стали доминировать во всех экологических механизмах планеты. По многим пунктам концепция антропоцена, пришедшая из западной науки лишь недавно, повторяет идеи русского космизма и, в частности, работ В.И. Вернадского.

Для исследуемого нами вопроса главным является то, как трактует В.И. Вернадский научную мысль и научную работу: «Мы часто говорим о значении успехов техники, об увеличении утилизации сил природы, об улучшении жизни человечества, но мы недостаточно сознаем, что в основе этих успехов лежит сознательная деятельность, лежат идеалы и понимание тех лиц, работой мысли которых достигаются эти результаты» [Вернадский 1988: 392–393].

Резюмируя, подчеркнем трактовку созидательной значимости научной мысли как планетного феномена, который влияет на процесс перехода человечества к эпохе ноосферы. Следовательно, особый интерес и актуальность приобретает вопрос о том, как сами ученые в современных условиях оценивают критерии, которыми можно руководствоваться для утверждения истинности своих теорий.

Поэтому, снова обращаясь к императивам научного этоса, нельзя умолчать о примете современной научной действительности, о которой не упоминается в трудах классиков философии науки. Речь идет о трансформации научного этоса, а, следовательно, о трансформации правил и норм, которым руководствуются ученые в профессиональном поведении. Действительно, погоня за грантами, библиометрическими и наукометрическими показателями, соревнования по импакт-факторам и индексу Хирша, конкурирующие тренды публикационной активности на престижных платформах баз цитирования, а с другой стороны, вал никем не рецензируемых публикаций – вот часть современного научного ландшафта публикационной активности, который, безусловно, вносит свои коррективы в традиционный научный этос.

Снижение уровня доверия к научному знанию в разных странах проблематизируется в связи с сомнениями в добросовестности ученых, нарушением этических принципов, политическими и финансовыми основаниями некоторых проектов и т.д. Оценка происходящего широко представлена в многочисленных публикациях на эту тему, присоединимся частично к следующей позиции, высказанной Л.Г. Судас: «Эти черты, отнюдь не исчерпывающие особенностей российского научного этоса, достаточно убедительно свидетельствуют об определенной зависимости “универсального” научного этоса мертоновского типа от социального и культурного контекста функционирования науки, даже если речь идет о классической науке и о классических представлениях о ней» [Судас 2002: 123].

В данном случае мы видим явные противоречия между этосом науки, который должен бы быть ориентирован на выживание человечества и благоприятные для него возможности, и теми научными стандартами, в которых нарушена система ценностей регулятивов, правил и норм, о чем пишет, например, М.Д. Черкашин [Черкашин 2011: 237].

Интересным в этом аспекте представляется позиция философов-прагматиков и, в частности, Р. Рорти относительно биологизаторского подхода к человеческой деятельности в науке. Приведем некоторые рассуждения этого ученого в изложении И.Д. Джохадзе. По мысли Р. Рорти, следует отбросить предрассудки, связанные с идеей объективной истинности знания как его соответствия объективной реальности. Понятие «объективной реальности» прагматисты заменяют понятием «опыт». Настоящей целью познания является не поиск истины ради нее самой, а координация адаптивного поведения и выработка тактики продуктивных действий методом проб и ошибок. В этом отношении человек ничем не отличается от других живых существ, вовлеченных в процесс взаимодействия со средой: в своей практической деятельности они руководствуются теми же бихевиористскими стимулами и побуждениями, что и их «меньшие братья» [Джохадзе 2001: 48].

Говоря о судьбе и статусе норм научного этоса Р. Мертона, отметим, что многие ученые по-разному выражали свое отношение к нормам, в свете постоянного расхождения от того, что должно быть, и того, что существует в реальной научной практике. Были попытки ниспровергнуть нормы этоса, объявив их устаревшими и не соответствующими повседневной практике. Примечательно, что и сам Р. Мертон впоследствии указывал на отклонения от норм научного этоса, называя такие отклонения «патологиями», и отмечал, что повседневная практика науки не укладывается в разработанные им рамки. Примерами таких патологий в науке ученый считал зависть, плагиат, подозрительность.

Другие исследователи, видя значительные отклонения от указанных норм, применяли социологические, философские, этические подходы к трактовке постоянных расхождений норм и отклонений от них. Иные ученые выявляли разного рода антинормы в постакадемической науке (см. об этом подробнее в монографии [Этос науки 2008]).

Мы в своем исследовании считаем возможным использовать указанные нормы в качестве базисных рамок для анализа научной практики. Здесь применимы слова М.Г. Лазара: «...важно то, что нормы, разработанные Р.К. Мертоном, по сей день отражают идеалы научного познания, формулировка которых может быть скорректирована. Но это – идеалы, которые не устаревают» [Лазар 2010: 136]. В связи с этим развернем оппозицию в виде идеала рациональности (норм-идеалов) и многочисленных отступлений от него (антинормы). Учитывая

лингвоэкологический аспект настоящего исследования, и опираясь на глобальную идею о том, что наука должна поддерживать выживание человека, логическим выводом будет вывод о том, что маневры в сторону антинорм являются нарушением экологического равновесия.

1.5. Организованный скептицизм в науке

Научной сфере присущи специфические системы норм и ценностей. В рамках критериев истины, каковыми являются объективный, интерсубъективный (или соборный), прагматический критерии, насущной потребностью является регуляция научной деятельности. Существующий запрос на регуляцию научной деятельности обусловлен ядром современной науки, которое, по мысли А.П. Огурцова, состоит в анализе процесса *научного исследования*, где научное знание представляет собой непрерывный поток инноваций [Огурцов 2008: 154]. Культурные и социальные факторы также влияют на формирование такого запроса.

Принимая во внимание вывод о том, что отклонения от научных норм ведут к рискам нарушения экологического равновесия, следствием является то, что критическая оценка, экспертиза в науке выступает механизмом контроля и регуляции в социальной экосистеме науки. Институциональным основанием для функционирования указанного механизма выступает императив организованного скептицизма, согласно которому научный результат не должен приниматься на веру, но должен критически проверяться. Средоточием организованного скептицизма выступает явление коллективной критики,

Предметная область критики представляет собой достаточно различимое явление в границах любой области. Учитывая весь вышеуказанный контекст, осмысление феномена критики, ее места в отношении научных взглядов, а в более общем смысле – в связи с социальными, экологическими и планетарными проблемами, – имеет важное теоретическое и практическое значение.

Мы полностью разделяем мнение, высказанное в докторской диссертации Г.В. Хомелева о том, что при всей распространенности явления критики в общественной жизни, исследование критицизма как способа мышления и социокультурного феномена не получает систематического и всестороннего рассмотрения, а многие вопросы, такие как разработка теории критики, выделение самостоятельной научной дисциплины, вообще не ставились [Хомелев 2002].

Несмотря на ранний год цитируемой работы, значительных результатов в виде фундаментальных работ в этой области до сих пор не отмечается. Не претендуя на таковое, охарактеризуем место нашего исследования относительно трех главных направлений осмысления феномена критики в аспекте проекта теории научной критики, о которых пишет Г.В. Хомелев. Итак, ученый выделяет три главных направления исследования критики (кратко):

- 1) в плане выяснения общефилософской, мировоззренческой, методологической и гносеологической проблематики теории критики;
- 2) исследование природы научной дискуссии;
- 3) исследование критики как социального феномена [там же].

Эмпирическая база нашего исследования, конечно же, соответствует второму направлению, где разрабатываются вопросы научной полемики как распространенной формы рассуждения, обмена мнениями, опровержения точек зрения (однако мы не исключаем, что в результате мы получим и выводы, соответствующие первому и второму направлениям).

Формат такого взаимодействия и сущность академического дискурса предполагает аргументированный обмен мнениями, следовательно, речь можно вести об аргументативной коммуникации или аргументативном взаимодействии.

Такой динамичный процесс, в ходе которого формируется *удостоверенное* научное знание, представляет собой комплекс отношений, которые возникают между агентами научного дискурса в ходе профессиональной деятельности. В условиях конкурирующих идей и взглядов организованный скептицизм в науке активизирует явление социальной кооперации.

Элементами возникающих при этом интеракций являются:

- 1) субъекты науки с характеристиками виде статуса, принадлежности к научным школам, потребностями, ролями;
- 2) ситуации интеракций в виде очного или опосредованного текстами или сетью общения;
- 3) согласованные действия и результат в виде позитивных или негативных санкций.

Рассмотрим подробнее эти элементы.

1.5.1. Форматы взаимодействия

Рассуждая о принципе организованного скептицизма как о явлении социальной кооперации, следует отметить, что, включаясь в таковую, субъект приобретает конкретный статус и актуализирует систему своих потребностей и ожидаемых действий со стороны других субъектов. В случае регуляции и контроля за научной деятельностью речь стоит вести о сообществе экспертов, осуществляющих контроль на внутреннем этапе продвижения научных идей, где субъектами взаимодействия являются ученые в рамках научного сообщества.

Формой оповещения и представления научной критики являются письменное, письменно-устное, устное взаимодействие, которые реализуются в отзывах оппонентов, рецензиях, статьях, дискуссиях на страницах журналов, диалогах,

научных конференциях, докладах, семинарах. В данной работе будет исследоваться именно *письменно-языковое взаимодействие* как основная форма критики в практике научного общения.

В ходе анализа публикаций, посвященных характеристикам научного общения [Купер 2001; Колмогорова 2013; Чернявская 2016; Шилихина 2016], был выявлен ряд параметров, касающихся хронотопа, формы представления, обратной связи, ситуации инициации в коммуникации. Осуществляемое в письменном виде, такое взаимодействие строго регламентировано, имеет отсроченный характер.

В структурном плане мы используем терминологию описания контраргументации, которую разберем во второй главе, а также прагма-диалектический метод реконструкции аргументативного дискурса. В соответствии с этим научное общение мы понимаем как часть *диалога* между пропонентом и оппонентом, и объектом анализа является критика со стороны оппонента, возникающая по отношению к проаргументации. Последняя содержится в текстах, включающих неприемлемую для оппонента точку зрения, которую он намерен фальсифицировать.

Форматы взаимодействий выделены нами на основании вида критикуемого текста. В одном случае это исследование, которое проходит научную экспертизу, в другом случае это текст работы различных жанров, которая опубликована субъектом научного сообщества, также являющимся экспертом в некоторой области. В соответствии с этим научную коммуникацию, в которой реализуется принцип организованного скептицизма, можно представить в виде трех форматов взаимодействий:

1) «эксперт-оппонент → соискатель-пропонент», в данном формате взаимодействия осуществляется экспертиза нового научного продукта в виде квалификационной работы, подготовленной для публичной защиты, «эксперт» выступает в виде индивида, «соискатель», как правило, представляет не только себя, но и научного руководителя;

2) «эксперт-оппонент → автор-пропонент», этот формат взаимодействия реализуется в том случае, когда требуется экспертиза нового научного труда в виде книги, монографии, учебного пособия; при этом статус автора, как правило, равнозначен статусу «эксперта»;

3) «эксперт-оппонент → эксперт-пропонент», в этом формате взаимодействия объектом критики выступает научное знание, которое уже находится в научном обороте. Критика иницируется не институциональным требованием, а возникает спонтанно. Оппонент и пропонент могут выступать как в виде индивидов, так и в виде коллектива ученых, группы авторов.

Важным является рассмотреть коммуникативно-языковое взаимодействие, в ходе которого и осуществляется критика, выступающая в роли механизма ограничения для поддержания качества научного результата. Так как это происходит в

потоке постоянных взаимодействий языкового характера, то на первый план, в соответствии с логикой научного поиска и большим исследовательским потенциалом, выходит метод моделирования. Это вполне соответствует ходу нашего рассуждения в аспекте системного подхода; ведь, выражаясь словами Г.М. Костюшкиной, «...принципы системного мышления позволяют ученому оперировать понятием системы в отношении сложных и сверхсложных объектов и ставить задачи, направленные на понимание природы, организации и роли в устройстве мира, и, таким образом, моделировать изучаемый объект» [Костюшкина 2013б: 193]. Эксплицитным объектом моделирования в данном случае выступает естественно-языковое научное коммуникативное взаимодействие, которое опосредовано текстами.

В данной работе мы не ставим целью проводить сколько-нибудь подробный анализ существующих подходов к сути языковой коммуникации. Такие анализы с тщательным разбором предпосылок содержатся в ряде работ.

Мы воспользуемся разработанным нами ранее методологическим фильтром, который применялся в практике коммуникативного моделирования [Барбина 2016б]. Этот фильтр построен на системных оппозициях типа языковые явления «off-line – on-line», «интернализм – экстернализм». Указанный фильтр является методологическим инструментом, который позволяет для любого исследования из существующих моделей коммуникации выбрать наиболее адекватную и исключить неизбежные сбои и путаницу, возникающие при выборе нерелевантной исследованию теоретической базы.

Сообразуясь с замыслом исследования, а именно в части исследования социальной экосистемы науки в условиях перехода от биосферного мышления к ноосферному мышлению, отметим, что в таком контексте в моделирование коммуникативного процесса включаются не только когнитивные системы отдельных агентов дискурса, но и среда, внешнее окружение, физические объекты и артефакты. Поэтому задействуем оппозицию, «когнитивный интернализм-когнитивный экстернализм». По мысли А.В. Кравченко, интерналистская модель сознания связана с исследованием ментальных феноменов, где органы чувств воспринимают стимулы, которые поступают в центры, анализирующие и интерпретирующие входящую информацию. Иными словами, когнитивные процессы заключены в голове участника коммуникации. Экстернализм, напротив, исходит из того, что содержание когнитивных процессов не ограничено пределами мозга человека, но детерминируется аспектами среды [Кравченко 2008:162].

Проблема в выборе необходимой методологии состоит в сложности моделирования естественно-языковой коммуникации, являющейся стержнем, вокруг которого происходит объединение, на первый взгляд, несовместимых знаний. Выход видится в использовании различных методологических инструментов

теорий социального конструктивизма, социального аутопоэзиса, функционализма и иных разработок для исследования коммуникации в сложных системах. В этой связи в моделировании языкового взаимодействия в данном исследовании наиболее релевантной задачей является методологическая база био-социо-когнитивной теории языка. Перечислим основные положения данной теории, относительно языковой коммуникации:

- 1) язык – это биосоциальное свойство человека разумного;
- 2) язык представляет собой когнитивную деятельность, реализующуюся в различных взаимодействиях человека с миром с целью адаптации и выживания;
- 3) языковая коммуникация – это не прямолинейный реверсируемый процесс, но сложный процесс взаимной ориентации в ситуации общения, в результате которого возникают значения;
- 4) языковое взаимодействие происходит в когнитивной области совместного (разделяемого, схожего) опыта – консенсуальной области, которая возникает при любом языковом взаимодействии, как письменном, так и устном;
- 5) ориентирующая функция языка является универсальной, поддерживает отношение взаимной ориентации участников взаимодействия в разделяемой ими консенсуальной области языковых взаимодействий;
- 6) ориентирующая функция языка заключается в том, чтобы ориентировать ориентируемого в его когнитивной области, а не в том, чтобы указывать на независимые от него сущности.

Эта теория сопряжена и с другими направлениями научной мысли, содержит ряд специальных терминов, которые представлены в виде словаря в конце монографии. Одним из сопряженных научных направлений является концепция распределенной когниции. Примечательно, что само понятие «распределенная когниция», введенное Э. Хатчинсом в 1995 г. и требующее пространных объяснений, очень хорошо может быть описано тезисом В.И. Вернадского о «всюдности разумной жизни», что представляет растекание жизни, а затем выход разума за пределы биосферы. Но только ученый рассматривает этот процесс с точки зрения естественного процесса эволюции, который обеспечивается благодаря росту научного знания и его внедрением во все сферы жизни.

Здесь сделаем небольшое отступление и тезисно представим подтверждение рассмотренного ранее положения о переходе от биосферного мышления к ноосферному мышлению. Речь идет о намечающемся в когнитивной науке о языке тренде, который П. Линелл называет «четвертым поколением когнитивной науки» [Линелл 2013: 43].

Происходящие изменения отображены на схеме в виде нескольких процессов, входящих в общий процесс, схема показывает соотношение процессов (по вертикали) и контрастность этих процессов (по горизонтали).

Схема 2. Переход к ноосферному мышлению

Представленные на схеме 2 процессы включают некоторые метафоры и выдержки, которые используются в описании когнитивных подходов в лингвистике. Появляющиеся в литературе комментарии ученых относительно диалогического дефицита в биокогнитивном подходе, слишком пристального внимания к отдельной личности, эгоизма биологической среды можно расценивать как предпосылки перехода к моделям ноосферного мировоззрения или, по крайней мере, как «серьезные основания для того, чтобы добавить диалогическую теорию к биокогнитивной» [Линелл 2013: 44].

Перечислим главные постулаты концепции распределенной когниции:

- разумность «не заключена в пределах телесной оболочки организма, но состоит в структурном сопряжении организма со средой (миром), обеспечивающем деятельность организма (в том числе и языковую) по поддержанию гомеостаза в этой системе» [Кравченко 2013: 267];

- «когниция как явление возникает в области взаимодействий или в области сенсорно-эффекторных корреляций в случае, когда организм обладает нервной системой» [Имото 2013: 30];

- когнитивные процессы распределены в теле, мозге, физическом, социальном и культурном окружении человека [Cowley 2009; 2011];

– когницию нельзя рассматривать как локализованный индивидуальный феномен [Steffensen 2012: 515];

– «общий разделяемый контекст» (физический, культурный, социальный) «общие основания» («common ground») в виде совместно разделяемых знаний, эксплицитно и имплицитно существующих норм, установок являются базисом распределенной когниции [Cowley 2004a; 2004b];

– язык, возникая в социальном взаимодействии, создает некоторые ритмы и образцы, которые способствуют или, напротив, являются ограничителями лингвистической коммуникации [Rączaszek-Leonardi 2009];

– когниция распределена между членами социальной группы во времени так, что более ранние события могут трансформировать текущие события, включает координацию между внутренними по отношению к человеку и внешними структурами [Hutchins 2001].

Сделаем обобщение об основных методологических конструктах био-когнитивной теории в проекции на область научной коммуникации, каковыми являются понятия *среды* и *консенсуальной области взаимодействий*.

Сама по себе *среда* является гипотетически вводимым объектом, который дает возможность включить в контекст структурного детерминизма идею триггеров и Субстрата. Среда идентична Субстрату, из которого возникают триггеры для структурно детерминированных систем. Детерминированные системы взаимодействуют через триггеры, неизвестные для них. Вот как описывает С. Имото этот процесс на примере взаимодействия двух систем: «...структурно детерминированная система испускает триггеры в Субстрат, из которого другая структурно детерминированная система воспринимает триггеры, способствующие возникновению неких когнитивных сущностей. В данных обстоятельствах нет гарантии, что первые и последние триггеры одни и те же, потому что все они неизвестны обоим структурно детерминированным системам. Лишь через результаты своих структурных динамик они могут знать о том, что они сделали» [Имото 2013: 95]. Примером триггеров, сталкивающихся со структурно детерминированными системами (других людей) могут выступать произнесенные или написанные суждения, которые становятся внешними агентами, высвобождающими в их структуре некоторые изменения. Из этого можно заключить, что, взаимодействуя, структурно детерминированные системы соприкасаются с миром Субстрата и то, что некоторые триггеры, принадлежащие миру Субстрата, могут стать агентами и произвести определенные изменения в ходе эмерджентной когниции взаимодействия, а некоторые таковыми не являются.

Если исходить из того, что индивид представляет собой организм с круговой организацией, а также принимая во внимание вывод об относительности

истины и подтверждающую его характеристику ориентирующей функции языка, нет смысла говорить о существовании какой-либо объективной реальности: «объективность возможна только как предприятие, в котором участвует множество наблюдателей, движущихся друг относительно друга» [Пригожин 1994: 44]. *Консенсуальная область взаимодействий* (con- совместно + sense чувствовать) в научной коммуникации представляет собой общую, в какой-то степени разделяемую область взаимодействий в научной среде (ср., например, *прожить жизнь в науке*, или, наоборот, *напрасно автор полагается на свой небогатый опыт в науке*). От степени совпадения опыта коммуникантов, от того, насколько широкой является консенсуальная область взаимодействий, зависит возможность возникновения когнитивных сущностей (в другой терминологии, коммуникации).

Недаром одним из требований к официальным оппонентам является требование быть ученым в данной отрасли науки по профилю защищаемой работы. Ситуацию несовпадения или даже распада консенсуальной области, а, следовательно, распада живой системы, мы можем видеть в статье А.Д. Кошелева. Ученый описывает парадоксальную для науки картину сосуществования большого числа противоречащих друг другу языковедческих концепций, теорий, взглядов, которые развиваются сами по себе, и между которыми нет даже видимости единства². Мы, в свою очередь, дополнили бы наблюдение ученого, указав, что не только мирное сосуществование, но и жесткая полемика характерна для представителей, например, «неогумбольдтианства» и «неоуорфианства», концептологии и когнитологии разных поколений. В этом проявляется одна из особенностей социального автопоэзиса – дифференцированность общества. В рамках подхода, именуемого эпистемологией социальной дифференциации, эксплицируется идея о том, что различия, разобщенность, а также возникающие при этом конфликты являются важнейшими условиями системной динамики в обособившихся частях общества [Антоновский 2006; Луман 2006].

В этой связи сделаем предварительный вывод о том, что ***именно разного рода противоречия, обсуждение спорных вопросов следует отнести к особому измерению когнитивной области взаимодействий в контексте поддержания системной динамики***. При этом письменный текст, являющийся в научной коммуникации «точкой пересечения познавательного и коммуникативного содержания» [Чернявская 2016: 57], включает определенные триггеры и образцы, которые способствуют языковому взаимодействию.

---

² Кошелев А.Д. Современная теоретическая лингвистика как Вавилонская башня (о «мирном» сосуществовании множества несовместимых теорий языка) // Известия Российской Академии Наук. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72. № 6. С. 22.

1.5.2. Поля аргументации в консенсуальной области взаимодействий

Для моделирования процесса критики и контраргументации в заявленной парадигме коммуникативного моделирования уместными являются три научных подхода, которые далее последовательно изложим.

Во-первых, для обоснования применения понятия «когнитивная ниша» мы используем ход рассуждения, представленный А.В. Колмогоровой по отношению к взаимодействию «автор-рецензент» [Колмогорова 2013]. Исследователь описывает такого рода интеракцию с помощью термина «социально-эпистемическое взаимодействие», которое происходит в рамках когнитивных ниш участников взаимодействия и в которых, при общей сопоставимости, но при имеющихся отличиях, происходят различного рода динамические процессы [Колмогорова 2013: 245]. В указанной работе такие процессы исследуются с точки зрения реализации распределенной когниции и в терминах расширения/ сужения области когнитивных взаимодействий субъектов общения с когнитивным объектом. Прежде чем приступить к дальнейшему изложению, необходимо привести особенность, отмечаемую А.В. Колмогоровой: «когнитивное взаимодействие двух субъектов в рамках социальной практики научного общения строится на базе двух видов речежизненного опыта коммуникантов – собственно опыта взаимодействия в научной среде и опыта взаимодействия в повседневной жизни» [там же: 244]. Эта особенность оказывается существенной в аспекте аргументативного взаимодействия, когда некоторый комплекс сходных конфигураций оказывается включенным в когнитивные ниши субъектов в виде бывших или ранее отсутствовавших в их опытах взаимодействий определенных идей и тем. Такой комплекс представляет собой смыслообразующее основание, задающее направленность и мотивированность для аргументативной коммуникации.

Во-вторых, для моделирования динамических процессов, происходящих в силу различия когнитивных ниш оппонента и пропонента, применим научно значимый концепт «наблюдатель». Мы следуем подходу Т.Л. Верхотуровой, разработавшей модель ситуации наблюдения [Верхотурова 2009], содержащей возможность для интерпретации выражения перцептивно-когнитивных процессов в языковой форме. Когнитивное моделирование по указанной модели обоснованно также и тем, что речь идет не просто о перцепции первичного текста, но о более сложном процессе восприятия критикующим критикуемого: по мысли исследователя, такая модель предполагает «обязательную двухкомпонентную ситуацию, включающую наряду с наблюдателем феномен “наблюдаемое”» [там же: 9]. Для характеристики динамичности процессов значимым является и замечание Т.Л. Верхотуровой, указывающей на то, что в ходе моделирования следует учитывать то, что эти две категории – «наблюдатель» и «наблюдаемое» – находятся в постоянном рекурсивном перцептивно-когнитивном взаимодействии.

Выявленные ранее форматы взаимодействий, реализующиеся в виде критики в научных рецензиях, отзывах, статьях, дискуссиях в научных журналах, следовательно, показывают результат наблюдения. Специфичность содержания указанных типов текстов как самостоятельного научного произведения состоит в том, что они являются одновременно и первичными, и вторичными текстами. С одной стороны, в них содержатся результаты научного познания (наблюдения) объективно существующих явлений и фактов действительности самого автора текста. С другой стороны, в них содержится интерпретация (результат наблюдения) первичного текста, то есть уже изученные и осмысленные другим автором (наблюдателем) объекты и процессы действительности. Конкретное наблюдаемое, в данном случае первичный текст, требует экспликации с точки зрения выявления классов сущностей, которые совмещают акт перцепции с оценкой и ведут к рекурсивному взаимодействию наблюдаемого и наблюдателя.

В-третьих, для моделирования таких классов сущностей в категории наблюдаемого задействуем принцип «согласования полей аргументации участников дискуссии», представленный в работе [Кириллов 2008]. В.И. Кириллов и А.А. Старченко вводят понятие полей аргументации, под которыми следует понимать занимаемую каждым субъектом или коллективом позицию, включающую множество относящихся к процессу аргументации компонентов: 1) суждений, 2) способов аргументации, 3) фундаментальных принципов [там же: 196]. Приведем мнение исследователей о составе полей аргументации.

Суждение в поле аргументации – это тезис и антитезис, а также все прямо или косвенно обосновывающие их суждения-аргументы, «аргументы аргументов» (подчинительные) и контраргументы. Нерелевантные процессу аргументации суждения не включаются в поле аргументации.

Способы аргументации, или способы рассуждения – это используемые участниками приемы и методы обоснования и критики, которые, по мнению субъектов аргументации, являются наиболее действенными и эффективными.

Фундаментальные исходные принципы – это философские, религиозные, социально-политические и другие положения, которыми неосознанно (стихийно) или сознательно руководствуются участники дискуссии. Авторы утверждают, что, в отличие от остальных компонентов, исходные принципы обычно не имеют явного выражения в структуре аргументации, но имеют решающую роль в выборе критериев оценки, способов обоснования и критики.

Ход процесса аргументации зависит от согласования полей аргументации участников взаимодействия. Используя предложенный В.И. Кирилловым и А.А. Старченко принцип согласования к выделенным ранее форматам взаимодействия, представим варианты таких взаимодействий, где оппонент интерпретирует первичный письменный текст в рамках своей когнитивной ниши.

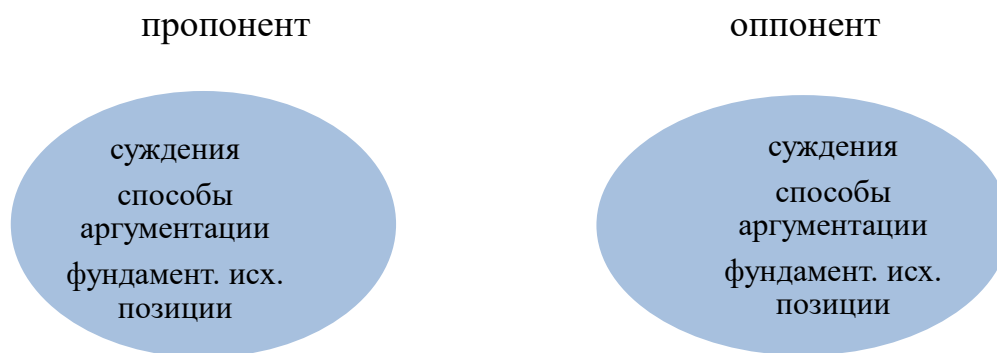

Схема 3. Полное несовпадение полей аргументации

В виде двух непересекающихся кругов на схеме 3 представлено полное несовпадение полей. Это означает, что субъекты не имеют общих позиций относительно тезиса, антитезиса, аргументов и контраргументов, у них также разные подходы к способам аргументации, и нет общности в исходных принципах. Процесс аргументации в этих условиях не осуществим. Институциональный контекст, ритуализованность практики научного общения, а также аффективные реакции окружающих все же обуславливают возникновение ложной интеракции в виде «симуляции когнитивного взаимодействия и псевдоинтеракции» [Колмогорова 2013: 253]. В таком случае оппонент, не найдя когнитивных «зацепок» в своей когнитивной нише для взаимодействия, не решается открыто продемонстрировать непонимание. Другим вариантом развития взаимодействия такого типа является то, что при отсутствии соответствующих структур происходит отрицание позиции другого субъекта. Имеющаяся практика научного общения при полном несовпадении полей аргументации по компонентам суждений, способов аргументации и фундаментальных позиций иллюстрирует и объясняет обособление, раздробленность лингвистических школ, затрудненную коммуникацию между ними.

Следующий вариант взаимодействия представляет собой совпадение взаимодействий с когнитивным объектом, в отношении которого выдвинут тезис и аргументы.

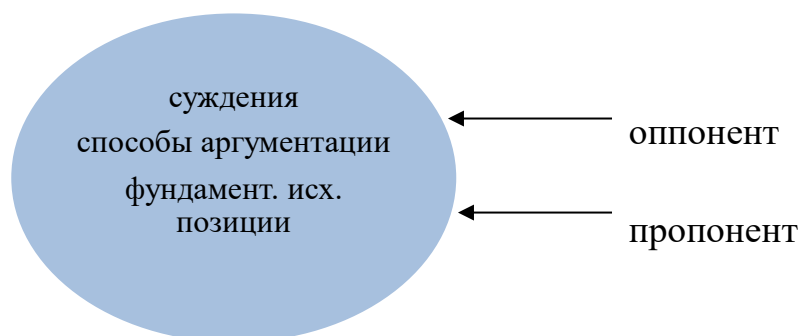

Схема 4. Полное совпадение полей аргументации

Представленное на схеме 4 полное совпадение полей аргументации означает, что субъекты имеют одинаковые позиции как по главным идеям – аргументам и тезису, так и по способам обоснования и исходным принципам. Практически это выглядит так, что субъекты согласны друг с другом в принятии обсуждаемых тезисов и в способах их обоснований. В этом случае дискуссия и критика не предполагается, а если таковая имеется, то речь можно вести о квазидискуссии и о подмене полемики одобрением предлагаемых тезисов.

Учитывая то, что критика осуществляется, по крайней мере, в ходе междисциплинарной коммуникации, участники взаимодействия имеют в некоторой степени совпадающий опыт научной жизни. Будучи разным, неподдающимся измерению и сравнению, этот опыт имеет базу сходных конфигураций в виде набора сегментов научной среды (экстралингвистические факторы, термины, публикации, парадигмы, научные авторитеты и т.д.).

По наблюдению Л.Г. Васильева, проводящего анализ речевого воздействия в разных типах дискурса, аргументативное взаимодействие является в большей степени рациональным действием, так как в нем отсутствуют, по крайней мере, два фактора, отличающие манипуляцию от аргументации. К этим факторам, обуславливающим манипулятивное воздействие, ученый относит (а) отсутствие у адресата знаний, позволяющих предоставить контраргументы против ложных суждений, и (б) наличие норм, ценностей и идеологии, которые сложно опровергнуть или проигнорировать [Васильев 2013: 214]. Характерным является и то, что в аргументативном дискурсе «принципиально открытие “фильтра доверия” в когнитивном пространстве реципиента – предрасположенность его к принятию аргументации» [там же]. Значит, в состоявшейся научной коммуникации между оппонентом и пропонентом контекст взаимодействий является в достаточной степени совпадающим. Этому способствует и четкая организованность всей массы дисциплинарных публикаций, которые соответствуют тому или иному предметному дискурсу. Обобщенно, это ведет к специфичности и селективности фрагментов знаний, избираемых экспертами и предлагаемых экспертам для оценки, что в большой степени обеспечивает общность контекста взаимодействий в научной коммуникации.

Конкретный разделяемый контекст коммуникации является необходимой предпосылкой аргументации, без признания которой субъекты не могут быть сознательными участниками аргументативного процесса. Осмысленная аргументация предполагает соблюдение правил, среди которых необходимым требованием является наличие общего круга референции или общего фона знаний. Это позволяет субъекту интерпретации производить операции сопоставления, различения, соотносить анализируемый контекст – научный результат, некоторый блок идей – в рамках своей когнитивной ниши.

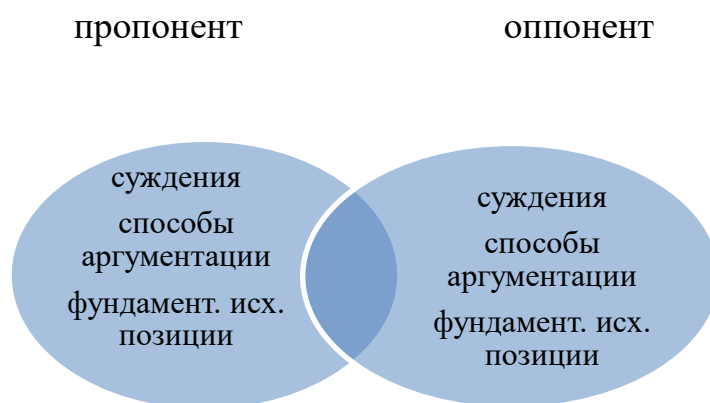

Схема 5. Частичное совпадение полей аргументации

Проведя некоторые терминологические преобразования авторский трактатовки А.В. Колмогоровой интеракции «автор-рецензент», представим описание письменно-языкового взаимодействия в выявленных ранее форматах.

На схеме 5 представлено частичное совпадение полей аргументации, что в терминах структурного детерминизма означает в какой-то степени совпадающую консенсуальную область взаимодействия, что, в свою очередь, является предпосылкой эмерджентной когниции. Критика и возражения по отношению к когнитивному объекту в этом случае иллюстрируют произошедшие в структурно детерминированной системе изменения, обусловленные триггерами среды.

Так, имея в какой-то степени совпадающий опыт взаимодействия с когнитивным объектом (например, суждения в виде тезиса), согласование компонентов полей аргументации в консенсуальной области происходит таким образом, что эксперт помещает когнитивный объект – исследовательский результат, блок идей, точки зрения, выводы, гипотезы, обоснованные посредством аргументации, – в известный ему контекст, опираясь на личный или коллективный опыт понимания истины. Такой же процесс согласования проходят и оцениваемые сущности, выражаемые другими компонентами полей аргументации.

При несоответствии компонентов аргументативного поля пропонента с известным оппоненту контекстом происходит несовместимость оцениваемых сущностей с содержательной истинностью представлений. Несовместимость определяется как сужение, отклонение, ограничение существующих знаний, опыта, оценок в отношении уже известных объектов, как обнаружение несоответствующих тому или иному критерию истины качеств объекта, связей между известными характеристиками объекта, или обоснование уже ранее доказанных связей и характеристик объектов, областей применения известных идей и методов. Частичное совпадение консенсуальной области взаимодействия, которое обеспечивается возможностью экспертам работать с относительно небольшим

фрагментом знания, дает возможность вносить вклад в *аргументацию истины*, где категория наблюдаемого, в котором выявляются несоответствующие истине сущности, приобретает статус референта для отрицания.

Оценка происходящего взаимодействия возможна при помощи лингвистического анализа, так как результат интерпретации наблюдаемого имеет выход на лексический уровень и синтаксическую поверхность текста. В структуре письменного текста опровержение сущностей имеет вполне конкретные маркеры, в том числе языковые, выражаемые на лексическом и синтаксическом уровнях. Поэтому содержательная структура текста критической научной статьи или отзыва может рассматриваться как вербализация истины с точки зрения представленности опровержения несоответствующего истине знания.

Подытоживая сказанное в параграфе относительно полей аргументации в консенсуальной области взаимодействий, представим несколько выводов.

Во-первых, рациональное действие аргументации предполагает наличие общего для участников взаимодействия круга референции. Процесс активной критики возможен при частичном совпадении полей аргументации, включенных в когнитивные ниши участников письменного языкового взаимодействия. Именно в силу отличий когнитивных ниш субъектов в рамках консенсуальной области взаимодействия происходят динамические процессы явной критики. Тогда как при полном совпадении или полном несовпадении полей аргументации можно говорить лишь о квазидискуссиях.

Во-вторых, частичное совпадение полей аргументации в когнитивных нишах субъектов позволяет субъектам производить операции сопоставления, различения, соотнесения когнитивного объекта в рамках своей когнитивной ниши. Происходящие акты перцепции и оценивания выводятся к научному осознанию в качестве понятий, связанных собственно с критикой, опровержением, возражением, контраргументацией, выраженных на языковом уровне.

В-третьих, если считать, что категорию наблюдаемого составляют, в терминах Т.Л. Верхотуровой, фрагменты экспериенциального мира – предметный, признаковый, событийный, сделаем предположение, что компоненты аргументации, о которых пишут В.И. Кириллов и А.А. Старченко, являются такими классами сущностей, триггерами, вызывающими динамический процесс критики. При этом последние дифференцируются на основании релевантности структуре аргументации: классы сущностей ранжируются в категории «наблюдаемое» фрагментами, которые принадлежат обоснованию представленного когнитивного объекта – блока идей и результатов научного исследования и фундаментальных принципов в виде положений, связанных с индивидуальным, культурно-языковым, философским, рациональным багажом знаний субъекта восприятия – автора первичного текста.

Выводы по первой главе

Следуя логике системного мышления в научном поиске, а также учитывая специфику науки как социально обусловленного феномена и как формы жизни занимающихся ею людей, имеются все основания в исследовании сферы науки применить методологического конструкта «социальная система».

Одним из критериев социальной системы является бинарный код-различение, который поддерживает равновесие системы и реализуется в виде набора дуплетных терминов, языковых «да-нет» интеракций. Формирование *кода* в данном случае следует понимать как отнесение предмета к определенной смысловой области с использованием терминов из соответствующего понятийного ряда.

Обращение к универсальным принципам научного этоса, выступающего в виде регулятора для научного сообщества, подтверждает принцип формирования такого кода, или схемы-различения. Императивы научного этоса действуют независимо от вида научного знания и представляют некоторый идеал или норму, позволяющую зафиксировать отклонения от нее в виде девиаций и анти-норм. Языковым воплощением интеракций по выявлению и фиксации таких отклонений является критика.

Институциональным основанием для критики в науке служит императив организованного скептицизма, согласно которому научный результат должен проходить «аргументативную проверку» (термин К.-О. Аппеля).

Научный поиск фундирован многомерным процессом понимания истины, в основу которой может быть положен не один критерий.

Во-первых, классическая научная концепция истины предполагает идеал познания объективной реальности (корреспондентская теория истины).

Во-вторых, критерий истины требует согласования научного продукта с мнением экспертного сообщества (интерсубъективная теория истины).

В-третьих, в основе прагматического понимания истины лежит идея полезности, эффективности знания (прагматическая теория истины).

Критика в научном контексте обеспечивает ограничение и фальсификацию того знания (мнений идей, взглядов и фактов), которое является препятствием ко всему истинному, полезному и новому. Критика в таком контексте представляет собой 1) механизм исключения отклонения от истины, 2) механизм обновления знания и механизм экспертизы нового знания. Данный механизм реализуется в социальной кооперации между членами экспертного сообщества.

Аналитически выделяется следующая гипотеза: противоречия, обсуждение спорных вопросов следует отнести к особому измерению когнитивной области взаимодействий в контексте поддержания системной динамики.

Методология лингво-аргументологии является необходимым шагом для исследования проявлений критики в научном дискурсе. Применение прагма-диалектической модели аргументативной дискуссии, а также учет вида критикуемого текста позволяет представить взаимодействие субъектов научного взаимодействия в виде трех форматов: «эксперт-оппонент → соискатель-пропонент», «эксперт-оппонент → автор-пропонент», «эксперт-оппонент → эксперт-пропонент».

При всем многообразии форм научной коммуникации основным способом оповещения о научной критике является письменный контент статей, отзывов и рецензий.

Методологический фильтр, разработанный специально для практики коммуникативного моделирования, позволил выявить наиболее релевантную базу исследования языкового взаимодействия между агентами научного общения, которой оказывается био-социо-культурная теория языка. Методологический потенциал этой теории позволяет моделировать процесс согласования полей аргументации в рамках когнитивных ниш субъектов как динамический процесс, который происходит в силу различия когнитивных ниш пропонента и оппонента.

Динамические процессы явной критики происходят в силу отличий когнитивных ниш субъектов в рамках консенсуальной области взаимодействия. Дискуссии, возникающие при полном совпадении или полном несовпадении полей аргументации, представляют собой квазидискуссии и ложные интеракции, в которых отсутствует фактическая критика.

Частичное совпадение полей аргументации в когнитивных нишах субъектов позволяет производить операции сопоставления, различения, соотнесения когнитивного объекта в рамках когнитивной ниши, которые выводятся к научному осмыслению через категорию критики и контраргументации.

Использование модели ситуации наблюдения с точки зрения взаимодействия лингво-философских категорий «наблюдаемое» и «наблюдатель» позволяет выявить результат такого наблюдения в виде критических реакций в текстах вторичного жанра отзывов, рецензий и статей. Это, в свою очередь, позволяют проследить существующие *экзистенциальные траектории социальной системы науки*.

Выявление таких траекторий возможно на основании классов сущностей в «наблюдаемом», в отношении которых происходит акт перцепции и оценивания. Входящие в состав полей аргументации компоненты в виде суждений, способов аргументации и фундаментальных принципов являются триггерами эмерджентной когниции и возможными векторами формирования экзистенциальных траекторий. Однако достоверно об этом можно судить на основании анализа эмпирического материала.

Принцип системности позволяет, посредством конструктора «социальная экосистема», обратиться к лингвоэкологическому аспекту исследования сферы науки.

Предпосылки исследования критики в науке в лингвоэкологическом ключе обусловлены несколькими группами факторов:

- языковая детерминированность знания, вопросы научной коммуникации;
- включенность в общий контекст взаимодействия с другими системами и подсистемами общества;
- характерные для современной науки негативные тенденции в виде девиаций и трансформации норм научного сообщества.

Исследование аргументативной коммуникации в проекции на экосистемный подход в научной сфере лингвистики позволяет рассмотреть, как выполняется запрос на регуляцию научной деятельности, установив роль критики в аргументации истины и в реализации негативных санкций.

ГЛАВА II. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ КОНТРАРГУМЕНТАЦИИ

В науке о языке накоплено немало знаний о критике, этот вопрос хорошо изучен в виде отдельных проявлений, в основном, связанных с логико-лингвистической категорией отрицания. Данная категория исследуется и с позиций грамматики, и с позиций коммуникативно-прагматических подходов. Процессы естественного языка, проявляющиеся в критике, вполне обоснованно исследовать сквозь призму «аргументативного языка», где, как отмечается в работе М. Стида и Дж. Шнайдера, имеется возможность исследовать поддерживающие и атакующие заключения шага на разных уровнях и в разных деталях [Stede 2019]. Так как наше исследование проводится в рамках аргументативного взаимодействия, то явление критики будет исследоваться через понятие контраргументации. Следовательно, дальнейшее изложение потребует всестороннего и тщательного рассмотрения теоретических основ описания контраргументации, а именно ее логических основ.

Достоверно доказать теоретические выводы, сделанные в первой главе нашей работы, можно, лишь применяя инструменты логического анализа к описанию эмпирического материала – лингвистических средств, то есть самой ткани локализации разнородных критических реакций.

Цель данной главы состоит в том, чтобы проанализировать понятие контраргументации. Для этого мы представим описание структурно-семантических особенностей лексем *контраргументация* и *counterargumentation*. Исследование КА в критике предполагает необходимость рассмотреть особые логические механизмы, которые объясняют внутреннее устройство конструкций и предложений. Эти механизмы будут рассмотрены в рамках лингвоаргументологии, что позволит представить структурные характеристики КА, качество контражности и параметры КА.

2.1. Структурно-семантические особенности лексемы *контраргументация* и *counterargumentation*

Обратимся к анализу лексических единиц *контраргументация* и *counterargumentation* и их производных. Учитывая данные словарей, контекстуальное содержание слова *контраргументация*, которое имеет в своем составе приставку *контр-*, следует толковать как:

- 1) аргументация, противоположная другой аргументации;
- 2) аргументация, направленная против другой аргументации;
- 3) аргументация, противодействующая другой аргументации.

Рассмотрим этот вопрос подробнее, обратившись к результатам специальных исследований. В соответствии с используемым языковым материалом начнем с препозитивного элемента *контр-* и *counter-* и дериватов с ним в русском

и английском языках. Опираясь на данные исследований В.Л. Леонович [Леонович 1993] и В.М. Романовой [Романова 2005], в которых исследуются слова с элементами латинского происхождения в русском языке, и репрезентации ситуаций противодействия в английском языке, можно сделать вывод об общности структурных и семантических особенностей слов *контраргументация* в русском языке и *counterargumentation* в английском языке.

Исходя из этого, можно заключить следующее: лексемы *контраргументация* и *counterargumentation* содержат компоненты начальной части слова *контр-* и *counter-*, которые представляют собой препозитивные морфемы латинского происхождения. В связи с тем, что элементы *контр-* и *counter-* обладают «четким» лексическим значением, они относятся к группе относительных префиксов.

В английском языке имеется два варианта написания соответствующего слова (*counter-argumentation, counterargumentation*). В то же время свойства данных элементов не входят в противоречие с критериями, предъявляемыми к характеристике префиксов. Поэтому, как отмечается в диссертации В.Л. Леонович, такие элементы можно назвать «условно» префиксами, а образования с ними – «условно» префиксальными [Леонович 1993: 7].

Указанные морфемы входят в несколько классов слов, различаемым по частям речи. По данным Национального корпуса русского языка и British National Corpus, это существительное, глагол, прилагательное. Для описания структурных особенностей дериватов с элементом *контр-* (*counter-*) можно применить следующие модели для лексем русского языка³:

– + ___ (контраргумент);

– + ___ + $\wedge$ + $\vee$ (контраргументация, контраргументативный, контраргументационный);

– + ___ $\wedge$ + $\wedge$ (контраргументировать).

Для лексем английского языка применимы следующие модели:

– + ___ + $\wedge$ (*counterargument/counter-argument*);

– + ___ + $\wedge$ + $\wedge$ (*countergumentation, counter-agumentation, counterargumentative*).

Таковы структурные особенности лексем с элементом *контр-/counter-*. Обратимся теперь к семантическим особенностям лексем *контраргументация* (*counterargumentation*). Данные лексемы представляют собой сочетания элементов, происходящих от латинского слова *contra / против* с мотиватором *аргументация* (*argumentation*).

---

³ $\neg$ – префикс, ___ – основа, $\wedge$ – суффикс, $\vee$ – постфикс.

Во-первых, необходимо отметить регистрируемую исследователями специфичность семантики подобных лексем, обусловленную определенными сферами их применения. С функционально-стилистической точки зрения они принадлежат научной терминологии.

В английском языке примеры употребления лексем *counter-argumentation* / *counterargumentation* почти полностью принадлежат научному контексту. Например, в названиях диссертаций (пример 1):

(1) *Confrontations: When Does the Counterargumentation Occur and When do People's Thoughts Predict Their Actions?* [J.A. Shih, 2002];

статьях (пример 2):

(2) *Indirect Minority Influence: Evidence for Leniency in Source Evaluation and Counterargumentation* [E.M. Avaro, W.D. Crano // Journal of Personality and Social Psychology. 1997];

учебных пособий по аргументации (пример 3):

(3) *Toulmin's «rebuttal» represents a possible counterargumentation that could lead to an alternative opinion or conclusion than the one preferred* [Handbook of Argumentation Theory, 2014].

При этом в русском языке соответствующая лексема функционирует не только в научном и академическом контексте, например, в учебниках (пример 4):

(4) *Контраргументация может быть в форме возражений или встречных предложений* [Логачев С. 101 совет по переговорам, 2016];

статьях (пример 5):

(5) *Как построить систему аргументации / контраргументации при написании эссе по английскому языку в формате ЕГЭ?* [Корчажкина О.М. Иностранные языки в школе. 2014. № 8. С. 7–15].

Данная лексема используется и в общественно-политической и исторической сферах (примеры 6, 7):

(6) *Разумеется, бывали случаи, когда контраргументация имела содержательный характер, позволяла рассмотреть проблему под новым углом зрения.*

[Бовин А. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (1999), НКРЯ];

(7) *Из анализа внутривнутрипартийных дискуссий 20-х гг. видно, что Троцкий оказывался в проигрыше еще до их начала – так неудачно им выбирались моменты для дискуссий, сами их темы, используемая контраргументация* [Васецкий Н.А. «Он был захвачен борьбой против Сталина...» // Горизонт. 1989. НКРЯ].

Также эта лексема встречается в газетно-публицистическом стиле (пример 8):

(8) *Аргументы тех, кто за легализацию оружия, настолько... (здесь матерное слово), что даже к **контраргументации** прибегать не хочу* [О. Кушанашвили: Тысяча рублей за пальбу по сторонам и по нам // АиФ. 2012. 23 окт.].

Во-вторых, особенностью лексем, образованных по префиксальным моделям с элементами латинского происхождения, как отмечает В.Л. Леонович, является то, что их семантика определяется не только значением производящих единиц, но и содержанием префиксальной морфемы [Леонович 1993: 11].

В.М. Романова выявляет словообразовательную модель counter + N1 и отмечает, что существительные, образованные по данной модели, в зависимости от характера атомарного предиката или признаков, вычленяемых в дефиниции, подразделяются на типы: «борьба с целью подавления активности негативного явления, и противостояния с целью не допустить подавления собственной активности» [Романова 2005: 14].

Итак, в отношении лексических единиц *контраргументация* и *counterargumentation/counter-argumentation* можно заключить следующее: **данные лексемы являются репрезентацией противодействия как на словообразовательном, так и на семантическом уровнях по отношению к мотиватору-существительному «аргументация/argumentation».**

Рассмотрим семантику производящей мотивирующей единицы – слова *аргументация/argumentation*. Для этого обратимся к определениям аргументации.

Существует немало определений аргументации; перед тем как привести некоторые из них, изложим базовый набор аксиом, лежащих в основе многих трактовок аргументации:

- 1) назначение аргументации состоит в том, чтобы оправдать или опровергнуть некоторое мнение;
- 2) аргументация – рациональное действие, которое предполагает разумность адресата, его способность принимать или оспаривать аргументы;
- 3) аргументация является жестко адресованным действием;
- 4) аргументация зависит от социальных практик, в которых она реализуется;
- 5) аргументация непосредственно связана с языковым употреблением;
- 6) аргументация – это социальная деятельность;
- 7) аргументация диалогична, так как предполагает активную реакцию другой стороны;
- 8) аргументация – это целенаправленная деятельность, связанная с воздействием на чьи-либо убеждения;
- 9) элементы аргументации связаны с понятием истины;
- 10) аргументация подчиняется логическим правилам;
- 11) существуют правильные и неправильные аргументы;
- 12) вышеперечисленные характеристики формируют особый тип дискурса.

Эти базовые аксиомы оказываются задействованными в разных трактовках понятия аргументации. При этом первая аксиома входит в качестве пресуппозиции во все остальные, все двенадцать аксиом эксплицитно или имплицитно используются в разных теоретических и практических подходах к аргументации, а некоторые из указанных аксиом больше проявляются лишь в отдельных научных направлениях. Например, девятая аксиома фундирована в философском направлении исследования аргументации, аксиомы с девятой по одиннадцатую взяты на вооружение логикой. Пятая, шестая и двенадцатая аксиомы наиболее активно задействуются в лингвистических подходах к аргументации.

Обратимся к трактовкам понятия аргументации.

1. «Аргументация – это приведение доводов... Она встречается повсюду – от повседневных стычек между людьми до формально структурированных дебатов» [Zarefsky 2005: 6–7].

2. «Аргументация – это приведение доводов с целью изменения позиции, или убеждений, другой стороны» [Ивин 1997: 7].

3. «Аргументировать – это речевая деятельность, выполняющая двойную задачу (функцию):

- **рациональности**, стремящейся к идеалу истины касательно объяснения феноменов универсума (очевидно, аргументирующий субъект играет в игру истинного и универсального, поскольку его вовлечение в истину зависит от взгляда другого (отсюда вторая задача);

- **влияния**, стремящегося к идеалу убеждения, состоящего в том, чтобы заставить разделить с другим (собеседником или адресатом) определенный универсум дискурса так, чтобы у него возникло то же суждение» [Костюшкина 2009: 246].

4. «...1) мы рассматриваем аргументацию как имманентное свойство повседневного речевого общения в целом, при этом важно, что само свойство имманентности обуславливает тот факт, что коммуникативная установка на аргументацию говорящим не осознается; 2) аргументация может выступать и как осознаваемое коммуникативное поведение в речевом повседневном общении» [Колмогорова 2009 :118].

5. «Аргументация в теоретическом плане 1) это “технология убеждающего мышления”; в практическом плане 2) это метод подведения оснований под какую-либо мысль или действие (обоснование их) с целью их публичной защиты, побуждению к определенному мнению о них, признания или разъяснения; способ убеждения кого-либо посредством значимых аргументов» [Новоселов 2006: 32].

6. «Аргументация – это речевой акт, состоящий из ряда высказываний, которые предназначены для того, чтобы обосновать или опровергнуть выраженное

мнение, и направлены на то, чтобы убедить рационального судью в правильности определенной точки зрения, приемлемости или неприемлемости этого выраженного мнения» [Еемерен 1994: 24].

7. «Аргументация – языковая, социальная и рациональная деятельность, целью которой является убедить разумного получателя сообщения в приемлемости какой-либо точки зрения путем выдвигания ряда положений, подтверждающих или опровергающих утверждение, содержащееся в точке зрения» [Важнейшие концепции теории аргументации 2006: 14].

8. «Аргументация (в широком смысле) – мыслительно-языковая структура, обеспечивающая обоснование относительной истинности определенного положения» [Пучкова 2006: 203].

В представленных определениях, несмотря на принадлежность последних разным научным сферам, можно выделить общее свойство – «приведение доводов» и два типа взаимодействия. Акт приведения доводов – установление логических связей, доказательства и опровержения – представляет собой главное свойство аргументации, которое в реальной языковой практике может быть эксплицитным или имплицитным.

Это свойство обнаруживается в двух типах взаимодействий, которые хорошо осмысляются через понятия «сопоставительность» и «совещательность». Таким путем идет И.М. Васильянова, рассматривая проблему сопоставительности и совещательности, которые «заложены в интенциях самих коммуникантов:

- 1) если у участников разные цели и необходимо прийти к единому мнению;
- 2) либо у участников одна цель, и необходимо найти оптимальный путь решения данной проблемы», а для выполнения целей необходим аргументативный инструмент [Васильянова 2017: 377].

Представим это на схеме (см. схему 6).

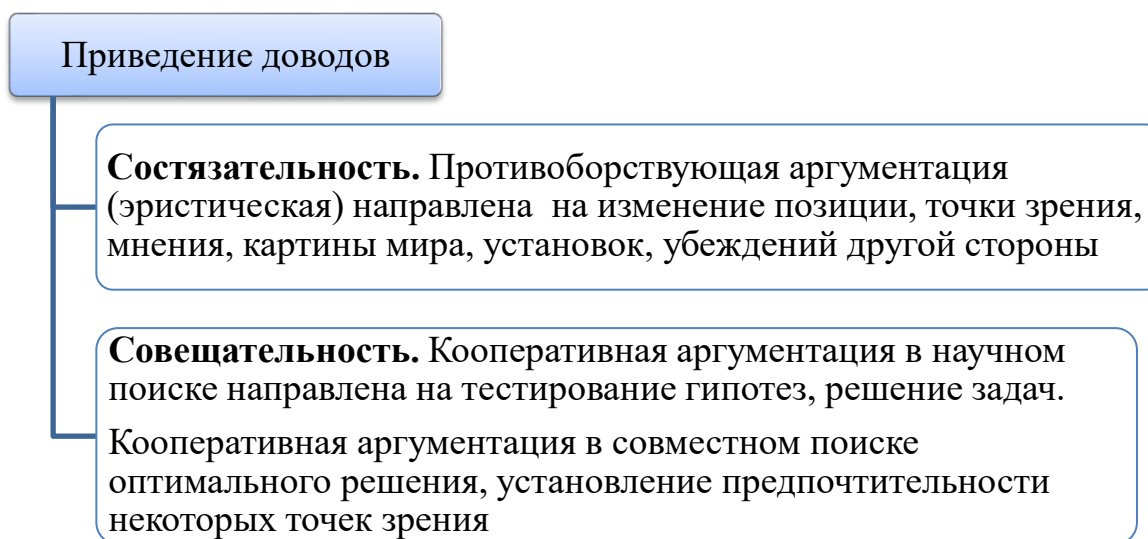

Схема. 6. Типы аргументативного взаимодействия

В соответствии с представленной схемой в противоборствующем взаимодействии наличествует конфликт интересов, вследствие этого сам процесс протекает с элементами полемики, спора, диспутов (эристика). Конфликтогенность состязательной аргументации нередко требует привлечения модератора, рационального судьи для регулирования критической дискуссии. Этот тип взаимодействия представляет собой сферу убеждения, включающую в себя в терминологии разных авторов убеждающие речевые действия: изменение позиций, мнений, установок, изменение картины мира и т.д. Для демонстрации подобного процесса можно привести примеры политических дебатов, судебный процесс, полемика ток-шоу, повседневный дискурс.

В случае кооперативного взаимодействия существуют различные точки зрения на одну и ту же проблему без явного противостояния друг другу. Советательный процесс не предполагает конфликтов, споров и противостояния сторон и реализуется в таких практиках, как процесс нахождения истины в качестве методологии научного поиска и как техника нахождения оптимальных решений. Эта сфера применения аргументации включает в себя диалектический способ мышления и действия кооперативного характера. В этом случае речь идет об аргументации в теоретическом мышлении, о научном познании и критическом мышлении. Примерами аргументации в научном поиске являются учебные пособия, монографии, дипломные работы, статьи, диссертационные исследования.

Кооперативная аргументация в большей степени представляет собой методологию конструктивных регулируемых критических дискуссий. В практике таких дискуссий предполагается высокая степень рациональности всех дискутирующих сторон. Целью такой аргументации является поиск оптимального решения посредством конструктивной критики и обмена аргументами между коллегами-оппонентами. Кооперативная аргументация в таком контексте является ценным инструментом и методом разрешения разного рода разногласий. Такого рода аргументация представляет собой рациональное действие, которое вполне соответствует императивам Мертона, но в какой-то степени является отвлеченным от реальной коммуникативной практики.

Речь идет о том, что научная коммуникация нередко представляет собой сферу борьбы за признание в научном сообществе, связана с высокой степенью конкуренции, нередко с жесткой борьбой между конкурирующими научными школами. Мы не утверждаем, что основная цель науки – постоянный рост достоверного научного знания – полностью нивелировалась в современных условиях. Однако социально устанавливаемые в этой области ориентиры не могут не вносить определенных трансформаций, где ученый, декларируя свою позицию, далеко не всегда может рассчитывать на толерантную оценку со стороны других.

Поэтому поиск научной истины осуществляется не только и не столько посредством кооперативной аргументации, такое возможно в рамках одного научного коллектива, одной научной школы, где все друг с другом согласны и разрабатывают провозглашаемое знание дальше. В случае межпарадигмальной коммуникации, особенно в условиях характерной для лингвистики многопарадигмальности, поиск научной истины ведется посредством противоборствующей аргументации. Поэтому аргументативная коммуникация в научной сфере содержит компоненты соперничества.

То же можно сказать и о регулируемых дискуссиях в разных сферах, даже тех, где общение строго регламентировано и имеет четкий хронотоп. Например, формально-языковая организация судебного дискурса, предвыборных дебатов, содержит условия для кооперативной аргументации. Однако наша авторская картотека, насчитывающая более 500 примеров, показывает, что, несмотря на структурированность и ритуализованность этой практики, дискуссанты систематически отступают и от правил ведения дискуссии, и от стандартов рациональности. Об этом же свидетельствует методология концепции стратегического маневрирования, которая является способом анализа такого рода дискуссий и которая убедительно доказывает, что даже в строго регулируемых дискуссиях стороны всегда отступают от идеалов рациональности.

Например, в работе Н.С. Баребиной и В.А. Косякова [Баребина 2018], написанной на материале предвыборных дебатов, с применением концепции стратегического маневрирования, сделаны выводы о том, что, несмотря на строгий регламент, поддержку модератора, институциональный контекст, дискуссионные тактики участников дебатов являются агрессивными, кандидаты задействуют широкий спектр конфликтогенных тем, аргументация участников изобилует ошибками, нарушающими те или иные стандарты рациональности. При этом, как утверждают авторы, ссылаясь на результаты тех же выборов, есть связь между нерациональностью аргументации кандидата и его успехом у аудитории, то есть успех на выборах одержал кандидат, который не поддерживал кооперативного принципа ведения дискуссии. Выводы этой работы можно оспаривать, однако следует признать, что кооперативная аргументация, будучи ценным инструментом и методом разрешения разного рода разногласий, все же является отвлеченной от реальной коммуникативной практики.

Поэтому практика аргументации в научной коммуникации не является только лишь совещательной. В этой сфере так же, как и в других, можно выявить идеал рациональности, когда стороны действительно заинтересованы в том, чтобы найти оптимальное решение. В научном общении манифестируются и интенции коммуникантов, связанные с состязательностью, конфронтацией и целью убеждения адресата.

Учеными проблематизируется и вопрос о понятии убеждения и критериях успешности убеждения. Так, Л.Г. Васильев отмечает наличие эмоционального компонента в убеждении и значимость этосного аспекта в нем: «убеждение отграничивается и от информирования – в последнем не значима эмоциональная составляющая» [Васильев 2013: 213].

Приведем определение аргументации-убеждения, данное Д.А. Бокмельдером, которое на наш взгляд, является наиболее исчерпывающим и развернутым. «Убедить аргументами – значит с помощью разумных доводов изменить знания, мнения, оценки и отношения разумного адресата, обладающего свободной волей. В результате успешного акта убеждения адресат аргументации должен сделать эти новые знания, мнения, оценки и отношения своей интеллектуальной собственностью и немедленно или в более отдаленном будущем действовать в соответствии с ними, причем свои действия адресат должен рассматривать как благоприятные тем или иным образом для него самого» [Бокмельдер 2014: 100].

Заканчивая обсуждение структурно-семантических особенностей контраргументации, сформулируем предварительное определение последней. ***Контраргументация представляет собой противодействие аргументации.*** При этом, как следует из словообразовательного анализа, понятие контраргументации зависит от признаков, вычленяемых в дефиниции атомарного предиката, то есть в существительном *аргументация*. Далее, в соответствии с выявленными типами аргументативного взаимодействия, ***Контраргументация представляет собой варианты противодействия: а) приведению доводам в убеждении и б) приведению доводам в научном поиске и кооперативном поиске оптимального решения.***

Практика аргументации. Как видно из представленных выше аксиом, искусство аргументации включает многие компоненты, а наиболее важным компонентом, который придает смысл всем другим, является концепция эффективности, умения рассуждать обоснованно, подкрепляя выдвигаемые положения убедительными аргументами. Действительно, каждый день в любой сфере деятельности людям приходится убеждать друг друга в своей правоте. Публичные выступления, подача заявок на гранты и конкурсы, участие в переговорах, совещания, защита проектов и дипломов, диалоги о повышении зарплаты и привлечение новых людей, составление аргументативных эссе, сочинения ЕГЭ, споры дома и на рабочем месте: вот неполный перечень социальных действий, где требуется умение аргументировать.

Однако не всегда удастся найти нужный аргумент, подобрать правильные доводы в защиту своей идеи, достучаться до оппонента. Существует ли какая-то универсальная система убеждения? Как подбирать правильные и убедительные доводы? Какие аргументы действуют и почему? За счет чего одним удастся доказывать свою точку зрения, а другим нет? Что на самом деле важно при убеждении?

Очевидно, что теория аргументации является той дисциплиной, которая призвана дать ответы на эти вопросы и обучить нас не только быть зрителями и понимать диалогические ходы участников дискуссий, но и вооружить нас техниками гуманного, рационального и эффективного убеждения.

Однако мнения современных ученых, исследующих данную проблематику, не внушают такого оптимизма. Далее будут изложены факторы, оказывающие негативное влияние на развитие искусства аргументации, которая, по выражению Д. Зарефски, «может оказаться потерянным искусством» [Zarefsky 2005: 7].

Негативная коннотация. Анализ языкового материал⁴ позволяет сделать вывод, что в русской языковой практике присутствуют некоторые установки по отношению к языковой единице *аргументировать*. Одна из таких установок фокусируется на типичной ситуации аргументативного взаимодействия: аргументировать – это рационально мыслить, внятно и убедительно рассуждать (примеры 9, 10): (9) *Чувствуется, что знает себе цену (очень дорогая), вообще все знает и может всесторонне аргументировать – хочешь, вот тебе Ильин, хочешь – хук снизу (в интересах с суровым кокетством прописан «спорт»)*. [Захар Прилепин. Леша из Кельна // «Русская жизнь». 2012. НКРЯ].

(10) *Я смотрю, Вы совсем потеряли способность аргументировать :) [коллективный форум: Православие и «Русский марш» (2012), НКРЯ].*

При всем том в научных работах не раз затрагивался вопрос о негативном значении глагола *аргументировать*. Наиболее явно это проявляется в английском языке, где глагол *to argue* включает в свое значение признак сопротивления (*notcontent, battle, fight, struggle*).

Анализ языкового материала дает основания утверждать, что это справедливо и для русского языкового сообщества (пример 11):

(11) *Аргументировать (то есть вступить в спор) автор не станет, ограничившись лишь изложением конечного варианта* [Иванов А. Message: Чусовая. Части 4–5 (2007), НКРЯ].

Негативная коннотация аргументации-спора состоит в том, что спор отнимает силы и время, а аргументатору могут быть приписаны качества склочности, непримиримости, нетерпимости к чужому мнению.

А.В. Колмогорова, проведя ассоциативный эксперимент и проанализировав употребление языковой единицы *аргументировать* в современной русской речи,

---

⁴ В главе использованы материалы Национального корпуса русского языка, включающие в себя как письменные дискурсы, так и стенограммы устных диалогов широкого жанрового диапазона. В сферу анализируемого материала были включены образцы институциональных дискурсов (научных и юридических), а также примеры из так называемого дискурса повседневности; были задействованы примеры газетного корпуса.

отмечает, среди прочих, две установки социально-интеракционного характера, которые распространены в русском языковом сознании [Колмогорова 2009: 52]:

«...аргументировать – удел собеседника, находящегося в недоминантной социально-коммуникативной позиции...» (пример 12):

(12) *Я медленно печатаю. Вы чем будете аргументировать свое мнение? Тем, что вы женщина?* [Человек (форум) (05.03.2007), НКРЯ];

«аргументировать можно фиктивно, и такая аргументация – удел собеседника, находящегося в еще более зависимой социально-коммуникативной позиции, чем в первом случае» (пример 13):

(13) *Та, очевидно, решила, что гостья колеблется, поэтому принялась аргументировать просьбу* [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004), НКРЯ].

По нашему наблюдению, еще одной негативной установкой по отношению к языковому знаку *аргументировать* стала близость аргументации к политической риторике (пример 14):

(14) *Громкая прорусская риторика на фоне возвращения Крыма перезапустила процесс поиска решения этой проблемы?* [Петр Скоробогатый, Валерий Федоров. Украина на российских кухнях // Эксперт. 2014. НКРЯ].

Политическая аргументация в период разного рода противостоянии конфликтов сопровождается риторикой, которая, в свою очередь, приобретает не только негативное, но и пейоративное значение. Суть таких выражений, как «черная риторика», «агрессивная риторика» состоит в последовательном использовании всех средств и инструментов, доступных в языковой сфере.

Таким образом, можно заключить, что представления о сущности аргументации содержат в обобщенном виде следующие стереотипы негативного характера.

Аргументация – спор, нежелательное явление, которое отнимает силы, время, душевный покой.

Аргументировать – это вынужденное действие, реакция человека, оказавшегося в более слабой, эмоциональной или физической позиции.

Аргументация – искусство изоощренной аргументации (рабулистика).

2.2. Оппозитивность как системообразующий фактор аргументации

Накопленный опыт в исследовании оценочной и познавательной деятельности человека по отношению к окружающему миру позволяет утверждать, что обнаружение противоположных сторон в явлениях окружающей действительности является фундаментальной категорией человеческого сознания. Специалисты в области познания сходятся во мнении о том, что целостный аппарат человеческого восприятия не столько приспособлен познавать объективную реальность, сколько высоко специализирован в выявлении различий и противоречий.

У. Матурана, рассуждая о познании, отмечает, что основной операцией наблюдения является различение, а именно, указание на единство посредством произведения операции, которая определяет его границы и выделяет его из фона [Maturana1975: 325]. Это качество тесно связано с процессами классификации и категоризации. Категоризация, по мысли Н.Н. Болдырева, представляет собой «деление мира на категории, т.е. выделение в нем групп, классов, категорий аналогичных объектов или событий» [Болдырев 2001: 383; см. также Костюшкина 2006]. При этом, как утверждает Э. Ватцке, материал, из которого производится действительность, знание, познание состоит из различий, восприятия разницы и противоречий [Ватцке 2004: 31].

В коммуникативном плане это свойство познания в виде различного рода возражений, критических замечаний, исправлений, уточнений и отрицательных оценок истинности суждений, по выражению Н.Д. Арутюновой, влечет к истине, стимулирует развитие научных концепций и ориентирует человека в практической жизни, понимании других людей и интерпретации событий и процессов, в которые вовлечен человек [Арутюнова 2009: 5].

Выявление противоречий как свойство познания результирует в лингвистическую категорию оппозитивности, которая проявляется на разных уровнях языка и речи. Проблема оппозитивности как предмет научного исследования связана с широким кругом проблем от фонологических оппозиций до ассерции и негации в речи. В проекции на аргументативную тематику исследований роль указанной категории следует рассматривать в аспекте критического мышления.

По мысли В.Н. Брюшинкина, критическое мышление является важным способом общения людей с целью выработки общего способа понимания высказываний и действий и состоит из двух элементов: критической установки на поиск несоответствий и аргументации, направленной на обоснование этих несоответствий [Брюшинкин 2008: 6].

Оппозитивность как универсальный принцип категоризации человеческого мышления выступает в качестве основы критического компонента, который является системообразующим фактором в аргументации. Проследим, какую роль играет этот фактор в аргументативной практике.

Фактор критики определяет действия по верификации составляющих аргументативного комплекса, который схематично выглядит так: «пропозиция аргумента → основание для инференции → пропозиция тезиса». Верификация этого комплекса предполагает, что любой из его компонентов может и должен быть подвергнут критике. Упоминание о необходимости такого рода действия находим у Аристотеля: «Относительно каждого тезиса следует рассмотреть доводы за и против ... Именно таким образом удастся в одно и то же время научиться задавать

вопросы и давать ответы. И если нет кого-либо другого, с кем можно было бы рассуждать, то следует упражняться самостоятельно» [Аристотель 1978б: 529].

Рекомендации мыслителя в терминах современной теории аргументации соотносятся с оценкой достаточности, приемлемости и релевантности по отношению к компонентам аргументативного комплекса. Эти категории ясно высвечивают роль критической оценки аргументации. Например, оценим по указанным критериям следующее высказывание П. Коэльо (пример 15):

(15) *На свете нет ничего совершенно ошибочного. Даже сломанные часы дважды в сутки показывают точное время.*

Проведем реконструкцию.

Тезис: *На свете нет ничего совершенно ошибочного.*

Аргумент: *Даже сломанные часы дважды в сутки показывают точное время.*

Основание для инференции: *пример как схема аргументации.*

Если позволить себе не согласиться с данным утверждением уважаемого писателя и начать проводить процедуру верификации по указанным критериям, то мы увидим, что данное утверждение настолько спорно, что способно вызвать целую дискуссию. Например, если задаться вопросом о том, насколько качественен представленный аргумент по заявленным критериям, то ответ будет, конечно, отрицательным, так как можно привести значительное количество контраргументов, опровергающих этот тезис с точки зрения этики, морали, науки. Вот примеры контраргументов:

- 1) *не уважать отца и мать совершенно ошибочно;*
- 2) *злоупотреблять алкоголем совершенно ошибочно;*
- 3) *думать, что язык – это только лишь код совершенно ошибочно.*

Каждый может дополнить этот список еще несколькими контраргументами в зависимости от своих морально-этических, жизненных, профессиональных установок. Можно продолжать отыскивать опровергающие доводы, в отношении аргумента, например:

- 4) *сломанные часы лишь случайно показывают правильное время;*
- 5) *сами часы некачественны и не могут служить примером качественного аргумента.*

При верификации основания для инференции, скорее всего, возможен такой опровергающий довод или его вариации:

- б) *то, что сломанные часы дважды в сутки показывают правильное время, еще не говорит о том, что на свете нет ничего совершенно ошибочного.*

Наконец, из представленных контраргументов, особенно вариантов группы 1–3, формируется контртезис: *На свете существуют совершенно ошибочные вещи.*

Существование некоего оппозита имеет особое значение в методологическом плане. Одним из основных общелогических принципов является положение о том, что в процессе рассуждения любое суждение является или истинным, или ложным. Практически все формально-логические системы используют этот принцип, который имеет название «закон исключенного третьего» при оперировании суждениями и понятиями в доказательствах и опровержениях. Таким образом, в принципе двузначности ($a / \text{не} - a$ или $a \vee \neg a$) изначально заложено опровержение по отношению ко всем компонентам аргументации. Этот универсальный прием логического мышления при исследовании любого объекта запрещает выбирать в качестве альтернативы еще какие-либо суждения, кроме истинных и ложных.

Не ставя задачу приводить критику закона исключенного третьего относительно эффективности и сферы применения, отметим, что в повседневной речевой практике сопоставляемые высказывания могут иметь и имеют промежуточные понятия. К таковым относятся высказывания типа: *Этот магазин дорогой, но хороший* (по закону логики магазин может быть или дорогим / дешевым или хорошим / плохим), а также высказывания, в которых суждение содержит понятия одновременно истинные и одновременно ложные: *Деньги одинаково мешают, когда они есть, и когда их нет* [Ф. Раневская].

Если же учесть, что разум человека не укладывается в бинарную оппозицию «да/нет», то очевидно, что в реальной аргументативной практике всегда существует множество вариантов «нет», что иллюстрирует наш пример критики высказывания П. Коэльо.

О значимой роли критики в аргументации пишет Д.А. Бокмельдер, утверждая, что «тезисом аргументации может быть только такое положение, к которому можно привести одновременно как доводы “за”, так и доводы “против”» [Бокмельдер 2014: 57]. Д. Уолтон, исследуя наиболее часто используемые способы обоснования, выявляет такие аргументативные комплексы, в отношении которых можно выдвинуть множественную контраргументацию. Например, аргумент к авторитетному мнению предполагает, как минимум, шесть контрольных вопросов, каждому из которых соответствует контрдовод [Argumentation Schemes 2008, Walton 1996]. Как видим, критический компонент в аргументативной практике начинает проявляться на уровне верификации пропозиций аргументативного комплекса.

Фактор критики присутствует и в аргументации-монологе, автор которой, составляя аргументативный текст, предвосхищает реакцию адресата и прогнозирует возможные возражения. Таким образом, критика содержится в самой структуре аргументативного комплекса. Это иллюстрирует модель аргументации С. Тулмина, содержащая шесть элементов: данные (data), утверждение (claim), основание для инференции (warrant), поддержка или опора (backing), спецификатор (qualifier) и опровержение или исключительное обстоятельство (rebuttal) [Toulmin

2003]. Указанная модель в развернутом виде представляет собой ход рассуждения, где элемент опровержения является высказыванием, которое парирует возможные возражения. В таких рассуждениях элемент опровержения начинается со слов *если только не..., конечно, если не...* в виде пролептической конструкции.

Тактики пролептической и антипационной аргументации используются как в составлении разного рода аргументативных текстов, так и в аргументативной практике ведения дискуссий в виде приемов предвосхищения критических замечаний оппонента.

Несомненно, ценным является наставление Аристотеля о том, что упражняться «искать доводы за и против можно и самостоятельно»; это в большой степени помогает развивать критическое мышление. Однако реальность такова, что в повседневной жизни, начиная от бытового контекста и заканчивая институциональной средой, никогда нет недостатка в тех, кто готов подвергнуть сомнению и критике любые мнения и точки зрения. Поэтому, если при рассмотрении какой-либо точки зрения не возникает никаких вопросов и возражений, это означает, что аргументация является непонятной или неинтересной для адресата, а значит, и не достигшей своих прагматических целей, то есть бессмысленной.

Другим случаем, объясняющим отсутствие возражений, является наличие неопровержимых аргументов. Однако это представляет особый случай в виде полного обоснования или доказательства, которое в строгом смысле аргументацией не является. В реальной аргументативной практике неопровержимые аргументы, которые принципиально нельзя оспорить, встречаются крайне редко.

Анализ аргументативных контекстов позволяет сформулировать вывод о том, что ***критика является решающим фактором с точки зрения развития динамики дискуссии***. Критика, реализующаяся в контраргументации, способствует обратимости общения и продолжению диалога. Любого расхождения во мнениях, выраженного вербально и с разной степенью активности, достаточно для открытия дискуссии. Даже в случае сомнения, как будет показано далее, субъект, выразивший таковое, вправе ожидать дальнейшей аргументации относительно некоторого вопроса. Согласие и отсутствие возражений способствует закрытию дискуссии.

Речь также следует вести и о том, что в аргументации всегда необходимо учитывать, помимо языкового и ситуативного контекста, критику и контраргументы. Это оказывается верным как с точки зрения адресата аргументации, так и с точки зрения аналитика, исследующего аргументативные контексты. Так, например, невозможно составить мнение по некоторому спорному вопросу, выслушав только проаргументацию и не рассмотрев содержание контраргументации, в этом случае имеется риск сформировать однобокое мнение по вопросу или даже быть введенным в заблуждение.

Рассмотрим, например, аргументацию, содержащуюся во фрагменте сообщения, опубликованного на сайте агентства новостей РИАФАН под названием «Свидомый позор: жители Западной Украины показали полное незнание своего языка» (пример 16):

(16) *Наихудшие результаты Внешнего независимого тестирования (ВНО) по украинскому языку, литературе и истории показали жители западных областей Украины. Об этом на пресс-конференции сообщил директор Украинского центра оценивания качества образования Вадим Карандий. Наибольший процент не сдавших тесты по украинскому языку, а также литературе и истории Украины, наблюдается на западе Украины. Так, в Закарпатье с тестами не справились почти треть выпускников украинских школ – 27,3 % и 29,2 %, соответственно, в Черновицкой области – 20,9 % и 29,1 %, Ровенской – 14,9 % и 18,3 %. Примечательно, что именно на Западной Украине ратуют за искоренение русского языка и повсеместно пропагандируют украинский. ... [Громов А. «Свидомый позор: жители Украины показали полное незнание своего языка». Режим доступа: <http://riafan.ru/546566-svidomyi-pozor-zhiteli-zapadnoi-ukrainy-pokazali-polnoe-neznanie-svoego-azyka>].*

Тезис данного фрагмента можно сформулировать следующим образом: «Жители Западной Украины пропагандируют украинский язык, совершенно его не зная». В качестве аргументов приведено мнение эксперта в этой области и статистические данные.

Теперь рассмотрим, как эта ситуация представлена на сайте проекта StopFake (пример 17):

(17) *...по результатам ВНО 9,16 % участвующих в тестировании в Тернопольской области не сдали экзамен по украинскому языку, в то время, как в Николаевской области (юг Украины) – эта цифра составила 9,55 %. Плохая ситуация с результатами тестов действительно была в Закарпатской и Черновицкой областях, частично в Ровенской области. Но это нельзя представить как все население Западной Украины [«Фейк: жители Западной Украины показали полное незнание своего языка». Режим доступа: <http://www.stopfake.org/>. 16.07.2016].*

Как видим, контраргументация содержит данные (подкрепленные протоколами испытаний) относительно Тернопольской области, которая также относится к западной части Украины, а также довод о том, что три области с низкими результатами по украинскому языку не являются всем населением Западной Украины.

Мы привели эти два примера для того, чтобы показать, что непредвзято и рационально оценить аргументируемую точку зрения пропонента можно только в свете критики его оппонентов, сопоставив аргументы и контраргументы.

Рассуждение, представленное в разделе, имеет целью показать, что категория оппозитивности в аргументативной практике проявляется в критическом факторе. Этот фактор является системообразующим, так как обнаруживается:

- на уровне логических пропозиций;
- в структуре аргументативного комплекса;
- в динамике аргументативных дискуссий;
- в контексте критического мышления;
- в научном описании аргументации.

Таким образом, *данный фактор*, эксплицируясь в *геометрическом (логическом), антропологическом и критическом измерениях, является фундаментальным компонентом, объединяющим другие компоненты в систему*. Сопутствующим условием является диалогичность аргументации как речевого действия, которое состоит из проаргументации и контраргументации в виде разного рода критических реакций.

При этом особенностью аргументационных исследований является то, что контраргументация продолжает оставаться почти неизученной. Подавляющее большинство работ фокусируется исключительно на проаргументации, которая представляет собой лишь часть реальной аргументативной практики. Так, не известен статус контраргументации, ее особенности, виды, схемы, структуры, стратегии, нелегитимная критика. Эти вопросы будут рассмотрены далее.

2.3. Принципы анализа контраргументации

Фактор критики, являясь условием формирования оппозитивных смыслов в ситуациях полемического взаимодействия, выражается в ответных реакциях по отношению к иницилирующим высказываниям. Такие репликовые шаги представляют собой широкий диапазон разнородных критических реакций, как в пределах одного высказывания, так и в пределах текста.

Наиболее методологически важными являются два вопроса. Во-первых, необходимо рассмотреть *качество контрарности в связи с вопросом об отрицании в контраргументации*. Во-вторых, *необходимо провести классификацию критических реакций в связи с тем, что отрицание не всегда представляет собой контраргументацию как структурно, так и логически*. Этим вопросам посвящены следующие параграфы.

2.3.1. Качество контрарности в контраргументации

Типичной установкой в научном описании контраргументации является тенденция связывать содержание соответствующего процесса с категорией отрицания. Такая тенденция обусловлена легкостью экстраполяции техники рассмотрения некоторого аргументируемого утверждения в монологическом аспекте на диалогический контекст. Указанная техника широко представлена в практических пособиях по развитию навыков аргументации, содержащих рекомендации по рассмотрению дискутируемого утверждения посредством приведения аргументов «за» (pros) и аргументов «против» (cons) (от латинского *pro for, forward; con, from, contra, against*). Анализ пособий позволяет сделать вывод, что техника «*provsconsreasoning*» предполагает прототипические ситуации ассерции и негации, что в языковой репрезентации эксплицируется совокупностью соответствующих лексических и синтаксических средств.

Термин «*pro*» соотносится с положительной перспективой рассмотрения темы, тогда как термин «*con*» предполагает приведение доводов, направленных против некоторой точки зрения, что на лексическом и грамматическом уровнях выражается в связи с категорией негации. Иными словами, контраргумент терминологически ассоциируется с отрицательным утверждением, а в аспекте диалогического взаимодействия, и контраргументация также оказывается действием, прототипически связанным с отрицанием. Такой незатейливый подход, однако, невозможно применить к большинству высказываний, реализующихся в репликовых шагах оппонентов в реальной аргументативной практике.

Позволим себе не согласиться с такой трактовкой контраргумента и контраргументации. Наши возражения коснутся, в первую очередь, ключевого компонента аргументативного комплекса, а именно иницирующего высказывания, в котором представлена проаргументация по отношению к выдвигаемой точке зрения.

Приведем точку зрения Ф.Х. ван Еемерена, согласно которой существуют два принципиально разных понимания контраргументации. В соответствии с первым пониманием контраргументация «исходит от протагониста отрицательной позиции в отношении выраженного мнения, которое утверждается и ставится под сомнение в споре, который находится в центре дискуссии и относится к исходному выраженному мнению» [Еемерен 1994: 104]. Такое определение контраргументации имплицитно являет явление «аргументации в пользу негативной точки зрения» [Еемерен 1992: 17].

Второе понимание относится к контраргументации, исходящей от «антагониста по отношению к выраженному мнению, которое утверждается и ставится под сомнение в споре, который находится в центре дискуссии и относится к

утверждению, выдвинутому протагонистом в защиту своей точки зрения» [Еемерен 1994: 104]. Такой взгляд на контраргументацию предполагает то, что последняя всегда выдвигается как «критическая реакция по отношению к точке зрения других» [Еемерен 1992: 9–10].

Как видим, характеристику контраргументации первого вида ученый в своих работах связывает с категорией отрицания, где роль оппонента отождествляется с ролью «протагониста отрицательной позиции» и всегда предполагает выдвижение отрицательной контраргументации: *неверно, что p* .

Во втором случае исследование контраргументации фокусируется на реакции со стороны адресата, которая является фальсифицирующим суждением: *неверно, что p* или *неверно, что $\neg p$ = верно, что p* . Таким образом, второе понимание контраргументации основано на критической реакции оппонента в дискуссии.

Как видим, второе понимание основано не на отрицании, а на противоположности, ретроспекции контраргументации по отношению к проаргументации. Действительно, в случаях, когда проаргументация содержит в терминах О. Дюкро дескриптивное отрицание *неверно, что p* , фальсифицирующее суждение в контраргументации будет положительным *не не верно, что p* . Рассмотрим пример (18):

(18) *Недоставало еще, чтобы мы добывали доводы в пользу религии. – Как раз наоборот. Если будет доказано существование некоего реального существа, то это конец важнейшей половины любой из религий* [Анчаров М. Сода-солнце (1970–1980)].

В представленном фрагменте в иницирующей реплике содержится отрицательное суждение: *не нужно добывать доводы в пользу религии*. Ответная реплика содержит положительное суждение: *нужно доказать существование некоего реального существа*.

Несмотря на то, что противительность и отрицание имеют пересекающиеся смыслы, приставка *контр-* в данном случае, в зависимости от объекта сопротивления, может выражать как значение отрицательной оценки, так и положительной.

Если же рассматривать аргументативный комплекс на уровне суждений, то, вслед за П.В. Таванцом, предлагающим в качестве фальсифицирующих различать отрицательные и отрицающие суждения [Таванец 1955: 56], также считаем обоснованным различать аргументы, представляющие собой отрицательные и отрицающие суждения по отношению к аргументируемой пропозиции. Таким образом, контраргументация–отрицание входит в понятие контраргументации, но не исчерпывает его.

В исследовании контраргументации необходимо учитывать динамическую регулятивную деятельность субъектов аргументативного взаимодей-

ствия. Ситуация аргументирования представляет собой интеракцию, для которой характерна иллокутивная направленность иницирующих реплик. Это связано с явлением иллокутивного вынуждения, открытым А.Н. Барановым. Ученый считает, что контраргументы – это те речевые акты, которые иллокутивно самовынуждаются контртезисом и иллокутивно вынуждаются тезисом и аргументами [Баранов 1990].

Существенным с точки зрения определения качества контрарности в контраргументации является понятие кондуктивной аргументации. Так, Д.А. Бокмельдер показывает, что кондуктивные аргументы представляют собой такие аргументы, которые являются результатом рассуждения, отличного, например, от дедуктивных или индуктивных умозаключений. При таком способе рассуждения аргументы «против» не делают аргументы «за» плохими и, следовательно, не опровергают тезис, подкрепляемый последними [Бокмельдер 2014: 63]. Иными словами, довод «за» обосновывает приемлемость тезиса, а довод «против» обосновывает его *одновременную* неприемлемость. Такое положение исследователь связывает, прежде всего, с небинарностью человеческого разума, в связи с этим доводы могут быть «истинными» и «ложными» одновременно, следовательно, кондуктивная аргументация является многозначной [там же: 64].

Экстраполируя идею кондуктивных рассуждений на контраргументацию, получаем, что и контрдоводы могут и должны быть не только такими доводами, которые представляют собой лишь логические операции опровержения аргументируемых пропозиций. Диалектический смысл кондуктивных контраргументов состоит в «искусстве испытывания» [Аристотель 1978а], в рассмотрении аргументируемой точки зрения с разных сторон, в том, чтобы привести и взвесить все «против», а не просто опровергнуть последнюю. Соответственно этому и роль оппонента, приводящего контраргументацию, представляет собой роль не отрицающего, а «испытывающего». Приведем пример кондуктивного контраргумента (пример 19):

(19) *Посему Иудеи говорили исцеленному: сегодня суббота; не должно тебе брать постели. Он отвечал им: Кто меня исцелил, Тот мне сказал: возьми постель твою и ходи* [Ев. от Иоанна 5: 1–15].

В реплике исцеленного не содержится логического отрицания и отрицающего суждения по отношению к тезису, выраженному словами Иудеев.

В реальной аргументативной практике, особенно в разного рода диспутах, кондуктивные контраргументы являются распространенным явлением.

Приведем еще пример (20). Ситуативный контекст представляет собой разговор между Эдвардом Харрисом и мистером Кроссом, главой крупной компании, которой Эдвард Харрис хочет завладеть, чтобы потом распродать по частям:

(20) *Kross: I know all about you, Mr Harris. When you buy companies, they have a way of disappearing. Even the pension funds are stripped clean. The last three companies you took over were cut up in so many pieces, widows were left without their retirement checks.*

Edward: (calmly) What I did with those companies was perfectly legal.

Kross: I don't question of legality of what you do It's your morality that makes me sick. I will not allow my company to be raped by a man like you [Pretty Woman <http://www.dailyscript.com> <http://www.weeklyscript.com>].

Реконструируем данный фрагмент. Тезис пропонента (в тексте выделен подчеркиванием): *Мистер Харрис, приобретая компании, разрушает их.*

Аргументы:

1.1. *Пенсионные фонды компаний опустошены.*

1.2. *Последние три приобретенные компании разделены на много частей.*

1.3. *Вдовы остались без пенсионных выплат.*

Рассмотрим контраргумент оппонента Эдварда Харриса (в тексте подчеркнут): *То, что я сделал с теми компаниями, было совершенно законно.* Данный контраргумент не опровергает и не отрицает ни аргументы, ни тезис, ни логическую связь между ними; в аргументе не содержится лексических средств отрицания английского языка. Однако высказывание Э. Харриса является полноценным контраргументом, который вносит вклад в обсуждение вопроса и является фактом. Контраргумент привносит дополнительную перспективу рассмотрения вопроса.

В связи с этим считаем необходимым привести точку зрения Г. Квироза, Д. Апотелоза и П.-И. Брандта о роли контраргументации в полемических диалогах. Ученые считают, что, если исходить из идеи «минимализации разногласий» и принятия некоторого решения в дискуссиях [Quiroz 1992: 172], которые теоретически всегда имеются в виду как желательный результат дискуссии, то следует различать «позитивную аргументацию» и «негативную аргументацию». В первом случае пропозиции аргументации направлены на подтверждение некоторого заключения, а во втором случае – против заключения, которое утверждается в *предыдущей* (курсив наш – Н.Б.) аргументации [там же]. Негативная аргументация в терминах Г. Квироза, Д. Апотелоза и П.-И. Брандта представляет собой понятие контраргументации с точки зрения динамики дискуссии.

При этом методологически важным являются два положения, которые содержатся в подходе исследователей. Во-первых, как утверждается в цитируемой работе, негативная аргументация, концептуально совпадающая с контраргументацией, может не содержать операций отрицания и соответствующих морфем. А если таковое имеется, ученые предлагают использовать отдельный термин «аргументативное отрицание» [Quiroz 1992: 172].

Во-вторых, в отношении выявляемых понятий позитивной и негативной аргументации исследователи применяют идею *аргументативной ориентации* Ж.-К. Анскомбра и О. Дюкро [Anscombre 1983]. Выводом является то, что в отличие от проаргументации, ориентированной на подтверждение некоторого заключения и завершение дискуссии, контраргументация является *анти-ориентированной* по отношению к заключению. Вывод, которые делают ученые относительно различий позитивной аргументации и негативной аргументации по отношению к динамике дискуссии, состоит в том, что первая ориентирована на закрытие дискуссии, тогда как вторая предотвращает закрытие дискуссий и стимулирует ее открытость.

Принимая во внимание вышеизложенные идеи ученых, а также явление кондуктивных контраргументов, представим следующий вывод: ***качество контрарности в контраргументации характеризуется такими понятиями, как противоположность, обратность, отрицательность и экстенсивность. То есть контраргументация не всегда и необязательно реализует идею противоположности. Данное понятие имеет в своем потенциале тему экстенсивности, распространения.***

2.3.1.1. Терминология анализа аргументативных дискуссий

Введем некоторые понятия для характеристики участников и ситуации аргументации. В специальной литературе существует немало обозначений агентов аргументативного взаимодействия. Авторы классифицируют их, например, с точки зрения позиции относительно заявленного положения (протагонист, антагонист) [Еемерен 1994], на основе критерия отношения к теме дискуссии (пропонент, оппонент) [там же], с точки зрения коммуникации (аргументатор/коммуникатор, адресат/коммуникант/реципиент) [Вольвак 2002; Гриненко 2003; Кузина 2007], на основе «прагматики коммуникантов» (говорящий (пропонент), слушающий (оппонент)) [Баранов 1990], а также с точки зрения диалектической дискуссии (доказывающий, испытующий) [Аристотель 1978а].

Вслед за указанными авторами, мы считаем целесообразным различать обозначения субъектов аргументации по критерию контекста научного описания. Так, если речь идет об анализе критической дискуссии, то наиболее удобным методом интерпретации является «модель идеальной критической дискуссии», которая позволяет аналитически выявить этапы дискуссии, зафиксировать последовательность реплик в дискуссии, установить отношение участников к ее теме, а также исход дискуссии. Такой метод анализа, разработанный в рамках прагма-диалектической теории аргументации, предполагает использование соответствующего терминологического аппарата для обозначения субъектов аргу-

ментации. Поэтому уместно использовать термины *пропонент* (субъект, выдвигающий проаргументацию) и *оппонент* (субъект, выдвигающий контраргументацию), а также *протагонист* отрицательной или положительной точки зрения и *антагонист* отрицательной или положительной точки зрения.

Если же в анализе аргументационных ситуаций не требуется детальной реконструкции, то для обозначения аргументирующих субъектов можно пользоваться терминами *адресант* или *аргументатор* и *адресат*, а также *субъект* и *объект* аргументации. Необходимо отметить выявляемое многими исследователями обстоятельство относительно того, что в качестве субъектов аргументации могут выступать и коллективные субъекты, в этом случае речь можно вести об *аудитории*.

В работах по теории аргументации встречаются различные варианты обозначения аргументативной ситуации: «аргументативный диалог» [Баранов1990], «проблемизированный диалог» [Еемерен 1992], «критическая дискуссия», «идеальная критическая дискуссия» [Еемерен 1994], «многосубъектная аргументация» [Кузина, 2007], «аргументирующий диалог» [Ощепкова 2004], «полемический диалог» [Рагозина, 2009], «кооперативная аргументативная дискуссия», «софистическая дискуссия» [Бокмельдер 2014], «антагонистический диалог» [Лисанюк 2008], «диалог-обоснование», «диалог-убеждение» [Лисанюк 2014].

Очевидно, что разные термины связаны с различием теоретических подходов к исследованию, с особенностями расхождений во мнениях участников дискуссии, с их целями. Так, например, термин «идеальная критическая дискуссия» представляет собой научный конструкт, разработанный в прагма-диалектической теории аргументации для моделирования процесса аргументации. Термины «кооперативная аргументативная дискуссия» и «критическая дискуссия» означают такие дискуссии, участники которой стремятся прийти к консенсусу в отношении некоторого вопроса, тогда как «софистическая дискуссия» направлена на выигрыш в споре посредством аргументации, «полемический диалог» представляет собой разновидность дискуссии.

В работе предпочтение отдается терминам *аргументативный диалог* и *аргументативная дискуссия*, под которыми, вслед за Ф.Х. ван Еемереном, будем понимать диалог или дискуссию между протагонистом/пропонентом и антагонистом/оппонентом по поводу определенной точки зрения, которая ими критикуется или защищается [Еемерен 1994: 6–23].

Метод прагма-диалектической реконструкции аргументативного дискурса заключается в экспликации и структурировании аргументативной сущности дискурса. Представление дискурса в унифицированном виде требует вы-

полнения трансформаций: перестановки, добавления, удаления, замены аргументативных элементов. Представим принятую в прагма-диалектике систему нотации. Имплицитные тезисы и аргументы оформляются значком клитики (') или курсивом.

Тезис – 1, 2 и т.д. Имплицитный тезис записывается следующим образом: 1', 2' или *1, 2*.

Аргументы 1.1, 1.2 и т.д. Имплицитные аргументы оформляются так: 1.1', 1.2' или *1.1, 1.2*.

Подчинительные аргументы 1.1a, 1.1b; 1.2a, 1.2b. Имплицитные подчинительные аргументы записываются в таком виде: 1.1a', 1.1b'; 1.2a', 1.2b' или *1.1a, 1.1b; 1.2a, 1.2b*.

Для отображения сочинительной связи между аргументами в записи используются фигурные скобки:

$\left\{ \begin{array}{l} 1.1 \\ 1.2 \\ 1.3 \end{array} \right.$ или $\overbrace{1.1, 1.2, 1.3}$

Для экспликации аргумента и тезиса, и их границ целесообразно воспользоваться понятием «Аргументативный Ход», формальной границей которого может считаться высказывание, представляющее собой ответ на вопрос и содержащее аргументы в защиту выраженного мнения [Васильев 1999: 41].

Это понятие развивает А.В. Пучкова, применяя его к исследованию дискурса опровержения. Исследователь считает, что «Аргументативные Ходы в свою очередь соединяются в еще более объемные структуры, образуя Макроходы» [Пучкова 2006: 71]. То есть в анализе Макроход выглядит, например, как Макротезис, включающий в себя ряд Аргументативных Ходов в виде тезисов. Такой принцип актуален в анализе больших фрагментов текста.

2.3.1.2. Структурная характеристика контраргументации

Качество контрарности исследуемого явления, которое было установлено выше, связанное с понятием обратности по отношению к проаргументации, представлено во многих определениях контраргументации. Например, данное явление рассматривается как «мыслительно-языковая структура, обеспечивающая обоснование ложности позиции противника, процесс представления доводов против определенного положения» [Пучкова 2006: 203], как «набор утверждений, которые опровергают определенное заключение» [Eemeren 1996: 142].

Не подвергая сомнению эти определения, мы считаем, что они не отражают всей полноты контекстуального содержания понятия с точки зрения структуры соответствующих логических и мыслительных действий. Мы начнем с

того, что трактовка контраргументации как действия, обратного проаргументации, может быть выражена схемой «проаргументация со знаком “минус”», которая, являясь верной, частично раскрывает структуры необходимых и возможных операций. Причина этого состоит в том, что *проаргументация и контраргументация не являются симметричными процессами с точки зрения структуры*. Так, у Аристотеля находим мысль о том, что для обоснования необходимо привести несколько доводов в пользу некоторого положения и сделать «из многого одно», тогда как опровержение предполагает то, что одни доводы приходится опровергнуть, с другими, напротив, согласиться, то есть сделать «из одного многое» [Аристотель 1978б: 531].

На особенность опровержения и критики указывает Е.Б. Кузина, отмечая, что обосновать ложность высказывания обычно легче, чем обосновать истинность: «достаточно вывести из тезиса следствие, противоречащее хотя бы одному аргументу, или из тезиса и аргументов – два противоречащих высказывания, как тезис опровергнут» [Кузина 2007: 59].

Для того, чтобы рассмотреть логические особенности контраргументации, приведем основные схемы обоснований, которые в обобщенном виде представлены Д.И. Грядовым [Грядовой 2015: 230]. На схеме 7 представлено *прямое обоснование тезиса без обращения к конкурирующим с тезисом допущениям*.

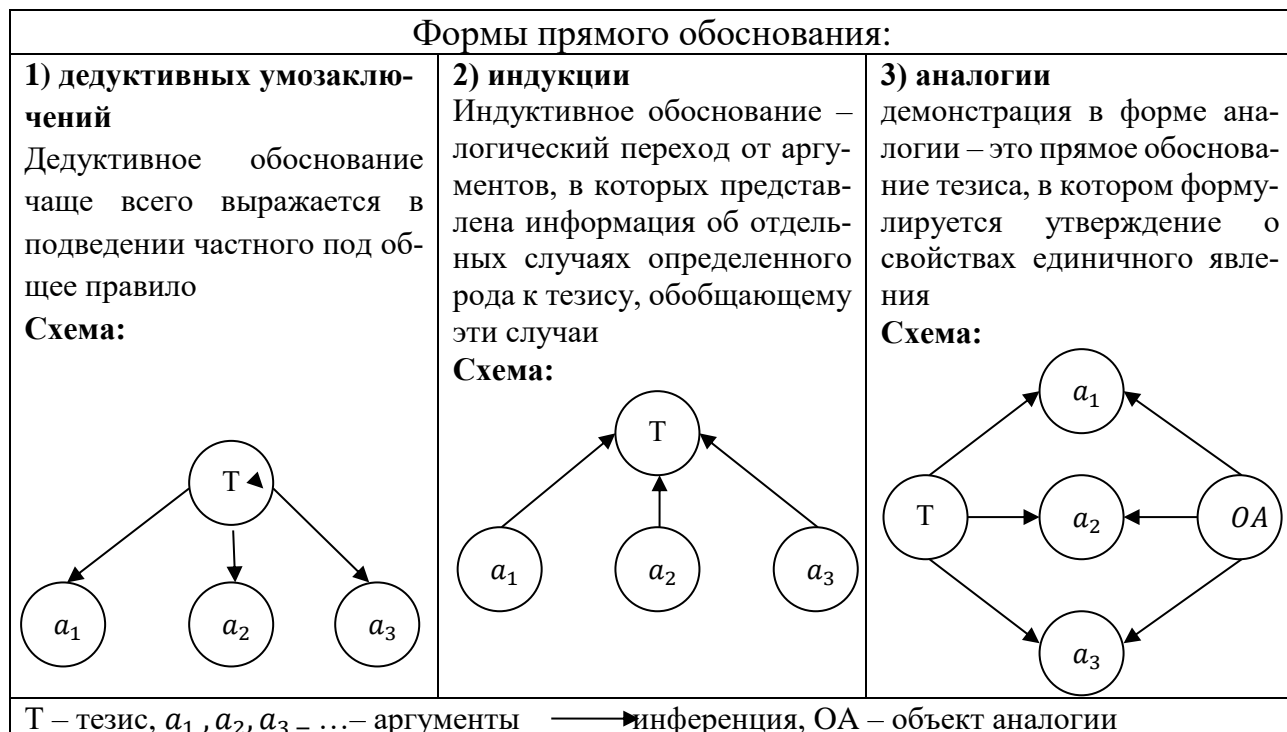

Схема 7. Прямое обоснование тезиса в аргументативных процессах (по Д.И. Грядовому)

На схеме 7 представлено *косвенное обоснование тезиса* путем установления ложности антитезиса или других конкурирующих с тезисом допущений.

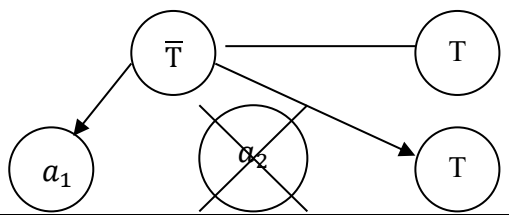
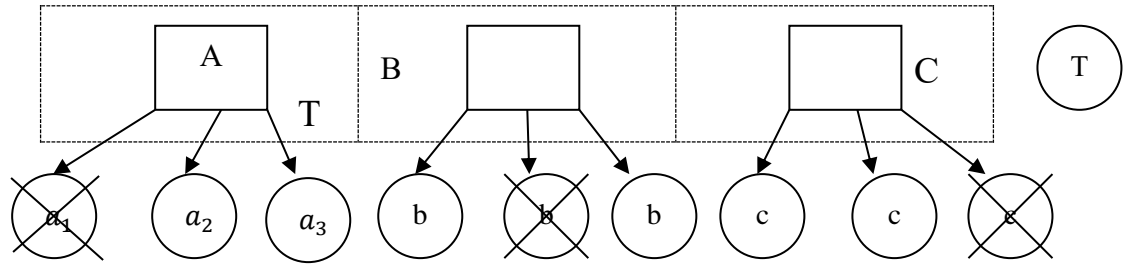
Два вида косвенного обоснования:	
<p style="text-align: center;">1. Апагогическое обоснование</p> <p>Обоснование тезиса путем установления ложности противоречащего ему допущения. Пусть a – тезис, который надо доказать. Предполагаем от противного, что a ложно, т.е. истинно $\neg a$ (или $\neg a$). Из допущения $\neg a$ (или $\neg a$) выводим следствия, которые противоречат действительности. Имеем $a \vee \neg a$, при этом a ложно, значит, истинно его отрицание, т.е. $\neg a$, которое по закону двузначной классической логики ($\neg a \Rightarrow a$) дает a. Значит, истинно a, что и требовалось доказать</p> <p>Схема:</p>	 <p style="text-align: center;">Логическая форма: $\neg(a \& \neg a)$ (закон логики).</p>
<p style="text-align: center;">2. Разделительное обоснование</p> <p>Косвенное обоснование тезиса, выступающего членом дизъюнкции, путем установления ложности и исключения всех других конкурирующих членов дизъюнкции. Истинность тезиса устанавливается путем последовательного доказательства ложности всех членов разделительного суждения, кроме одного.</p>	 <p>Здесь применяется структура отрицающее-утверждающего модуса разделительно-категорического силлогизма. Заключение будет истинным, если в разделительном суждении предусмотрены все возможные альтернативы, т.е. оно является закрытым (полным):</p> $\frac{a \vee b \vee c \vee d; \neg a \& \neg b \& \neg c}{d}$ <p>Логическая форма:</p> $\frac{a \vee b \vee c \vee d \vee t; \neg a \& \neg b \& \neg c \& \neg d}{t}$ <p>(отрицающе-утверждающий модус разделительно-категорического силлогизма).</p>

Схема 8. Косвенное обоснование тезиса в аргументативных процессах
(по Д.И. Грядовому)

Схемы иллюстрируют комбинации построения элементов аргументативного комплекса «пропозиции аргумента – связь (демонстрация) – пропозиции тезиса». Теперь рассмотрим обратный процесс, обобщив данные о способах и видах критики.

Схема 9. Виды критики (по А.А. Старченко)

Сведения, почерпнутые из работ по логике и философии, позволяют утверждать, что принято выделять два вида действия, обратного подтверждению и доказательству. Отметим, что в литературе подтверждение как вероятностное обоснование и доказательство как полное обоснование имеют соответствующие названия с точки зрения аргументативной практики – «слабая аргументация» и «сильная аргументация» [см. Кузина 2007: 66]. Обратными процессами являются критика и опровержение, которые также различаются по полноте действий. **Опровержение представляет собой операцию полного установления ложности некоторой пропозиции и является частным случаем критики**, которая, в свою очередь, является вероятностным обоснованием ложности.

Д.И. Грядовой предлагает различать два способа критики в контексте аргументации: критика аргументации и контраргументация, где последняя представляет собой «установление ложности и необоснованности выдвигаемого утверждения» [Грядовой 2015: 232]. Ученый считает, что о контраргументации можно говорить лишь как о критике тезиса. Однако исследователь не дает пояснений относительно того, что́ следует считать критикой аргументации.

Возможное объяснение находим у О.Д. Шипуновой, отмечающей, что «критиковать можно как аргументацию, так и сам тезис» [Шипунова 2005: 129]. Очевидно, что ученые ведут речь об эффективности критики аргументативной конструкции. Если учесть, что существует три способа критики (опровержения) – критика тезиса, критика аргументов, критика демонстрации, – то критика тезиса является самой эффективной логической операцией, тогда как, например, критика демонстрации не связана с опровержением тезиса, а лишь показывает его необоснованность. Также можно отметить, что тезис опровержения занимает особое место с точки зрения критики и опровержения. Например, Е.Б. Кузина пишет о том, что «корректное опровержение самого тезиса всегда является вместе с тем и опровержением любого его доказательства, любой аргументации в

его пользу» [Кузина 2007: 67]. Другая особенность тезиса, о которой пишет ученый, состоит в том, что выявление ошибочности аргументации «за» не должно подрывать доверия к самому тезису. Также и ложность аргументов, как отмечает О.Д. Шипунова, не означает ложности тезиса, а лишь показывает недостаточную его обоснованность [Шипунова 2005: 131].

Таким образом, в контраргументации необходимо выделять, процесс критики и опровержения. Продолжая разворачивать эту оппозицию, необходимо различать критику / опровержение аргументации и критику / опровержение тезиса.

Критика и опровержение аргументации предполагает анализ и выявление некорректности последней с использованием логических средств или ранее доказанных утверждений. Представим способы критики аргументации.

1. Критика аргументов, используемых проponentом, направлена на выявление степени их достоверности, истинности, качества, релевантности.

2. Выявление ошибок демонстрации.

3. Выявление ошибок аргументации путем указания на нарушение некоторых норм, например, логические ошибки, ошибки *ad hoc*.

Опровержение тезиса достигается через прямое и косвенное опровержение. Прямое опровержение осуществляется двумя способами:

1) из тезиса и аргументов нужно вывести противоречащие друг другу следствия, что будет свидетельством несовместимости тезиса с аргументами, откуда можно заключить, что тезис ложен;

2) из тезиса или из тезиса с некоторыми аргументами выводят следствия, затем находят новый аргумент, противоречащий одному из следствий, что свидетельствует о ложности данного следствия и, значит, о ложности следствия.

Косвенное опровержение тезиса осуществляется обоснованием истинности высказывания, противоречащего тезису (антитезису) или противоположного ему. Из признания такого суждения истинным следует ложность тезиса.

Обобщая структуру критики и опровержения, а также принимая во внимание основные способы обоснования, получаем, что способы критики и опровержения аргументативной конструкции представляют собой множество возможных комбинаций. Необходимо также учитывать, что в реальных ситуациях аргументирования процесс критики нередко включает в себя комбинации вышеописанных действий в разных вариациях, например, критика демонстрации и опровержение аргумента, косвенное опровержение тезиса и выявление ошибок аргументации.

Нельзя сказать также, что только критика и опровержение пропозиций тезиса является контраргументацией. Это связано с тем, что фокусом критики со стороны оппонента может быть как исходный тезис проponentа, так и **конструирование контртезиса**, который является результатом критики аргументации и

который является косвенным опровержением тезиса. В связи с этим, *структурное определение контраргументации – это критика или опровержение аргументации, включая критику или опровержение тезиса.*

2.4. Параметры контраргументации

В анализе всего многообразия критических реакций, потенциально представляющих собой контраргументацию, необходимо учитывать некоторые параметры, позволяющие провести дальнейшую систематизацию исследуемого явления. Мы использовали и скорректировали основные параметры, выделяемые Э. Краббе и Й. ван Лааром по отношению к критическим реакциям в аргументативных дискуссиях [Krabbe 2011]. Также были использованы идеи, выказанные М.А. Финокьяро [Finocchiaro 2005] относительно способов критики в аргументации, и данные из области логики и философии, касающиеся процедур опровержения и фальсификации. Итак, условно можно выделить, по меньшей мере, четыре параметра для критических репликовых шагов, потенциально применимых к исследованию контраргументации. Однако некоторые из этих параметров, являясь актуальными для любых критических реакций, требуют уточнения и коррекции по отношению к контраргументации. Рассмотрим эти параметры.

Параметр фокуса контраргументации. Данный параметр связан с критикой составляющих аргументативного комплекса «пропозиция аргумента → основание для инференции (демонстрация) → пропозиция тезиса» и концептуально совпадает с логическими операциями опровержения. В связи с этим приведем некоторые обобщения, касающиеся способов опровержения из различных источников [Ионин 1989; Ивин 1997; Гетманова 2006; Пучкова 2006; Ксенофонов 2006; Кузина 2007; Apothéloz 1993; Snoeck Henkemans 2003]. Рассмотрим логические механизмы этих операций.

Критика первой составляющей связана с опровержением аргументов, что достигается:

- а) путем доказательства ложности аргументов;
- б) установлением того, что аргументы, при помощи которых обосновывается выдвинутый тезис, являются для тезиса недостаточными;
- в) установлением того, что аргументы сами являются недоказанными;
- г) определением того, что источник фактов, при помощи которых обосновывается выдвинутый тезис, является недоброкачественным.

Критика второй составляющей аргументативного комплекса представляет собой опровержение демонстрации и показывает отсутствие логической связи между аргументами и тезисом. Если установлено, что тезис доказан с нарушением правил умозаключения, таких как дедукция, индукция, аналогия, то такое доказательство считается опровергнутым.

Критика третьего компонента аргументативного комплекса является опровержением тезиса и может быть осуществлена:

- а) путем приведения фактов, противоречащих тезису;
- б) путем доказательства истинности нового тезиса, противоречащего опровергаемому;
- в) путем установления ложности (или противоречивости) следствий, вытекающих из тезиса.

Приведем пример прямого опровержения тезиса посредством приведения противоречащего факта: *Нельзя переплыть на плоту Тихий океан.* Этот тезис опровергается на основании такого факта: *Норвежский ученый и путешественник Т Хейердал переплыл со своими спутниками Тихий океан на плоту.*

Параметр нормы. Каждая критическая реакция в аргументативной дискуссии, по мнению Е. Краббе и Й. ван Лаара [Krabbe 2011: 205], апеллирует к определенному виду аргументативной нормы. Рассмотрим эти нормы.

Наиболее явно критерий нормы проявляется в контраргументации, которая указывает на некорректную аргументацию. Речь идет об ошибочных аргументах. К настоящему моменту теория аргументации накопила значительный ресурс знаний об аргументах, которые могут быть квалифицированы как «ошибки аргументации» того или иного вида.

Рассмотрим это на примере аргумента *ad verecundiam* (апелляция к доверию), в формализованном виде этот аргумент выглядит так:

- *а заслуживает доверия;*
- *а утверждает, что р истинно;*
- *следовательно, р истинно.*

Рассмотрим пример из личного наблюдения (21). В этом фрагменте пропонент утверждает, что обладает достаточной квалификацией для преподавателя иностранного языка в вузе, а оппонент ставит это утверждение под сомнение:

(21) *Оппонент: Сообщите нам, каким образом Вы собираетесь повысить квалификацию как преподаватель иностранного языка?*

Пропонент: Я повышаю квалификацию, участвуя в различных мероприятиях в качестве переводчика, и я планирую дальше участвовать в этом.

Оппонент: То, что Вы умеете хорошо переводить, это говорит о том, что у Вас развит специальный навык, но не говорит о том, что Вы являетесь высококвалифицированным преподавателем вуза.

Пропонент: Все-таки я позволю себе не согласиться с этим, никаких пробелов в грамматике у меня нет, я как переводчик с красным дипломом считаю, что письменные и устные переводы, которые я выполняю, позволяют мне совершенствовать владение языком на достаточном для преподавания уровне.

Оппонент: То, что вы так считаете, еще ни о чем не говорит. Есть много примеров, когда прекрасные переводчики, никогда не могли преподавать, и когда хорошие преподаватели не могли сделать качественный перевод [Стенограмма заседания кафедры].

Аргументативный ход пропонента содержит некорректный аргумент в виде апелляции к собственной персоне (... *считаю, что письменные и устные переводы, которые я выполняю, позволяют мне совершенствовать владение языком на достаточном для преподавания уровне*). Критичный оппонент в данном примере легко выявляет эту ошибку, указывая на то, что утверждение не имеет под собой достаточно веских оснований, а также приводит и контраргументы (фрагмент подчеркнут). В данном примере нелегитимность аргумента преподавателя демонстрирует также проблему статусного сообщества. Если бы тот же аргумент прозвучал в другом окружении, не принадлежащем академической среде, возможно, возражений бы и не последовало.

Разновидности *adverecundiam* представлены в рекламных роликах, содержащих фразу «*стоматологи рекомендуют*», «*эксперты считают*». В таких текстах авторы, рассчитывая на некритичность адресатов, обосновывают необходимость приобретения какого-либо товара, апеллируя к безликому эксперту.

Другим примером такого рода аргументации являются квалификационные работы и научные доклады, авторы которых, аргументируя *adverecundiam*, увлекаются ссылками на мнения известных ученых, игнорируя другие средства обоснования своей позиции.

Диалектический смысл аргументов *ad verecundiam* наиболее точно выражен Д.А. Бокмельдером, отмечающим что «характеристики источника высказывания не дают логической гарантии его истинности, и любой эксперт может ошибаться» [Бокмельдер 2014: 166].

Инвентарь ошибок аргументации постоянно пополняется и дополняется, существуют разные варианты нелегитимных аргументов, таких как *argumentum ad populum*, *argumentum ad ignoratum*, *ad hominem* и ряд других, которые нарушают нормы аргументации, например, нормы, касающиеся логического следования. Контраргументация по параметру нормы в этом случае представляет собой критику, связанную с тем, что адресат выявил неспособность адресанта предложить достаточное и корректное обоснование выражаемой им точки зрения.

Нарушение дискуссантами институциональных норм также является предметом критики в аргументативной практике. Э. Краббе и Й. ван Лаар связывают критические реакции такого типа с указанием на неуместность обсуждения некоторых точек зрения, тем, вопросов, а также способа их обсуждения посредством

аргументации в определенных контекстах [Krabbe 2011: 206]. Также авторы указывают на наличие дополнительных ограничений, которые существуют, например, в таких сферах, как юриспруденция, академический, бытовой контекст.

Другая группа норм, о которой пишут Э. Краббе и Й. ван Лаар, касается правил ведения критической дискуссии. Авторы имеют в виду модель критической дискуссии в рамках прагма-диалектического подхода. Разработчикам этой модели удалось непротиворечиво интегрировать принцип сотрудничества Г.П. Грайса и некоторые максимы речевого общения в «диалектический кодекс поведения для рациональных участников дискуссии» [Еемерен 1994: 170]. Смысл этого кодекса состоит не столько в том, что участники дискуссии должны следовать определенным инструкциям, а в том, что в этот кодекс включены общие принципы, лежащие в основе дискурса как разумного поведения. И, следовательно, участники дискуссии подспудно осознают эти нормы, и им должны быть понятны все отклонения от норм. В соответствии с этим критические реакции, касающиеся норм дискуссии, представляют собой указание на нарушения категорий качества, количества информации, категории отношения к представляемой информации, категории манеры речи.

Важно отметить, что критика относительно нарушения норм ведения дискуссии или нарушения институциональных норм представляет собой именно критические реакции, но не является контраргументацией в полном смысле. Примерами таких репликовых шагов могут служить высказывания типа: *Я еще не закончил...; Мы не об этом говорим...; Я вас не перебивал...; Дайте теперь мне сказать; Почему вы говорите то, а не говорите это? Где факты? Я хотел бы вернуться к нашей основной теме...; Ты выступал целый час, дай я скажу.* Указание на нарушение норм дискуссии возникает и тогда, когда оппоненты выполняют роль модераторов в отсутствие такового или при неэффективной модерации. В научной коммуникации примерами критики в отношении норм аргументации могут служить следующие фрагменты: *Стиль изложения напоминает фельетонный; Выводы фрагментарны...; Автор непоследователен в своих рассуждениях; Хотелось бы, чтобы автор объяснил, что он имеет в виду под...*

Большинство критических реакций, относительно норм аргументации, нельзя рассматривать как полноценную или даже частичную контраргументацию по отношению к аргументируемым пропозициям. Репликовые шаги, которые вскрывают нелегитимность аргументации, также не являются контрарными утверждениями по отношению к иницирующему утверждению.

Но при этом, если такого рода критика, не являясь опровержением, указывает на недостатки в отношении норм аргументации, то таким образом выявляются погрешности аргументативного комплекса, то есть ключевого компонента в аргументативной практике. В связи с этим критические реакции, указывающие

на нелегитимность аргументации, следует считать контраргументацией на том основании, что адресат подвергает критическому анализу способ обоснования некоторого мнения.

Критика в отношении иных норм (институциональных, норм ведения дискуссии или изложения точки зрения) затрагивает фундаментальные исходные позиции субъектов в виде императивов, норм, негласных или подразумеваемых правил.

Параметр вида действия. Следующий параметр классификации критических реакций, которые предлагают Э. Краббе и Й. ван Лаар, связан с типом действий в репликовых шагах оппонентов. По этому параметру ученые предлагают выделять просьбы, запросы, стратегические суждения и утверждения [Krabbe 2011: 202].

Критические реакции в виде просьб и запросов связаны с выяснением дополнительной информации относительно утверждаемой точки зрения, выяснением понятий, терминов, формулировок. По справедливому наблюдению С.И. Поварнина, первым требованием от приступающего к серьезному доказательству или спору является выяснить спорную мысль, выяснить тезис так, чтобы он стал совершенно ясным и понятным, а также убедиться в том, что все слова и выражения тезиса отчетливо понятны. Именно это условие, по мысли русского логика, «сберегает много времени и охраняет от множества ошибок» [Поварнин 2015: 417]. Такие реакции в формализованном виде можно представить как *почему р?* или что *имеется в виду под р?*

Стратегические суждения в терминах Э. Краббе и Й. ван Лаара как вид критической реакции сопровождают сильное и слабое опровержение и представляет собой некоторое объяснение адресатом тех причин, по которым невозможно принять точку зрения пропонента [Krabbe 2011: 208].

Другой распространенной реакцией в реальной аргументативной практике является сомнение. В данном репликовом шаге адресат не приводит никаких возражений, но колеблется относительно убедительности представленной аргументации. По сути, сомнение следует рассматривать как имплицитный запрос. В сомнении определяется аналогичное бремя доказывания, необходимого для категоричных утверждений, понятие, которое можно сформулировать как **бремя объяснения** – сомневающийся обязан объяснить, почему он сомневается в правильности представленной аргументации. Просьба, запрос, сомнение не являются примерами контраргументации, так как не предполагают анализа недостатков проаргументации, но играют важную диалектическую роль, состоящую в **кларификации и фасилитации дискуссии**.

Значительную часть в диалогической аргументации занимают **вопросы**. При всем том нельзя игнорировать важную особенность вопроса как импли-

цитного утверждения. Рассматривать вопросительные конструкции в аргументации лишь как выполняющие роль фасилитации и кларификации нельзя. То, что вопрос далеко не всегда является вопросом, хорошо известно обычным пользователям языка. Например, вопрос *Василий, знаешь ли ты, который сейчас час?* вовсе не означает, что спрашивающий хочет узнать время. Это, в зависимости от контекста, означает намерение говорящего указать Василию, что он засиделся за уроками, или, что он опаздывает. А вопрос *Какой смысл туда ехать?* означает: *Нет смысла туда ехать*. Явление имплицитной семантики вопроса давно известно лингвистам, введем его цитатой из статьи А.Н. Баранова: «...понятно, что далеко не вся имплицитная часть семантики языковых выражений может реально соотноситься с категорией утверждения» [Баранов 2011: 317]. Здесь мы не ставим своей задачей сопоставлять и рассматривать виды вопросов, отметим лишь, что многие исследователи признают то, что многие вопросительные конструкции вопросами не являются. Так, например, Н.С. Валгина считает, что вопросительно-риторические предложения «выражают утверждение или отрицание чего-либо» [Валгина 1991:83]. Опираясь на идею о градуальности имплицитного/эксплицитного компонента содержания высказывания, мы считаем, что вопросы оппонента в аргументации, также могут представлять собой шкалу, начиная от простого запроса информации, комментариев и уточнений до имплицитного отрицания. К первым относятся уточнения, запрос информации, просьба прояснить названия и термины (пример 22):

(22) *Хотелось бы прояснить авторскую позицию по проблеме последовательности рассмотрения подачи облигаторных фреймов. Есть ли некая иерархия данных фреймовых структур? Уверен, что М.В. Евдокимова ответит на это вопрос в будущих исследованиях [Отзыв на диссертацию].*

Ко вторым относятся общевопросительные и частновопросительные конструкции (пример 23):

(23) *Наука и техника определены диссертантом на основании Философского словаря (с. б). Вместе с тем, почему не рассмотреть их в качестве фреймов в данного вида текстах? [Отзыв на диссертацию].*

В данном случае оппонент возражает против рассмотрения понятий *науки* и *техники* на основе словаря – задавая вопрос, он указывает на правильный, по его мнению, вариант трактовки. Отметим, что вопрос с имплицитным отрицанием является распространенным явлением в жанре «отзыв оппонента». В корпусе проанализированных примеров раздел «замечания оппонента» содержит вопросы в 84 % примеров, а иногда состоит только из одних вопросов. Можно утверждать, что вопрос как реакция адресата в аргументации содержит **фальсифицирующий** потенциал.

Вид критических реакций в виде утверждений представляет собой результат «активного оценивания» в терминах М.А. Финокьяро [Finocchiaro 2007: 232]. Критическое оценивание проаргументации пропонента ведет к выявлению некоторого недостатка. Утверждения могут быть как указаниями на нарушения каких-то норм, так и собственно критическими аргументативными утверждениями.

Именно в этом случае речь идет о фальсифицирующих утверждениях в виде опровержения и контраргументации. Э. Краббе и Й. ван Лаар не отделяют опровержения в контрутверждении от отрицания – «not P » [Krabbe 2011: 208]. Однако мы в своем исследовании придерживаемся другого мнения в связи с выявленным ранее качеством контрарности, заключающемся в противоположности по отношению к исходной проаргументации. То есть контрутверждение может содержать положительное суждение в случае опровержения отрицательного суждения, логическая валентность в этом случае будет «неверно, что не- P ».

При этом наш подход методологически не противоречит взглядам Э. Краббе и Й. ван Лаара. Мы согласны с учеными в том, что существует «сильное опровержение» и «слабое опровержение» (там же). В случае «сильного опровержения» оппонент формулирует противоположную точку зрения, которую берется доказывать в случае необходимости. Исследователи отмечают, что «сильное опровержение», помимо того, что является критикой, представляет собой конструктивный шаг, генерирующий смешанную дискуссию, в которой аргументация «в пользу P » парируется контраргументацией «в пользу не- P ».

Сходные соображения, касающиеся видов критики, находим у других ученых. Так, В.И. Кириллов и А.А. Старченко отмечают три вида явной критики: деструктивная как разрушение аргументативного процесса посредством критики тезиса, аргументов или демонстрации, конструктивная в виде обоснования оппонентом собственного тезиса с целью опровержения утверждения пропонента и смешанная [Кириллов 2008]. Ученые отмечают, что: «в случае конструктивного подхода оппонент не занимается деталями – отдельными аргументами, слабыми местами и неточностями в рассуждении пропонента», а представляет альтернативу, которая в целом противоречит тезису пропонента. Иначе выглядит деструктивная критика, которая направлена на разрушение процесса аргументации путем критики тезиса, аргументов или демонстрации [там же: 183].

В проекции на область коммуникативной практики конструктивная ориентация в критике описывается учеными как позитивный подход, потому, что в этом случае аудитории предоставляется возможность самой оценить тезис пропонента и антитезис оппонента. Такой вид критики означает конструктивную оппозицию.

Деструктивный вид критики В.И. Кириллов и А.А. Старченко связывают с состязательностью и односторонностью, что не несет в себе позитивного начала, так как оппонент «лишь развивает критику и не предлагает ничего взамен», что в некоторых случаях «может обернуться критиканством» [Кириллов 2008: 185].

Ф.Х. ван Еемерен также выделяет сильное опровержение, предполагающее не только критику какой-либо точки зрения, но и доказывание противоположной [Eemeren, 1996: 3–4]. Д.И. Грядовой, обобщая взгляды логиков и аргументологов, в ряду других типов аргументативных процессов предлагает выделять опровержение и возражение. Опровержением следует считать полное обоснование ложности какого-либо высказывания; целью этого действия является «категорическое отрицание тезиса». Возражение представляет собой частичное обоснование ложности некоторого высказывания (критика); цель возражения ученый видит в ослаблении тезиса и указания на его недоказанность, а также в подтверждении антитезиса [Грядовой 2015: 225].

Можно утверждать, что с точки зрения логики опровержение представляет собой частный случай возражения и критики. Параметром для установления качества опровержения следует считать структуру последнего. О.Д. Шипунова считает, что структура опровержения состоит из «тезиса – положения, которое опровергается, аргументов опровержения – положений, с помощью которых тезис опровергается, и демонстрации логической связи аргументов и тезиса» [Шипунова 2005: 130]. С точки зрения составляющих аргументативного комплекса сильное опровержение, о котором говорят исследователи, является собственно контраргументацией, так как имеет все необходимые элементы, а именно «пропозиция контраргумента – пропозиция логической связи – пропозиция контртезиса или тезиса опровержения».

Рассмотрим пример контраргументации. Ситуативный контекст: в студии программы «Культурная революция» идет обсуждение темы «Мы умираем от невежества». Режиссер В.Р. Белякович выступает в качестве пропонента и приводит следующую проаргументацию (пример 24):

(24) *Невежество приводит к катастрофе. Невежество – это отсутствие желания приобретать знания. По статистике 50 % людей не идут к врачу. Они идут к целителю. Моя мама болела, ей сказали: «Ты вылечишься. Если будешь топтать медуз». По телевизору валят мне в мозги: «Купи это лекарство, купи то лекарство, и ты станешь опять Гагариным». Это бытовое есть шарлатанство и шарлатанство просвещенное. Это невежество стало агрессивным. И вот это наше невежество и то, что мы выкли все хаять. «Врачи плохие!». Чем плохи наши врачи? В других стра-*

нах то же самое. Такие же врачи и поликлиники. И наше невежество отбивает нас от врачей. Это невежество существует в нашей ментальности. Оно существует в нашей стране.

Реконструируем этот фрагмент.

1. Тезис: *Из-за невежества, которое распространено в нашей стране, люди не идут к врачам и умирают*

1.1. 50 % людей не идут к врачу (статистические данные)

1.2. Шарлатанство есть в быту и на телевидении

{ 1.2.1. Маме посоветовали лечиться топтанием медуз

{ 1.2.2. Реклама чудодейственных средств на телевидении

1.3. Люди в нашей стране осуждают наших врачей

Приведем теперь фрагмент ответной речи оппонента А. Бересневой (пример 24а):

(24а) *Конечно, соблазн согласиться с Василием огромный. Каждый из нас найдет воспоминания о том, как соседка тетя Маша посоветовала купить в метро лекарства. Этим примерам нет числа. Но вы знаете, это невежество, оно не вчера появилось, это качество человеческое, оно присуще человеку. Это сила, которая действует не только на территории России, она действует везде. А цивилизация и культура для того и существует, чтобы этому противостоять. У каждого из нас были случаи, когда нам не оказали должную медпомощь. И система подготовки кадров находится в чудовищном состоянии. Я с ужасом читаю, что, оказывается в мед. академии введен дресс-код, следят за длиной юбки у девушек. И это чудовищно, это причина смерти. И многие люди хотят обратиться к врачу и не знают, к кому им обратиться, так решила система. И это невежество получается, потому что они отчаялись получить медпомощь. Вот основа – когда жизнь человека главное. Вот этого у нас сейчас нет. Люди рассчитывают на чудо. Их погубит эта система.*

Реконструкция фрагмента:

1. Тезис. *Люди погибают из-за ущербности системы здравоохранения*

1.1. Невежество – это качество всех людей, которое действует везде

1.2. Люди не могут получить качественную медпомощь

1.2.1. У каждого из нас были такие случаи

1.3. Система подготовки кадров находится в чудовищном состоянии

1.3.1. В медицинской академии слишком много внимания уделяется дресс-коду.

Как видно из примеров и их реконструкций, оппонент А. Береснева не опровергает аргументов пропонента, она в какой-то степени с ними согласна, и говорит об этом в начале своего выступления. Пролептическая тактика контраргументации вводится конструкцией *соблазн согласиться с Василием огромный...*

Далее приводится контраргумент 1.1 по отношению к тезису. Последующие репликовые шаги в реконструкции представляют собой аргументы, которые формируют контртезис. Фрагмент (24а) содержит контрпримеры. Данный фрагмент представляет собой пример конструктивной критики.

Слабое опровержение аргументации представляет собой критику, заключающуюся в скептической оценке позиции пропонента, в указании на слабые места, анализе недостатков обоснования.

Сильное опровержение аргументации представляет собой обоснование противоположной точки зрения, контртезиса. Промежуточная контраргументация представляет собой выдвижение контраргументов, контрпримеров. Обобщая сказанное относительно параметра вида действия, можно сделать вывод о том, что критические реакции, выполняющие роль кларификации, не являются фальсифицирующими суждениями, поэтому было бы необоснованным причислять их к исследуемому нами явлению контраргументации. Разновидности фальсифицирующих суждений как раз являются составляющими контраргументации.

Для суждений фальсифицирующей контраргументации важным является параметр полноты действий. По этому параметру следует выделять конструктивную контраргументацию и деструктивную контраргументацию, или в другой терминологии сильную контраргументацию и слабую контраргументацию. При этом конструктивная (сильная) контраргументация связана с обоснованием контртезиса, а деструктивная (слабая) контраргументация представляет собой указание на недостатки проаргументации.

Параметр уровня. Э. Краббе и Й. ван Лаар указывают на два уровня по отношению к критическим реакциям: основной уровень и мета-уровень.

Первый уровень связан с фальсифицирующими суждениями по отношению к существующей аргументации. К таким критическим реакциям исследователи относят сильное опровержение и контраргументацию.

К мета-уровню относятся такие критические реакции, как сомнение, слабое отрицание, стратегические суждения [Krabbe 2011: 225].

М.А. Финокьяро выявляет такой элемент аргументативной практики, который может быть причислен к этому же уровню, как мета-аргументация. Мета-аргументация представляет собой «аргумент об аргументе» [Finocchiaro 2007: 253–254].

Однако мы не согласны с мнением ученого о том, что «аргумент об аргументе» следует выносить на мета-уровень, так как критика аргумента как раз является критикой основы аргументативного комплекса. Очевидно, что ученый имеет в виду то, что мета-аргументация представляет собой поддискуссию, а в масштабе всей дискуссии – отход от основной темы.

Мы считаем необходимым рассмотреть этот пункт подробнее в связи с тем, что критика как часть аргументативного процесса может быть нелегитимной и

содержать ошибки, что, в свою очередь, и приводит к возникновению дискуссий на метауровне. Так, А.Д. Шипунова приводит случаи такого рода критики, когда «аргументы, используемые критиком, не являются полностью обоснованными утверждениями, когда форма рассуждения не демонстративна, когда имеет место и то и другое» [Шипунова 2005: 130].

Интересное замечание находим у Э. Краббе и Й. ван Лаара, отмечающих в ряду других критических реакций, выделяемых по рассматриваемому параметру, «личные атаки» [Krabbe 2011: 225].

Как видим, в исследуемом нами явлении контраргументации объективно выявляется идея ошибочности. Проясним свою позицию. Если оппонент, опровергая проаргументацию, допускает ошибки в обосновании контртезиса, или опровержении тезиса, в отношении аргументов опровержения или всего рассуждения, то критически мыслящий пропонент, выявив таковые, помимо того, что может продолжать отстаивать свою позицию, всегда может указать на ошибочность контраргументации. Проанализированные нами контексты аргументативных дискуссий подтверждают эту мысль и показывают, что ошибки в критике со стороны оппонента являются наиболее частой причиной отхода от основной темы дискуссии. Одно дело, если критика оппонента связана с пропозициями проаргументации или вызвана недостаточной ясностью используемых его собеседником терминов (типичными реакциями пропонента в этом случае являются *Вы меня неправильно поняли ...; Я этого не говорил ...; Я лишь имел в виду, что ...*); дискуссия в этом случае при условии рациональности участников или грамотной модерации, имеет все шансы быть продолженной рациональным путем. Но и в этом случае требуется некоторое время для того, чтобы сделать необходимые разъяснения и вернуться в основное русло обсуждения.

Гораздо больших усилий и осознанности требуется от дискуссантов в случае, если оппоненты в критике используют грубые ошибки, например, *ad hominem* (с лат. – «аргумент к человеку»). Для того, чтобы выстоять против такого рода критики, пропонент обсуждаемой точки зрения должен или проигнорировать нападки на свою личность, или каким-то образом отреагировать на них. Роль ошибок в критике состоит в том, что последние вынуждают дискуссантов заняться обсуждением вопросов, не связанных с основным аргументативным комплексом. Корпус проанализированных нами примеров позволяет нам утверждать, что разновидности ошибок *ad hominem*, *ad baculum*, *ad consequences* характерны именно для критических реакций оппонентов⁵.

---

⁵ Исследование ошибок аргументации имеет сложившуюся парадигму изучения в рамках аргументологии, редко становится предметом исследования по отношению к критике аргументации. Люди не очень умеют аргументировать, а еще меньше грамотно критиковать.

Такие речевые диалогические шаги, которые не вносят конструктивного вклада в дискуссию, а представляют собой уточнения, сомнения, возможные обсуждения неясных моментов представляют собой мета-уровень критики и опровержения. Подвиды аргументов *ad hominem*, находясь на грани оскорблений и указаний на какое-то обстоятельство личности аргументатора, потенциально способствуют возникновению дискуссий на мета-уровне.

Итак, критика на мета-уровне представляет собой составляющую часть дискуссий по поводу процедурных компонентов аргументативного взаимодействия, которые не касаются основного аргументативного комплекса «тезис – аргумент – логическая связь между ними». Мета-аргументация может иметь вид поддискуссии по отношению, например, к качеству аргумента, норм ведения дискуссии, логичности обоснования и так далее.

При внимательном рассмотрении представленных параметров в контраргументации обнаруживается концептуальное и терминологическое сходство последних с некоторыми структурными характеристиками, выявленными в параграфе 2.3.1.2, а также с компонентами полей аргументации, представленными в параграфе 1.5.2. В связи с этим представим краткое резюме изложенной в параграфе информации.

Во-первых, параметр фокуса, предполагающий критику аргументов, демонстрации, тезиса совпадает с логическими операциями опровержения основных компонентов аргументативного комплекса, что, в свою очередь, является деструктивным типом критического действия.

Во-вторых, параметр нормы представляет собой контраргументацию по отношению к некорректной аргументации. Это можно выразить в виде контраргументации по отношению к аргументативным нормам и контраргументации по отношению к институциональным нормам. Это соответствует компонентам аргументативных полей, рассмотренных в первой главе. В первом случае контраргументация возникает по отношению к «суждениям» и «способам аргументации», а во втором – по отношению к «фундаментальным исходным принципам».

В-третьих, выявленные по параметру вида действия суждения фальсифицирующей контраргументации соотносятся с сильным и слабым опровержением и соответствуют конструктивному и деструктивному подходам в критике.

В-четвертых, выявленные уровни контраргументации в виде основного уровня и мета-уровня в виде поддискуссий подтверждают сформулированное в п. 2.3.1 качество контрарности, которое проявляется в экстенсивности контраргументации.

Выводы по второй главе

1. Оппозитивность как фундаментальный принцип категоризации является системообразующим фактором в аргументативном процессе, проявляясь в критическом компоненте. Этот фактор является системообразующим, так как обнаруживается:

- на уровне логических пропозиций;
- в структуре аргументативного комплекса (по модели С. Тулмина);
- в динамике аргументативных дискуссий;
- в контексте критического мышления;
- в научном описании аргументации.

2. Критический компонент аргументации проявляется на уровне критики компонентов минимального аргументативного комплекса «пропозиции тезиса – демонстрация – пропозиции аргумента».

3. Критический компонент присутствует в модели аргументативного рассуждения С. Тулмина, пролептических тактиках аргументации.

4. Критический компонент в динамическом аспекте представлен контраргументацией (КА). Фактор критики является триггером развития дискуссии.

5. КА–отрицание входит в понятие контраргументации, но не исчерпывает его. Качество контражности в КА характеризуется такими понятиями, как противоположность, обратность, отрицательность и экстенсивность, распространение.

6. Структурные различия аргументации и контраргументации связаны с несимметричностью процессов подтверждения / доказательства и критики / опровержения.

7. Структурное определение контраргументации – это критика или опровержение аргументации, включая критику или опровержение тезиса. Критика аргументации представляет собой оценку и выявление несостоятельности демонстрации, некачественности аргументов, ошибок аргументации, нарушения норм. Критика аргументации не является опровержением тезиса, но ведет к конструированию эксплицитного или имплицитного контраргумента.

8. Применение параметров фокуса, нормы, вида действия и уровня по отношению к критическим реакциям, в аргументативных дискуссиях, а также выявленные структурные особенности контраргументации позволили охарактеризовать репликовые шаги оппонента по следующим параметрам.

– По параметру фокуса все критические реакции направлены на один из компонентов аргументативного комплекса «пропозиция аргумента → основание для инференции (демонстрация) → пропозиция тезиса».

– По параметру нормы критические реакции относятся к критике валидности аргументации и критике других норм, в которых происходит взаимодействие.

– По параметру «вид действия» все критические реакции подразделяются на кларифицирующие (запросы, сомнения) и фальсифицирующие. Фальсифицирующая КА формирует сильное опровержение / конструктивную критику (контртезис) и слабое опровержение / деструктивную критику (указание на недостатки проаргументации).

– По параметру уровня выявляются критические реакции основного уровня и мета-уровня; в последнем случае критика представляет собой составляющую часть дискуссий по поводу процедурных компонентов аргументативного взаимодействия, которые не касаются основного аргументативного комплекса «тезис – аргумент – логическая связь между ними».

ГЛАВА III. КОНТРАРГУМЕНТАЦИЯ В НАУЧНОМ ПОИСКЕ

3.1. Вербализация критики в жанрах научного стиля

Критика – одна из констант, на которой строится принцип организованного скептицизма, получающего конкретную реализацию в научной экспертизе.

Объектом анализа третьей главы являются жанровые формы письменного научного стиля двух видов:

- текст отзыва или рецензии, являющийся результатом проведенного автором (авторами) анализа научной работы, представленной для экспертизы;
- текст научной статьи, опубликованной в научном журнале, представляющей результаты проведенного автором (авторами) исследования.

Указанные разновидности научных текстов выполняют две основные критические функции в формировании удостоверенного научного знания. В первом случае они служат средством оценки нового научного исследования на этапе его вхождения в академический оборот и выполняют роль барьера, ограничивающего или блокирующего распространение работ, не соответствующих определенным принципам и требованиям. Во втором случае формат текста определен спецификой научного поиска в научном творчестве, обусловленной постоянным процессом верификации наличного знания.

Важным этапом анализа является выявление маркированности критики в текстах жанровых форм письменного научного стиля. Учитывая теоретические основания исследования, сформированного на идее аргументативной коммуникации, анализ маркированности критики основан на принципах анализа контраргументации. Ключевое значение принадлежит тому, насколько эксплицитно выражена контраргументация во фрагментах текстов.

В качестве основных методов анализа текстового корпуса использовался качественный контент-анализ, прагма-диалектический анализ аргументативного дискурса, прагма-семантический анализ языковых единиц, метод реферирования текстового целого. Сочетание этих методов применительно к научному тексту представляет новую комплексную методику лингвоаргументологического анализа научного текста.

Анализируя контраргументацию в структуре статьи, мы учитывали следующие теоретически разработанные в первой и второй главах допущения:

- качество контрарности в контраргументации характеризуется такими понятиями, как противоположность, обратность, отрицательность и экстенсивность. То есть данное понятие имеет в своем потенциале тему распространения, дополнения;

– контраргументация происходит в отношении некоторых классов сущностей, которые входят в состав полей аргументации в виде суждений (тезисы, аргументы) и способов аргументации, а также в отношении фундаментальных принципов, которых придерживаются субъекты научной коммуникации.

В процедуре проведенного анализа контраргументация рассматривалась как актуализация критики, возникающей в ходе анализа и оценки научных работ, представленных для экспертизы, и критики по отношению к уже опубликованным статьям. В связи с этим в содержательном аспекте контраргументация эксплицировалась как тематически связанный блок высказываний, формируемый с целью критики содержащегося в первичном тексте мнения.

Весь корпус примеров состоит из значительных по объему текстов, поэтому иллюстративная часть работы содержит лишь фрагменты, которые дают возможность проиллюстрировать значимые для анализа характеристики контраргументации. Для более легкого восприятия хода анализа этих фрагментов, которые, на первый взгляд, представляют собой разнородные языковые факты, считаем необходимым остановиться на **процедуре анализа**, которая включала следующие шаги.

1. Рассмотрение содержательной и композиционной структуры текста. В каждом тексте выделены особые композиционные сегменты, соответствующие этапам четырехчастной модели критической дискуссии. Данная модель в рамках прагма-диалектического анализа определяет двусторонний процесс аргументации, этапы, которые в нем можно аналитически выделить, а также диагностические типы речевых актов. Так, на этапе *конфронтации* определяется различие во мнениях. На *начальном* этапе устанавливаются различного рода обязательства, становящиеся общими отправными точками в дискуссии и служащие кругом референции во время дискуссии. На этапе *аргументации* происходит обмен аргументами и критическими возражениями. На *заключительном* этапе определяется исход дискуссии.

2. Возможность аналитического вычленения *этапа аргументации* в масштабе целого текста позволила далее двигаться в рамках фиксированного фрагмента текста и применять разработанные во второй главе принципы анализа контраргументации. Речь идет о выявлении структурных характеристик этого явления, когда необходимо было выявить его логические особенности, такие, как прямое или косвенное опровержение, комбинации критики элементов аргументативного комплекса «пропозиции аргумента – связь (демонстрация) – пропозиции тезиса». Также в целях систематизации материала необходим был анализ примеров по параметрам. При этом один и тот же фрагмент может соответствовать двум категориям анализа. Например, выявленный контраргумент на логическом уровне всегда соответствует параметру фокуса КА, а также может дать

дополнительные данные, будучи помещен в категорию параметра нормы, уровня и вида действия.

3. При выявлении языковых средств, маркирующих КА, мы учитывали данные исследований описания аргументативности в языке, которые получают систематическое освещение в публикациях по лингвоаргументологии (см., например, [Пучкова 2006; Ощепкова 2011]). Рассматривались: а) языковые единицы, представляющие субъективную оценку критикуемого авторского результата, например, учитывались лексические единицы с общей семантикой оценки, модальные средства, задающие различную степень категоричности оценки, эксплицитные средства выражения опровержения и несогласия; б) лексико-грамматические средства гипотетичности; в) языковые единицы, называющие компоненты аргументативного комплекса.

Анализ показывает разнообразие маркеров КА, которые включаются в сложные цепочки рассуждений, дискуссий, доводов за и против. Опровергаемый тезис, как правило, оформляется в виде прямой цитаты, предваряемой такими лексическими единицами, как *тезис, вывод, положение, утверждение, заключение*. Критикуемый тезис маркируется при помощи адъективно-субстантивных сочетаний: *слабо аргументированный, необоснованный, неподтвержденный, недоказанный, спорный*; а также адверсативных союзов и наречий: *однако, но, недостаточно, слабо, невнятно, не убедительно, весьма сомнительно*. Критика тезиса маркируется экспозитивными глаголами и иными средствами выражения несогласия: *думать, рассматривать, представлять, принимать, не соглашаться, едва ли, вряд ли, не вполне*. В качестве иллюстрации приведем пример (25)⁶, где оппонент высказывает несогласие с тезисом пропонента:

(25) Вывод автора, согласно которому «носители английского чаще, чем носители русского языка связывают текучесть, изменчивость состояния песка с процессом течения времени» (с. 78), представляется недостаточно аргументированным. В русском языке выражение **время течет, как песок сквозь пальцы** является весьма распространенным. Обратившись к русскому национальному корпусу, можно найти целый ряд примеров, в которых носители русского языка связывают текучесть, изменчивость состояния песка с процессом течения времени: **На каждом развороте – песочного цвета (песочные часы – один из символов быстротекущего времени) лента календаря событий, день за днем; Песочные часы для вашего возраста очень подойдут – видно и понятно, что время закончилось...** [Отзыв канд. филол. наук Н.И. Степыкина о кандидатской диссертации от 26.09.2017 г.].

---

⁶ В примерах третьей главы сохранены авторская орфография, пунктуация и выделения в тексте. Для выделения значимых фрагментов в примерах мы использовали выделение подчеркиванием.

В данном фрагменте представлено противоречие двух точек зрения. Оппонент, приводя языковые факты, обосновывает собственное заключение: «носители русского языка связывают текучесть, изменчивость состояния песка с процессом течения времени», который является контртезисом по отношению к тезису, который защищает автор диссертации (тезис пропонента подчеркнут). Стилистически контрарные отношения тезиса и контртезиса представлены в виде риторической фигуры антитезы, возникающей при противопоставлении двух разных положений, связанных между собой общим смыслом.

Анализ языкового материала, проведенный с помощью прагма-диалектической реконструкции, позволяет выявить выражение несогласия или сомнения по отношению к аргументам как ложным, сомнительным, необоснованным, что также ведет к критическим возражениям, выдвижению встречных контраргументов. Сопоставление аргументов происходит в виде соотнесения фактов, аксиом в отношении аргументируемых точек зрения. Текстовые фрагменты, содержащие КА по отношению к аргументам, включают маркеры в виде субстантивных сочетаний, например, *дополнительные доводы, неубедительные аргументы, примеры, языковые факты*.

Рассмотрим пример (26):

(26) *Мы с большим интересом и благодарностью ознакомились с аргументами коллег, откликнувшихся на нашу статью. В этой связи нам показалось заслуживающими внимания соображения О.Е. Столяровой: «Примеры не объясняют, почему становится возможным» появление сообщества с особой бинарной – деятельно-созерцательной позицией. В ответ мы можем сказать, что примеры таких «странных» сообществ имеют и теоретическое значение: поскольку косвенно указывают на то, что существует мыслительный ход, который еще не обнаружен [Антоновский А.Ю. Язык: пространство общения и разобщения // Эпистемология. 2006. Т. 10. № 4. С. 63–64].*

В данном примере можно видеть критику по компоненту аргументов. В ответ на приведенные ранее в статье пропонента А.Ю. Антоновского аргументы в виде примеров оппонент подвергает сомнению достоверность последних. Пропонент в ответной публикации приводит дополнительное обоснование представленных ранее аргументов.

Следующим компонентом в согласовании полей аргументации выступает способ аргументации, который представляет собой различные виды умозаключений. Вполне обоснован отказ оппонента принять эти умозаключения как демонстративные, например, в случае нарушения правил логического следования, проблематичного индуктивного обобщения, поверхностной аналогии. При этом в текстах содержатся прямые указания на нелогичность, пример (27):

(27) *Поддерживая основные положения и результаты обсуждаемого исследования, отмечу некоторые критические замечания. Во-первых, работе недостает установления более четкой связи между особенностями военного дискурса и особенностями номинирования военных кораблей...* [Отзыв д-ра филол. наук Т.Г. Поповой о кандидатской диссертации от 07.09.2017 г.].

Также в критике используемых пропонентом способов умозаключений характерными являются языковые средства, смягчающие категоричность оппонентов: выражение удивления, непонимания, недоумения, неожиданности при помощи слов и конструкций соответствующей семантики: *странно, не вполне понятно, не вполне прояснено, не достаточно четко*, как в представленном ниже примере (27а):

(27а) *Я уже отметил высокую степень ясности изложения, характерную для рецензируемой диссертации. Однако отмечу пару случаев, когда ясность как раз несколько пострадала* [Отзыв д-ра филол. наук А.А. Кибрик о кандидатской диссертации от 21.04.2016 г.].

Нередки ситуации детального разбора несоответствий и противоречий в первичном тексте. Репертуар лексических и синтаксических средств, маркирующих анализ оппонента, представлен конструкциями с союзами *если, но, если... то ..., здесь же..., если...тогда* (пример 28):

(28) *На с. 53 упоминается жест «со значением ‘человек’», но раз он не употребляется автономно, то это чистый суффикс, выступающий в обозначенной функции и только в ней. На с. 98 как будто бы утверждает, что в русском звуковом языке сочетание инхоативов с состояниями типа начать любить невозможно (как невозможно и в жестовом); ср., однако, нередкие примеры типа **Я постепенно начал любить жизнь, Родину, Москву и даже ВВЦ** <...> По-видимому, любить – не вполне чистый глагол состояния* [Отзыв канд. филол. наук Д.В. Сичинавы о кандидатской диссертации от 22.04.2016 г.].

В данном случае оппонент справедливо указывает на ошибки в демонстрирующем рассуждении соискателя. Следует отметить, что этот вид согласования полей аргументации является ответственной процедурой, так как именно здесь кроются различные просчеты, ошибки и ухищрения, для выявления которых от оппонента требуется рациональное логическое мышление.

Анализ научного контекста показывает, что компонент в виде фундаментальных исходных позиций представляет собой триггер для широкого спектра критики от указания на орфографические, стилистические, концептуальные ошибки в изложении до вопросов этики (пример 29):

(29) *Говоря об эталонах и стереотипах мужского и женского поведения, существующих в сознаниях носителей русской культуры, автор выделяет такие эталонные качества женского поведения, как красота и сексапильность (с.*

116). Хотелось бы, чтобы автор пояснил <...> В какой момент сексапильность стала эталонным качеством? Рассматривается ли данное свойство как эталонное представителями всех возрастных групп? [Отзыв канд. филол. наук И.А. Бубновой о кандидатской диссертации от 05.09.2014 г.].

Оппонент не согласен с утверждением об эталонных качествах женского поведения, которое использует проponent в своих теоретических построениях. Критическое возражение оформлено в виде вопроса (подчеркнуто) и содержит имплицитное отрицание. Следующая за ним вопросительная конструкция показывает, что оппонент не расценивает свойство сексапильности в качестве эталона по этическим и возрастным соображениям. Иными словами, в данном случае обсуждается вопрос, который не содержит фактуальной информации и не является научным.

4. На заключительном этапе проведен сравнительный анализ языкового материала, извлеченного из двух категорий текстов.

3.2. Экспертиза нового научного продукта

Лингвистическое обоснование критики нового знания на этапе его вхождения в научную сферу представлено работами оппонентов, рецензентов, а также другими членами научного сообщества. Эти работы представлены текстами отзывов и рецензий. Взаимодействие «эксперт-оппонент → соискатель-проponent» характеризуется неравнозначностью статуса субъектов. Оппонент, рецензент, являясь членами экспертного сообщества, занимают более высокий статус, чем автор квалификационной работы. Для взаимодействия «эксперт-оппонент → автор научной работы-проponent» характерен равнозначный статус, субъекты взаимодействия, как правило, являются коллегами. Однако мы сочли возможным объединить указанные форматы взаимодействий на основании нового научного продукта, который, для введения в научный оборот, требует экспертной оценки.

Изложение параграфа построено на анализе текстов, квалифицируемых как жанр «Научная рецензия» и жанр «Отзыв официального оппонента» (последний термин введен Э.Н. Меркуловой [Меркулова 2016]). Чтобы внести ясность в терминологию, отметим, что нередко рецензия и отзыв противопоставляются по степени официальности, глубине анализа, объективности. Считается, что рецензия является официальным документом с более глубоким анализом и реферативным изложением рецензируемого сочинения, тогда как отзыв представляет собой субъективное мнение. Это мнение, верно лишь отчасти и более справедливо по отношению к публицистике, литературной критике и кинокритике.

Массив проанализированных нами отзывов и рецензий показывает, что такой текст, как отзыв официального оппонента, не отличается от рецензии ни по степени официальности, ни по детальности, ни по структуре. И наоборот, встречались рецензии, более поверхностные, чем отзывы. Более того, отметим выявляемую в научной практике особенность, которая состоит в том, что текст, посвященный детальному профессиональному анализу другого научного текста и предъявляемый как в устной, так и в письменной форме, называется именно «отзыв», а публикуемые в научной периодике аналитические разборы именуется рецензиями [Матвеева 2014: 523]. Поэтому мы согласимся с автором словарной статьи Т.Н. Матвеевой [там же] и будем считать, что выбор термина в данном случае более всего зависит от традиции, сложившейся в той или иной сфере речевого общения. В соответствии с изложенным, тексты отзывов и рецензий не будут нами квалифицироваться как принципиально разные типы текстов.

Основываясь на работах в области жанроведения [Муравьев 1971, Троянская 1985] и современном понимании рецензии как текстового и внетекстового объекта [Николаев 2007, Колмогорова 2013, Хомутова 2014], представим следующие ее характеристики:

- 1) научная рецензия представляет собой разновидность оценочно-критического типа текстов;
- 2) основная установка рецензии – критический анализ, оценка, информирование о содержании рецензируемого произведения;
- 3) тексты рецензий соотносятся с некоторым инвариантом, имеющим четкую форму и содержание, но могут значительно различаться;
- 4) диалогичность – отличительная черта научной рецензии;
- 5) взаимодействие рецензента и автора носит глубоко ритуализированный характер.

Учитывая выводы, к которым приходит А.М. Николаев, выделяющий «экстралингвистическую ситуацию текстов научной рецензии» [Николаев 2007: 96], и учитывая контекст проанализированного материала, представим схему процесса научного рецензирования, которая состоит из следующих компонентов:

- 1) прочтение первоисточника;
- 2) создание мета-текста, т.е. изложение содержания рецензируемой работы;
- 3) определение степени соответствия рецензируемой работы критериям, предъявляемым к квалификационным работам;
- 4) аргументированная оценка рецензируемой работы;
- 5) выработка рекомендаций автору по улучшению работы.

При оценке диссертационного сочинения эксперт руководствуется требованиями Положения⁷. Для критических замечаний наиболее релевантными оказываются раздел II (пп. 9–14) и раздел III (п. 15) указанного документа. Если обратиться к критериям, содержащимся в этих пунктах, то ключевыми моментами, содержащими основания для критики, являются представленные ниже требования.

1. «Диссертация должна быть написана автором самостоятельно, обладать внутренним единством, содержать новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствовать о личном вкладе автора диссертации в науку».

2. «...В диссертации, имеющей прикладной характер, должны приводиться сведения о практическом использовании полученных автором диссертации научных результатов, а в диссертации, имеющей теоретический характер, – рекомендации по использованию научных выводов».

3. «...Предложенные автором диссертации решения должны быть аргументированы и оценены по сравнению с другими известными решениями».

4. «В диссертации соискатель ученой степени обязан ссылаться на автора и (или) источник заимствования материалов или отдельных результатов».

5. «...Диссертация оформляется в соответствии с требованиями, устанавливаемыми Министерством образования и науки РФ».

Для рецензий и отзывов на научные работы существует определенная схема, которой должен следовать эксперт. План рецензии содержится в требованиях конкретного издательства или журнала, поэтому критика в текстах рецензий представляет собой как развернутую контраргументацию, так и краткие замечания.

Итак, критику в отзывах и рецензиях на новый научный продукт можно исследовать посредством контраргументации по отношению к существующей в первоисточнике проаргументации. Критика в таких жанрах иницируется требованиями регламентирующего документа или требованиями издательства.

3.2.1. Контраргументация в отзывах и рецензиях

Рассмотрим фрагменты текстов, содержащих контраргументацию, сгруппировав все примеры по выявленным ранее параметрам фокуса, вида действия, норм и уровня. Примеры представляют собой фрагменты, извлеченные из композиционных сегментов текстов рецензий и отзывов, содержащих замечания и вопросы. Указанные сегменты всегда находятся в заключительной части рецензии или отзыва. Значимые для анализа Аргументативные Ходы или иные фрагменты подчеркнуты.

---

⁷ Положение о порядке присуждения ученых степеней, утвержденное постановлением Правительства РФ.

3.2.1.1. Параметр фокуса

Напомним, что параметр *фокуса контраргументации* связан с критикой составляющих аргументативного комплекса «пропозиция аргумента → основание для инференции → пропозиция тезиса».

Представим группу контраргументации, возникающей по отношению к пропозиции аргумента, выявляющей ложность аргумента/аргументов.

Рассмотрим пример (30):

(30) *Автор указывает на то, что модальные частицы выступают как слова-коннекторы, манифестируя отношения сравнения и уступки (с. 45). Мы полностью согласны с тем, что модальные частицы могут выступать в роли коннекторов (см. в этой связи работу Averina A. ModalparkikelnimcomplexenSatz. Michanismen der Lizenzierung in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Frankfurt – am – Main: PeterLang, 2015). Однако, по нашим наблюдениям, как коннекторы они передают, как правило, каузальные отношения, и много реже – отношения уступки. То, что модальные частицы могут выступать для передачи сравнительных отношений, представляется нам сомнительным [Отзыв д-ра филол. наук А.В. Авериной о кандидатской диссертации от 20.02.2017 г.].*

В данном случае представлена контраргументация по отношению к аргументам, которые привлекались диссертантом для обоснования тезиса. При этом аргументы пропонента-диссертанта *о качестве модальных частиц* являются именно аргументами, а не тезисом, сам тезис оппонентом не критикуется. Аргументативный Ход оппонента содержит сомнение относительно аргумента, однако фактически этот аргумент отрицается: «*неверно, что P*». Эксперт приводит обоснование в виде мнения, ссылаясь на работу другого исследователя.

Следующий способ контраргументации по фокусу аргументов достигается указанием на то, что аргументы, при помощи которых обосновывается выдвинутый тезис, являются для тезиса недостаточными (пример 30а):

(30а) *По какой причине при подсчете частотности слова мел способом вычитания из результата по запросу мел* других основ (мель*, мелан*, мелям*, мелк*) не учитываются такие возможные варианты, как, например, мелодия, мелодрама и их словоформы? Автор справедливо отмечает, что «данный способ подсчета частотности не является абсолютно точным» (с. 66). Однако, добавив основу *мело*, исследователь мог бы уменьшить погрешность результатов [Отзыв канд. филол. наук Н.И. Степыкина о кандидатской диссертации от 26.09.2017 г.].*

В данном примере оппонент указывает, что в работе способ подсчета частотности слов, и так не являлся точным, кроме этого, не был учтен и ряд других примеров. Таким образом, устанавливается, что для обоснования некоторого утверждения, примеров-аргументов недостаточно.

Еще пример контраргументации с указанием на недостаточность аргументов содержится в следующем фрагменте (пример 30б):

(30б) *Вместе с тем, как и всякое серьезное и перспективное исследование, эта книга ориентирует на постановку новых исследовательских задач и вопросов, вызывает потребность в отдельных уточнениях и дополнениях. Так, трактуя вопросы о функционировании английской новеллы XIX в. в контексте других форм малой прозы, О.В. Лебедева исключает из поля своего исследовательского внимания целый ряд крупных создателей таких форм: Ч. Лэма, Д. Макдональда, Э. Гаскелл, Т. Харди, С. Моэма и др. Такую редукцию эмпирического материала в исследовании историко-литературного характера едва ли можно признать оправданной* [Рецензия на монографию «Английская новелла: история и современность» // Неофилология. 2018. Т. 4. № 13. С. 73].

Рецензент указывает на неоправданную редукцию эмпирического материала, в ряду авторов, работы которых не вошли в анализ, могут содержаться противоречащие заключению пропонента языковые факты.

Недоказанность, недостоверность аргументов является одним из видов критики и нередко попадает в поле зрения экспертов (пример 30в):

(30в) *Раскрывая понятие структурно-семантической аналогии в соответствующем разделе на стр. 74, автор рассматривает отдельно примеры единиц, образованных по семантической аналогии, а затем переходит к примерам структурной аналогии заявляет, что последние «гораздо более многочисленны». При этом, судя по обзору языкового материала на стр. 79–80, складывается впечатление, что на самом деле картина прямо противоположна, т.к. в качестве примеров структурной аналогии приводится лишь пара единиц **as sharp as a bowling ball – as sharp as a needle*** [Отзыв канд. филол. наук С.В. Мухина о кандидатской диссертации от 15.03.2016 г.].

Аргументативный ход оппонента представляет собой суждение, указывающее на недостоверность аргументов, которые в масштабе всей работы ведут и к необоснованности примеров *структурной аналогии*, и к недоказанности макротезиса в целом.

К этой же группе следует отнести примеры критики, где определяется, что источник фактов, при помощи которых обосновывается выдвинутый тезис, яв-

ляется недоброкачественным (пример 30г). Большинство образцов контраргументации такого рода представляют примеры, где указываются недостатки в источнике лингвистических фактов:

(30г) *В работе предлагается алгоритм анализа потенциальных терминологических единиц – через дефиниционный анализ составляющих терминосоchetание слов литературного языка, дискурсивный анализ новообразований. Автор также приводит критерии, позволяющие квалифицировать новообразование именно как термин (а не словосочетание литературного языка). Вместе с тем, при всей методологической обоснованности такого подхода вызывает сомнения – или по крайней мере требует специального обоснования – использование корпусных данных (где представлены разнообразные стили общелитературного языка – автором не оговорено, какие жанры и поджанры служили базой для выводов), а также данных толковых словарей для выведения значения термина (с. 141 и сл.). Как убедительно показано в многочисленных лингвистических исследованиях последних десятилетий, данные словарей только, без специального сопутствующего исследования не могут служить единственной основой для выводов о значениях представленных в них слов. Словарные определения часто неточны, значения представленных в них слов нуждаются в специальных исследованиях [Отзыв д-ра филол. наук О.А. Сулеймановой о кандидатской диссертации 03.11.2015 г.].*

Оппонент отмечает, что аргументы в виде языковых фактов, полученные только на основе *данных словарей*, в современных исследованиях не признаются в качестве валидных. Оппонент критикует качество источника лингвистических фактов.

Количество эмпирического материала как источника аргументов, а также способ его обработки, также вызывает многочисленные нарекания со стороны экспертов (пример 30д):

(30д) *Представляется, что выводы о степени защищенности и разборчивости речевых сообщений с учетом фонетических, синтаксических и лексических факторов, полученные на таком слабо сбалансированном в лингвистическом отношении и не очень репрезентативном материале, можно рассматривать лишь как предварительные, требующие дальнейшей более тщательной проверки [Отзыв д-ра филол. наук О.Ф. Кривнова о кандидатской диссертации 30.11.2016 г.].*

Ниже представлен фрагмент текста с разбором аргументов и приведением контраргументов (пример 30е):

(30e) Помимо этого, книга Клаксона изобилует и многими частными погрешностями, ошибками и опечатками. Вот некоторые из них, в основном касающиеся неточности приводимых фактов классических и славянских языков. <...> С. 74. Латинский глагол *gignō* почему-то (видимо, по аналогии с греческим *γίγνομαι*) переводится как 'become' ('становиться, происходить') вместо 'рождать, порождать'. На с. 78 болгарскому языку по непонятным причинам приписано «фиксированное силовое ударение». С. 91. «В новогреческом языке нет отдельного дательного падежа. Его грамматические функции были переняты генитивом, а его местные функции – главным образом аккузативом». В действительности в современном новогреческом языке (в димотике) генитив выполняет функцию дательного главным образом у местоимений, тогда как в основном адресативное значение передается предложной конструкцией (при этом все предлоги управляют аккузативом): δίνω γλυκά στο παιδί μου 'даю сладости моему ребенку'. В кафаревусе (старой книжной норме) дательный падеж теоретически может встречаться и до сих пор. На с. 93 в склонении славянского слова МАТИ творительный падеж обозначен как *materija* вместо *materija* (пропущена точка под последним *a*, требуемая для адекватной передачи юса). Тут же следует отметить, что формы местного падежа от этого слова *materi* (приводимой в той же парадигме) в старославянском языке (понимаемом в строгом смысле слова) не засвидетельствовано [Вайан 2002: 137]. На с. 204 без оговорок утверждается, что в русском языке есть слова **золва** и **ятры** [Рецензия на книгу «Indo-European linguistics. An introduction» // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 126–127].

В примере рецензент указывает на наличие в книге множества ошибок. Языковые факты, которые вызывают возражения, маркированы указанием страниц: «с. 74, с. 78» и т.д. Аргументативные Ходы рецензента представляют собой контраргументы в виде противоречащих фактов. Контраргументы вводятся выражениями «в действительности», «...следует отметить».

Частотным компонентом, подвергаемым критике в научных рецензиях, является компонент «**основание для инференции**». Критика этой составляющей аргументативного комплекса связана с опровержением демонстрации. Известно, что при соблюдении некоторых правил в индуктивных и дедуктивных суждениях можно говорить о правильности выводов в отношении некоторого предмета. Одним из таких правил является истинность посылок. При соблюдении этого условия для получения нового знания нет необходимости иметь всю информацию, она может быть получена логическим путем. Рассуждения, которые устанавливают, что тезис доказан с нарушением правил умозаключения, таких

как дедукция, индукция, аналогия, ведут к тому, что все доказательство считается опровергнутым. При этом в отзывах и рецензиях встречаются как общие замечания по логике изложения и аргументированности некоторых утверждений, выводов, компонентов работы (пример 31), так и развернутое опровержение демонстрирующего рассуждения (пример 31а):

(31) *Несколько спорным представляется интерпретация функционального параметра анализа. Авторы вполне определенно указывают, что здесь имеются в виду употребительность и частота употребления анализируемых единиц. Но в дальнейшем анализе эти аспекты не затрагиваются, при этом критерием функционального измерения авторы считают (звуковую? – З.Д.) длину слов, хотя, по логике, работая со словарными единицами по лексикографическим изданиям, авторы имели дело с графическим оформлением слова, но вовсе не с их акустическим воспроизведением* [Рецензия на книгу «Единство Европы по данным лексики» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 265–266].

В примере (31) рецензент указывает на то, что пропонент не последователен в рассуждениях, так как сначала утверждает, что анализирует языковые единицы по параметру звуковой длины слова, а фактически материал анализа не связан с этим параметром.

(31а) *...Так, при прочтении работы возникает следующий вопрос: на стр. 60–61 исследования автором предлагаются две схемы представления концепта игры в русском и итальянском языках. В схеме для русского языка есть сегмент семантического поля, называемый «актерская игра, играть спектакль», в итальянской схеме данный сегмент отсутствует, потому что в итальянском языковом сознании не употребляется глагол «играть» для обозначения профессии актера в театре или кино, но есть глагол recitare – декламировать. Однако в Третьей главе, на стр. 115–122, 165–167 диссертант рассматривает театральную лексику как игровую лексику и в итальянском языке* [Отзыв канд. филол. наук Д.А. Шевляковой о кандидатской диссертации от 17.04.2017 г.].

Реконструируя этот фрагмент, получаем, что оппонент указывает на то, что одна из посылок об игровой лексике в итальянском языке является ложной, о чем писал сам диссертант ранее, а затем использует ее в своих обобщениях. Следовательно, умозаключения с такой посылкой не являются верными, а заключение не следует из посылок.

Отметим, что критическое действие в отношении *тезиса* в рецензиях на работы ученых и диссертации является гораздо менее частым явлением, чем дей-

ствия в отношении других компонентов, зачастую такую критику можно выявить лишь аналитически, и она является косвенной. Так, выявление противоречащих фактов в отношении эмпирического материала, с одной стороны, не является прямым опровержением тезиса. С другой стороны, указание на неполноценную эмпирическую базу исследования можно рассматривать как серьезный контраргумент по отношению к утверждаемому в работе тезису (пример 32):

(32) *На с. 65 диссертант пишет, что «для подсчета частотности лексемы железно пришлось ограничиться основой железн*, в которую не попадают многие формы существительного, и она, таким образом, в нашем случае представляет набор словоформ и лемм, выраженных только прилагательным и наречием». Однако, как же быть со словами **железняк, железнить**, которые полностью соответствуют критериям предлагаемого запроса и не относятся к выше указанным частям речи?* [Отзыв канд. филол. наук Н.И. Степыкина о кандидатской диссертации от 26.09.17 г.].

В этом примере оппонент опровергает утверждение о том, что основа *железн** выражена только прилагательным и наречием, приведя примеры из других частей речи. Аргументативный ход оппонента представляет собой контраргумент по отношению к тезису пропонента. На макроуровне это формирует новое заключение о том, что утверждение пропонента не верно.

Еще одним способом опровержения тезиса является выявление противоречащих следствий, вытекающих из него пример (32а):

(32а) *С недостаточно эксплицированным представлением автора о развитии в чешских землях «массового смешанного билингвизма» ... связаны и другие два недостатка рецензируемой работы. Один из них я вижу в том, что в диссертации описываются появившиеся в результате контакта с немецким языком семантические и лексические кальки в чешском языке вообще, без дифференциации, в каких формах его существования те или иные кальки возникли. В итоге автор в одном ряду рассматривает, с одной стороны, термины или терминологически употребляемые лексемы, выступающие в «интеллектуальном» или специальном языке, ... а с другой – слова, характерные для народного и вообще живого повседневного чешского языка* [Отзыв канд. филол. наук С.С. Скорвид о кандидатской диссертации от 30.03.2016 г.].

В примере представлено противоречащее следствие, которое возникает в ходе рассуждений пропонента.

Критика тезиса достигается и выявлением противоречащих фактов по отношению к некоторым выводам исследования (пример 32б):

(32б) *Некоторые обобщающие, если не сказать глобальные, схемы объясняются более подробно. Таковы страницы, посвященные анализу преимущественно вертикальной или преимущественно горизонтальной организации пространства в смеховых текстах (см. ч.136 и след.). Очень хорошо проанализирована с этой точки зрения поэзия Батюшкова, Баратынского, Тютчева, Фета. Хорошо показана сложность, опять же с этой точки зрения, поэзии Пушкина. Но почему-то за пределами рассмотрения оказалась лирика Лермонтова, которая, наверное, представляет собой смешанный, промежуточный вариант. В самом деле, вертикаль или горизонталь доминируют в «Белеет парус одинокий...», «Тучи», «Утес», «Спор», «Тамара», «Листок», «Выхожу один я на дорогу...»? В них есть и то, и другое [Отзыв д-ра филол. наук Б.Ф. Егорова о докторской диссертации Ю.В. Шатина от 10.02.1993 г.].*

Эксперт указывает на справедливость тезиса пропонента о вертикальной и горизонтальной организации пространства в смеховых текстах, и, в частности, в поэзии Пушкина, но приводит противоречащие факты из лирики Лермонтова. Эти факты, которые пропонент в своем исследовании не учел, представляют собой смешанный, промежуточный вариант, который не укладывается в схему, разработанную в работе соискателя.

На страницах отзывов имеются и примеры обоснования контртезиса (пример 32в):

(32в) *...На той же стр. 5 введения автор относит **время** к числу «бытийных категорий, отражающих сущностные характеристики мира, а также формы и способы его познания». Не могу с этим согласиться. В число основных онтологических категорий традиционно и вполне обоснованно включаются «бытие», «ничто», «сущность», «существование», «единое» и «многое», а вот вопрос о включении «времени» в данный перечень – дискуссионен. Сущность как первичная онтологическая категория внутри себя динамична и подчиняется принципу развития, соответственно, время служит для измерения и фиксации этого развития, что делает данную категорию производной, вторичной. Таким образом, на мой взгляд, корректнее было бы трактовать время не как базовую онтологическую категорию (именно к такому пониманию, по всей видимости, склоняется диссертант), а как производный категориальный конструкт (в том смысле, в котором трактует конструкты А.А. Залевская), используемый для осмысления феномена динамического изменения. В этой связи показательна замечательная мысль Н.Д. Арутюновой, цитируемая самой диссертанткой дважды – на стр. 58 и*

139: «Конечное время наблюдаемо в изменениях, вечность их останавливает» [Отзыв д-ра филол. наук О.А. Алимурادова о кандидатской диссертации от 17.04.2015 г.].

Тезис пропонента, о том, что «категория Времени входит в число базовых бытийных категорий», находится в начале примера. Реконструируя этот фрагмент с помощью прагма-диалектического анализа, получаем эксплицитный контртезис и аргументы контртезиса:

1. Категория «Время» является производным категориальным конструктом
Аргументы контртезиса:

1.1. Время служит для измерения и фиксации развития

{ 1.1.а Категория времени является производной, вторичной
1.1.б Цитата «Конечное время наблюдаемо в изменениях, вечность их останавливает».

Этот пример содержит обоснование контртезиса по отношению к тезису пропонента, о категории времени. Группа аргументов контртезиса (1.1, 1.1.а и 1.1.б) находятся в подчинительно-сочинительной связи по отношению к контртезису.

3.2.1.2. Параметр нормы

Следующая группа примеров контраргументации представлена по параметру **нормы**. Предметом критики является нарушение некоторых норм. Весь анализ мы представим в виде двух групп – контраргументация по отношению к аргументативным нормам и контраргументация по отношению к институциональным нормам.

К первой группе относятся случаи, когда контраргументация возникает, если обнаружены нарушения **правил аргументов**, последние, как известно, не должны противоречить друг другу. Так, в примере (33) оппонент указывает на противоречия в положениях, сделанных диссертантом относительно механизма действия десемантизации:

(33) *Каков механизм действия десемантизации компонента-антропонима в процессе фразеологической номинации? Последний вопрос возникает из-за некоего несоответствия между положением 2 и высказыванием на с. 35 и 7. В первом случае указывается, что антропоним не утрачивает полностью самостоятельной знаковой функции, а во втором пишется о том, что «не происходит полной десемантизации антропонима». Оба положения контрастируют с высказыванием на с. 7, где диссертант пишет о «степени его десемантизации в комплексном значении оборота». Что же имеется в виду под степенью десемантизации?*

В данном фрагменте оппонент указывает на нарушение логической правильности рассуждения, вследствие чего происходят несоответствия между положениями диссертации. Далее в этом же отзыве эксперт указывает на нарушение нормы аргументации, так как она вообще отсутствует:

...Хотелось бы прояснить авторскую позицию по проблеме последовательности рассмотрения подачи облигаторных фреймов <...> Желательна также аргументация выбора тематики научно-популярных текстов. Существует ли данное тематическое расслоение научно-популярных текстов во всех рассмотренных изданиях? Не вполне понятна и последовательность их рассмотрения в тексте диссертации [Отзыв д-ра филол. наук А.Э. Левицкого о кандидатской диссертации от 15.02.2018 г.].

Контраргументация проявляется при обнаружении других ошибок аргументации. Так, «круг в обосновании» или «круг в доказательстве» – это логическая ошибка, состоящая в том, что в качестве аргумента используется положение, доказанное с помощью самого доказываемого тезиса, т.е. аргумент и тезис практически совпадают: например, *Плагиат – это негативное явление, поскольку это нечестное поведение.*

Рассмотрим фрагмент отзыва (пример 33а):

(33а) *Так, вызывает сомнение п. I положений, выносимых автором на защиту, согласно которому «на процесс и результат специального /.../ перевода, влияют не только лингвистические факторы /.../, но и экстралингвистические факторы, определяемые спецификой коммуникативной ситуации, в которой осуществляется специальный перевод» (стр. 7) и которое резюмируется в заключении в работе следующим образом: «один из выводов работы подтверждает положение коммуникативно-функционального подхода о строгой зависимости стратегии перевода от цели перевода в коммуникативных ситуациях с использованием специального перевода» (стр. 183). Нужно ли доказывать это положение в рамках специальной теории перевода, если в рамках теории общей оно доказано неоднократно, а в функционально-коммуникативном подходе и вовсе имеет статус аксиомы, по сути являясь не выводом, а предпосылкой исследования и даже самого функционально-коммуникативного подхода?* [Отзыв д-ра филол. наук М.А. Орла о кандидатской диссертации от 07.05.2018 г.].

В этом примере эксперт указывает на ошибку, справедливо отмечая, что вывод сам является аксиомой и предпосылкой.

Ошибка «поспешное обобщение» возникает при отождествлении общего с частным и относится в основном к ошибкам индуктивного рассуждения. Вот пример указания на такую ошибку (33б):

(33б) При формулировании положений на защиту автор выделяет в том числе следующее: *«Возможность действительного применения на практике той или иной переводческой программы зависит от универсальности, точности и непротиворечивости теоретических предпосылок последней»* (стр. 9). Тем не менее представляется, что данное положение наименее разработано по тексту диссертации. Оно заявляется как некая глобальная установка, а общие выводы делаются только в отношении конкретного автора – В.В. Набокова [Отзыв канд. филол. наук М.А. Яковлевой о кандидатской диссертации от 31.05.2017 г.].

Вначале оппонент приводит цитату из работы. Следующие два Аргументивных Хода содержат замечание о том, что на основании анализа работ только одного писателя в диссертации делаются глобальные выводы. Такое рассуждение является ошибочным.

Пример (33в) также содержит контраргументацию, возникающую при выявлении ошибки аргументации:

(33в) *Как и всякая серьезная научная работа, монография С.Л. Андреевой может стать поводом для научной дискуссии. Прежде всего, бросается в глаза несоответствие между масштабностью сделанных автором выводов и ограниченностью объекта исследования, послужившего основой для этих выводов. Применимость тщательно разработанной методики пропозиционально-фреймового анализа словообразовательных гнезд, апробированной при анализе лишь одной ФЕ – хрустальный дворец, по отношению ко всем сверхсловным языковым единицам, изучаемым общей фразеологией, не представляется корректной. Неизбежно возникают вопросы. Так же ли безотказно будут «срабатывать» приемы пропозиционально-фреймового анализа словообразовательных гнезд при изучении предметных ФЕ иной синтаксической модели, иной судьбы, иного типа семантики? Возможно ли применение этой при описании ФЕ, принадлежащих к другим семантико-грамматическим классам (процессуальным, атрибутивным, адъективным и пр.) или выполняющих другие коммуникативные функции (например, предикативные)? Поскольку полученные автором результаты уместно было бы использовать во фразеографической практике, нельзя ли выявить в предложенной методике процедурные приемы, которые привели бы к желаемому результату более коротким путем?* [Рецензия на книгу «Судьба оборота хрустальный дворец...» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 229].

В этом фрагменте рецензент указывает на недостаточную проверку аргументируемого автором положения. Выявляется ошибка «поспешного обобщения»

ния»: доказательство является несостоятельным, если широкий тезис обосновывается отдельными фактами. Причина таких ненадежных заключений кроется, как правило, в недостаточном анализе фактического материала. Для убедительного вывода нужны сотни подтверждающих его фактов, а один противоречащий случай может разрушить этот вывод, о чем и пишет рецензент, приводя в пример фразеологические единицы (ФЕ), принадлежащие к другим семантико-грамматическим классам, нежели единица *хрустальный дворец*.

К примерам контраргументации второй группы, т.е. соотносящимися с нарушениями институциональных норм, относится обширный корпус примеров, представляющих собой критические замечания, связанные с нарушением институциональных норм.

Самым частотным является указание на неверное терминологическое употребление. Пример (34) содержит замечания по терминологии и нормам академического письма:

(34) *Из немногочисленных критических замечаний, помимо нескольких, высказанных выше, укажу на то, что не вполне удачным представляется выбор термина «кумуляция» (cumulation) для случаев, когда повторение морфологического показателя вносит дополнительную семантику по сравнению с употреблением единственного его экземпляра (с. 11–14), ведь этот термин уже давно закреплен за совершенно иным значением. Описание четырех типов множественного выражения в начале главы 3 следовало бы, на мой взгляд, сделать более однозначным, поскольку в имеющемся виде оно создает впечатление, скорее, перечисления пересекающихся множеств типичных признаков, нежели четкой классификации. Сверх того, книга могла бы быть лучше отредактирована. Так, отсутствует перевод примера (45) из языка рарамури на с. 8; имеется ряд опечаток, в том числе в болгарском примере (64) на с. 81 (должно быть *studénti-otlínici*, как в источнике, из которого взят пример) [Рецензия на книгу *Multiple exponence // Вопросы языкознания*, 2018. № 4. С. 150].*

В примере (34а) эксперт ставит под сомнение практическую ценность диссертационной работы и приводит пролептическую контраргументацию.

(34а) *Помимо этого, с моей точки зрения, в работе не отражена компетенция исследователя по переводу полученного приращенного теоретического знания в практику. Я полагаю, что это недостаток исследования, недоработка соискателя. Описание практической значимости результатов исследования – «в возможности использования полученных результатов в курсах по теории языка, гендерной лингвистике, лингвопрагматике, риторике, социолингвистике» – звучит как декларация, не находящая своего обоснования в тексте работы. Где и кто читает сегодня перечисленные*

лекционные курсы, теперь уже в рамках второго варианта третьего поколения ФГОС? Каким образом эта новая информация, в том числе методически, может быть включена в учебный процесс, исключая, конечно, ее использование на своих занятиях самим автором [Отзыв д-ра филол. наук В.Н. Базылева о кандидатской диссертации от 26.04.2018 г.].

Кроме сомнений в практической значимости работы, этот пример демонстрирует так называемую пролептическую тактику в виде оговорки (в терминах С. Тулмина), которая вводится в структуру аргументации для того, чтобы предотвратить возможные возражения оппонента. В данном случае мы видим пролептическую контраргументацию: «... *исключая, конечно, ее использование на своих занятиях самим автором*».

Приведем еще пример контраргументации и пролептической тактики (пример 34б):

(34б) *Определяя сложный феномен агрессии, автор абсолютно точно указывает, что ее можно рассматривать и как личностную особенность, и как эмоциональное состояние, и как поведение (в том числе речевое), и как когнитивную модель восприятия действительности и реагирования на нее. Однако данное определение является общепринятым в психологии и вряд ли его стоит выносить в положения на защиту (с. 17 дис., с. 13 автореф.). Хотя справедливо и то, что для лингвистики это определение не тривиально [Отзыв д-ра филол. наук И.М. Румянцевой о докторской диссертации от 24.01.2017 г.].*

В примере автор отзыва указывает на отсутствие новизны в исследовании. Пролептическая тактика представлена допущением о том, что используемое диссертантом определение является оригинальным для лингвистики.

Еще одним критерием качества работы является то, что авторские результаты должны быть «аргументированы и оценены по сравнению с *другими известными решениями*». Этот пункт Положения о присуждении ученых степеней является основанием для критики на мета-уровне. Рассмотрим пример (34в):

(34в) *Во многих концепциях современного переводоведения художественный перевод исключен из предметной области данного направления языкознания. Автор не выражает своего отношения к данной точке зрения и на с. 292 заявляет, что «в данных коммуникативных ситуациях перевода художественного текста целью перевода является расширение читательской аудитории за счет включения в нее носителей ПЯ путем создания текста на ПЯ, являющегося коммуникативно-равноценной заменой текста на ИЯ». Однако на с. 102 В.В. Сдобников комментирует ситуацию перевода художественного произведения его автором и отмечает, что «каждое*

художественное произведение при этом есть выражение некоей авторской концепции, видения мира автором, вместилище идей и образов, создаваемых для выражения авторской концепции. Соответственно, переводчик (в данном случае – автор перевода) будет стремиться к перевыражению заложенной в произведении концепции на ином языке». Можно ли эквивалентность реализации художественного замысла произведения как цель перевода считать «коммуникативно-равноценной заменой текста на ИЯ»? [Отзыв д-ра филол. наук В.А. Митягина о докторской диссертации от 16.03.2016 г.].

В данном примере оппонент соотносит авторские выводы с существующими современными взглядами и указывает на нелогичность.

При сравнении с существующими научными взглядами нередко происходит апелляция к авторитету (пример 35), таким образом, возникает контраргумент к авторитету:

(35) *Одним из ярких средств речевого манипулирования в текстах политической рекламы являются так называемые **слова-амебы** (термин С.Г. Карамурзы), которые со всей очевидностью можно отнести к жанроопределяющим параметрам текстов политической рекламы и которые не встречаются на страницах реферируемой диссертации. Можно ли утверждать, в таком случае, что столь характерная для русскоязычной политической рекламы лексика отсутствует в ее англоязычных образцах? [Отзыв д-ра филол. наук Л.В. Уховой о кандидатской диссертации от 13.03.2018 г.].*

В данном примере, по мнению оппонента, недостаток работы проявляется в том, что соискатель не использует термины известного автора.

Частыми являются комбинации критики как по параметрам фокуса, так и по параметрам нормы (пример 36):

(36) *Как пишет диссертант на с. 102, «для моделирования смысловых полей отбиралось по 50 полей контекстов словоупотребления каждого ПИ (прецедентное имя. – Прим. Н. Б.) <...> на основе приема случайной выборки». Отмечу, что данные 50 контекстов включали случаи как **коннотативного** употребления имени (т.е. собственно ПИ), так и **денотативного** (т.е. имен собственных), а также употребления лексем, вообще **никак не связанных с рассматриваемым ПИ**, типа салат Цезарь, торт Наполеон. В результате мы имеем очень убедительно выглядящие проценты, наглядно представленные в диаграммах, однако не следует забывать, что 2 % от общего числа контекстов – это всего лишь один случай употребления единицы. Следовательно, вопрос: считает ли диссертант (особенно*

учитывая все только что сказанное) достаточным и репрезентативным объем корпуса в 50 контекстов на единицу? Ведь речь идет не о психолингвистическом эксперименте, когда 50 ин. одной фокусной группы могут дать вполне валидные результаты (см., напр., работы А.А. Залевской, Н.Ф. Уфимцевой, Н.С. Сергеевой), а о контекстуальном анализе собственно языкового материала с целью, повторю слова диссертанта, «моделирования смысловых полей» [Отзыв д-ра филол. наук В.В. Красных о кандидатской диссертации от 27.10.2018 г.].

Вначале оппонент создает мета-текст рецензируемой работы. Далее Аргументативный Ход содержит критику по отношению к источнику аргументов, который не является репрезентативным. Второй Аргументативный Ход содержит указание о том, как следует отбирать и трактовать материал для такого рода анализа.

Особое отношение в научной экспертизе существует к использованию ссылок и цитированию. В примере (37) эксперт обнаруживает как неуместные ссылки, так и погрешности в их оформлении:

(37) *В диссертационном исследовании, особенно в теоретической главе фиксируются множественные случаи некорректного цитирования без указания авторства мыслей, цитаты без кавычек и в тех случаях, когда автор опирается на материалы интернета, не указываются конкретные страницы, откуда взяты те или иные цитаты, а мысли философов и психологов, почерпнутые с веб-страниц, излагаются в пересказах и отличаются перестановкой слов, изменяющих основной цитируемый текст* [Отзыв д-ра филол. наук Л.А. Манерко о кандидатской диссертации от 11.03.2016 г.].

Одним из видов критики является критика качества академического письма квалификационных работ. Имеется специальное исследование, в котором анализируется компонент «Академическое письмо» в отзывах на диссертации по специальностям 10.02.04 «Германские языки» и 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья». Автор приходит к выводу о том, что академическая составляющая диссертаций нередко остается за пределами внимания оппонентов. Исследователь связывает это с отсутствием в регламентирующем документе четких требований к языковому оформлению диссертаций и делает анализ замечаний относительно качества письма в отзывах оппонентов, взятых с сайтов двух Диссертационных советов [Меркулова 2016].

Мы не согласны с автором, относительно того, что качество академического письма не учитывается в большинстве отзывов. Более обширный корпус примеров, задействованный в нашем исследовании, показывает, что этот компонент, наоборот, является предметом систематической критики оппонентов, хотя

и не влияет на общую оценку работ. В 42 % отзывов содержится этот вид критики. Наш анализ в основном подтверждает выводы цитируемой работы относительно видов критики. Представим их далее.

1. Критика языкового воплощения исследования может быть представлена как простой констатацией, например, *К сожалению, работа не лишена грамматических и орфографических ошибок; ...работа не вычитана*, так и более развернутой оценкой, как в примере (38):

(38) ...на стр. 191 появляется Дж. Коменюс, однако по-русски принято писать: Ян Коменский. Есть опечатки вроде: Алпатов 1975, хотя такой работы в библиографии нет, а я в том году ничего не печатал по данной теме [Отзыв д-ра филол. наук В.М. Алпатова о докторской диссертации от 28.04.2016 г.].

2. Замечания по языковому оформлению научного сочинения касаются лексики и стиля письма (пример 38а):

(38а) Текст автореферата не лишен опечаток и изобилует неуместными для научной работы вводными словами «думается» и «представляется»; <...> В работе имеются некоторые повторы («дискурсивный подход к изучению политического дискурса» (с. 25), «краткий исторический экскурс в историю становления политической лингвистики» (с. 58) и др. Отметим также следующий факт: согласно Общероссийскому классификатору стран мира (<http://classifikators.ru/oksm>) нормативным в русском языке является топоним *Киргизия / Киргизская республика*, а не *Кыргызстан* [Отзыв канд. филол. наук А.И. Едличко о кандидатской диссертации от 03.05.2018 г.].

3. Недочеты в структуре научного изложения вызывают замечания типа: *Необходимо деление на абзацы, следует структурировать материал*. Еще пример (38б):

(38б) *К недостаткам работы следует отнести ее сжатость, порой переходящую в лапидарность. Чувствуется, что автор находился в тисках пресловутой нормы диссертационного листа и не давал простора своей системе доказательств* [Отзыв д-ра филол. наук Ю.М. Лотмана о докторской диссертации от 22.11.1975 г.].

4. Погрешности в грамматике также становятся предметом критики оппонентов (пример 38в):

(38в) ...в тексте диссертации есть несколько случаев неграмотного употребления деепричастных оборотов...в духе чеховского пародийного предложения «Подъезжая к станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа»; <...> Встречаются случаи нарушения грамматической структуры предложений, опечатки и ошибки, затрудняющие чтение работы

[Отзыв канд. филол. наук А.Г. Лисицыной о кандидатской диссертации от 13.02.2018 г.].

5. Замечания по техническому оформлению также находят место для критики оппонентов (примеры 38г, 38д);

(38г) *В качестве технического недочета назовем лишь непоследовательность в оформлении семантических компонентов слов – применение разных видов кавычек, шрифта вместо принятого в семантике прямого и обратного апострофов ‘ ’* [Отзыв д-ра филол. наук С.В. Ионовой о кандидатской диссертации от 16.03.2018 г.];

(38д) *Желательным представляется большее внимание к технической стороне оформления текста работы (см., напр.: с. 14, 15, 17, 25, 27 и др.) и библиографии; больше внимания требует подача сносок (с. 12, 13, 16, 22, 25, 33, 36, 38)* [Отзыв д-ра филол. наук А.Э. Левицкого о кандидатской диссертации от 16.05.2016 г.].

3.2.1.3. Параметр вида действия

Критические замечания по параметру *вида действия* были разделены на *фальсифицирующий* вид КА и *кларифицирующий* вид КА. При этом, к кларифицирующему виду КА следует отнести такие речевые действия, как запрос, уточнения, просьба, пояснения. Для суждений фальсифицирующего вида КА важным является качество критики. В связи с этим следует выделять конструктивную, связанную с обоснованием контртезиса КА и деструктивную, связанную с указанием на недостатки проаргументации КА.

Для текстов жанра рецензии и отзыва характерными являются утверждения в форме вопроса, которые содержат фальсифицирующий потенциал. Массив текстов, содержащих критику экспертов в виде вопросительных конструкций, подтверждает это утверждение. Так, в примере (39) содержится два вопроса:

(39) *Хотелось бы узнать, насколько предложенные лингводидактические методы (суггестопедия, сказкотерапия и др.) являются приемлемыми только для академического арабоязычного дискурса либо они универсальны? <...> Во втором положении на защиту автор представляет трансформацию вторичной языковой личности студента-арабиста в полилингвокультурном пространстве академического дискурса как поступательный хронотоп, реализующийся последовательно на стадиях **адаптации, инвариативности, мутационности и трансформации**. Хотелось бы уточнить выбор термина для последней стадии (трансформация). Не являются ли все стадии своего рода трансформацией, изменением, приспособлением, тем более, что ключевым словом уже является слово «трансформация»? [Отзыв д-ра филол. наук В.В. Катерминой о кандидатской диссертации от 08.08.2018 г.].*

Как видим, фрагмент содержит вопрос о методах, затем – кларифицирующее утверждение относительно термина, и далее, вопрос об этом же термине. Вопросительная конструкция в конце фрагмента, на самом деле, является утверждением. Об этом можно судить, во-первых, по тому, что вопрос с частицей *ли* требует ответа «да» или «нет». Во-вторых, маркер подчинительной контраргументации *тем более* показывает то, какого мнения придерживается оппонент. То есть это фальсифицирующее по отношению к авторскому тезису высказывание, а в данном случае – по отношению к суждению, которое вынесено на защиту.

К фальсифицирующим утверждениям следует отнести такие утверждения, которые опровергают компоненты аргументативного комплекса и указывают на ошибочность аргументации. Большинство примеров фальсифицирующей КА представляет собой деструктивную критику, или слабое опровержение, в виде разбора недостатков проаргументации. Примеры (39а) и (39б) содержат такого рода критику:

(39а) *В статье Констанции Капетангианни и Дэниела Сили «Контроль в современном греческом языке: это неплохое движение» (Control in Modern Greek: it's another good move) ставится следующий вопрос: в греческом языке есть конструкции с зависимыми клаузами в сослагательном наклонении, которые проявляют свойства контроля, и есть те, которые таких свойств не проявляют, – что определяет это различие в свойствах между внешне очень похожими конструкциями? Обсудив недостатки одного из предшествующих подходов к этой проблеме, авторы предлагают свое решение, которое, в каком-то смысле, сводится к тому, что на более абстрактном синтаксическом уровне греческий контроль следует анализировать ровно так же, как контроль в английском <...> Хотелось отметить, что, хотя авторы и опираются на теорию контроля как передвижения Хорнстайна, их анализ мог бы быть вписан в любую другую из многочисленных теорий, построенных на материале английского языка и объясняющих возникновение контроля дефективностью вершины T^o (ср. более традиционные подходы [Chomsky, Lasnik 1993; Martin 1996; 2001]). Следует сказать, что авторы не предоставляют никаких независимых свидетельств существования двух разных вершин T^o в сослагательном наклонении в греческом языке – полной и «дефектной». Нет никаких эмпирических данных, подтверждающих эту теорию, более того, как показано в следующей статье сборника, есть данные, ставящие ее под сомнение [Рецензия на сборник статей. New horizons in the analysis of control and raising // Вопросы языкознания. С. 120–121].*

В примере (39а) рецензент указывает на недостатки существующей аргументации, указывая на необоснованность и недоказанность авторских заключений. Все Аргументативные Ходы выражают сомнение и указание на противоречащие данные.

В примере (39б) также содержится фрагмент слабого опровержения тезиса с указанием на его недоказанность (фрагмент подчеркнут):

(39б) *Первая статья в этой части написана Габриэлой Албою и озаглавлена «Продвигаясь вперед с румынским обратным контролем и подъемом» (Moving forward with Romanian backward control and raising). В этой статье автор пытается доказать, что обязательный контроль (в отличие от необязательного) в румынском языке следует анализировать как передвижение в духе теории Хорнстайна <...> Надо отметить, что, хотя большинство упомянутых аргументов очень интересны и убедительны, недостатком статьи является отсутствие последовательного сравнения конструкций с обязательным контролем и конструкций с необязательным контролем. Многие релевантные данные про конструкции с необязательным контролем в статье отсутствуют. Это означает, что автору не удалось доказать, что допустимость обратного контроля <...> возникает только тогда, когда выполняется ряд других формальных свойств <...> как предсказывается теорией Хорнстайна [Рецензия на сборник статей. New horizons in the analysis of control and raising // Вопросы языкознания. С. 121].*

Сильное опровержение / конструктивная критика представляет собой обоснование альтернативной точки зрения с формулированием контртезиса или антитезиса. Такая контраргументация в рецензиях и отзывах, как уже отмечалось ранее, представляет собой нечастые случаи. В примере (40) представлено рассуждение, которое, на основании критики, ведет к формированию нового заключения:

(40) *The present view on linear order adopted by Chomsky is a development of Richard Kayne's [1994] idea of the "Antisymmetry of Syntax", which assumes that the linear order is fully determined by the hierarchy of embedding, and that if two phrases differ in linear order they must also differ in hierarchical structure <...>.*

Contrary to the claim made by B&C, the factor of linear order in the interpretation of pronouns contained in embedded argument clauses cannot be dismissed, as can be shown by Russian (9) [Čto Maša bol'na,] ona otricaet 'That Masha₁ is ill, she₁ denies' vs. (10) Ona otricaet, [čto Maša bol'na] 'She₁ denies that Masha_j/_{*i} is ill'. The subject pronoun in the matrix clause in (9), but not in (10), can refer to the same person as the proper name in the subordinate clause. However, there is no evidence to suggest that in (9) the subordinate clause is not a constituent of the main clause, just as it is in (10).

*On the contrary, there is evidence that preposed subordinate clauses like (9) are embedded. For example, argument clauses can contain indefinite pronouns of the by to ni bylo series if the matrix predicate is lexically negative [Paducheva 2011]: (11) **Maša otricaet, što ona kak by to ni bylo zamešana** ‘Masha denies that she is somehow involved’. The preposed argument clause behaves likewise: (12) **Čto ona kak by to ni bylo zamešana, Maša otricaet** ‘That she is somehow involved, Masha denies’. The pronoun **kak by to ni bylo** ‘somehow’, when preposed, remains under the scope of the matrix lexical negation, which strongly suggests embedding, and therefore the difference in interpretation seen in (9) – (10) cannot be accounted for by recourse to hierarchical structure. Cf. also the evidence produced in [Bruening 2014] that linear precedence can not be dismissed from grammar <...>*

To sum up, B&C’s scenario of human language evolution, convincing as it seems in itself and in many points, especially as regards the “Wallace’s Problem”, justifiably critical of previous approaches to the question, is wholly based on the assumption of the simplicity of human language as regards what they call its Basic Property. B&C believe that this simplicity has become evident after several decades of intensive research within the theoretical program of the generative linguistics. I believe, however, that this kind of simplicity has largely been attained by theory-internal methods and is hardly likely to meet with more empirically based and verifiable support in the near future [Рецензия на книгу R. Berwick, N. Chomsky «Why only us: Language and evolution» // Вопросы языкознания. 2018. № 1. С. 214].

В представленном фрагменте автор рецензии Я. Тестелец вначале обсуждает идею «антисимметрии синтаксиса», приводя ряд противоречащих фактов из русского языка, в том числе, со ссылкой на других авторов (примеры 9–10). Эти факты могут рассматриваться как аргументы контртезиса, с их помощью формируется новое заключение и демонстрируется, что *синтаксическая линеаризация не может не учитывать грамматику*. Текст рецензии содержит ряд других критических положений, которые не приводятся в данном фрагменте. В конце рецензии автор выводит заключение о том, какой точки зрения придерживаются авторы рецензируемой книги по отношению к вопросу «простоты человеческого языка» как основной способности в связи с *проблемой Уоллеса и программой генеративной лингвистики*. Рецензент отмечает, что он придерживается иной точки зрения на этот вопрос. Эксперт полагает, что *простота человеческого языка должна объясняться при помощи методов внутренней теории, которые эмпирически более обоснованы и верифицируемы*. В данном случае Аргументативный Ход, содержащий это утверждение (в конце фрагмента), представляет собой контртезис, а приводимые рецензентом противоречащие факты представляют собой контраргументы по отношению к тезису пропонентов.

3.2.1.4. Параметр уровня

Данный параметр позволяет в анализе выявить КА основного уровня, т.е. критику и опровержение существующей аргументации, и КА мета-уровня виде поддискуссий по иным вопросам взаимодействия, возникающим в ходе анализа работы. КА на мета-уровне представляет собой критические реакции эксперта-оппонента, который, в целом, одобряя предложенную в работе точку зрения или мнение, приводит контраргументацию (как простую, так и множественную), которая напрямую не связана с критикой пропозиций тезиса или аргументов в поддержку точки зрения. Такого рода критика, в основном, характерная для устных дискуссий, связана с различного рода стратегиями оппонентов, которые могут вести к возникновению множественных поддискуссий в рамках одной темы или уводить обсуждение вопроса в иное русло, для регуляции дискуссий применяется модерация. На страницах текстов отзывов и рецензий компонентов такого рода дискуссий выявить не удалось, что обусловлено и композиционными особенностями, и четко заданными рамками изложения результатов научной экспертизы. Можно говорить, что требования издательств или Положения о порядке присуждения ученых степеней выполняют модераторскую роль в данном случае.

3.2.1.5. Заключение эксперта

Заключение эксперта должно содержать мнение о целесообразности представления труда к открытой печати или о соответствии требованиям, предъявляемым к диссертационным работам по специальности. Если вписать композиционные и содержательные части текста отзывов или рецензий в четырехчастную модель критической дискуссии в рамках прагма-диалектического подхода к аргументации, то заключение эксперта является итогом подразумеваемой дискуссии, где стороны должны прийти к аргументированному решению о возможности/невозможности присуждения ученой степени, или открытого опубликования научного продукта. Даже при значительном количестве замечаний критическая часть отзывов оппонентов/рецензентов традиционно заканчивается таким пассажем: *Указанные замечания не затрагивают сути проведенного исследования и не снижают общего положительного впечатления от работы.*

Заключения оформляются в виде рекомендации и пожеланий, которые предлагаются в виде **наставлений автору** (пример 41):

(41) *Хотелось бы, чтобы автор опирался на труды ученых-когнитологов, их монографии, задумывался над сущностью явлений и понятий, знакомился со статьями, которые публикуются в хороших ВАКовских изданиях, например, Вестник Московского лингвистического университета, серия «Языко-*

знание», «Вопросы когнитивной лингвистики», «Когнитивные исследования языка» и другие журналы, с тем, чтобы автор понимал, что метаязык когнитивной лингвистики – это не замена одного термина другим, а фундаментальное направление лингвистической мысли, у которой свой метаязыковой аппарат, свой инструментарий и методы анализа [Отзыв д-ра филол. наук Л.А. Манерко на кандидатскую диссертацию от 11.03.2016 г.].

В заключениях представлены рекомендации по **продолжению дальнейшей работы** с учетом выявленных рецензентом нарушений (пример 41а):

(41а) *Если автор продолжит свое чрезвычайно полезное исследование, хотелось бы порекомендовать учесть более широкий круг современных работ во всех областях языкознания: в настоящее время статистические методы успешно применяются в достаточно многочисленных работах по экспериментальной фонетике, лексикологии, синтаксису, языку художественной прозы, стиховедению и по некоторым другим областям лингвистики [Рецензия на книгу «Meter in poetry. A new theory» // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 145].*

Более категоричные заключения содержат выводы о **частичной ценности научного результата**, полученного автором рецензируемой работы (пример 41б):

(41б) *Таким образом, «Введение» Дж. Клаксона не может считаться ни хорошим учебником, ни полноценной научной монографией. Следует ли считать книгу совсем бесполезной? Думаю, нет. Можно выделить две категории людей, которые могли бы найти в ней пользу. Во-первых, это уже сложившиеся специалисты, освоившие компаративистику по другим работам, но интересующиеся тем, какими идеями живет современная английская научная общественность. Они легко заметят ошибки и неточности, обратят внимание на то, что сведения, получаемые из книги неполны, но также найдут и что-то новое для себя. Во-вторых, это, наоборот, неспециалисты: те, кто прежде не изучал компаративистику и не собирается заниматься ею подробно, но интересуется самыми общими сведениями о ее предмете и методе. Эти люди не заметят ошибок и неточностей, а наличие ссылок на множество неизвестных им работ и теорий вызовет у них чувство благодарности. Но будущим специалистам книга Клаксона, к сожалению, малоприсгодна. Так получается, что она лишь отчасти оправдывает свое название [Рецензия на книгу J. Clackson. Indo-European linguistics. An introduction // Вопросы языкознания. 2010. № 2. С. 127].*

В проанализированном корпусе материала не найдено отзывов и рецензий, содержащих отрицательное заключение.

3.3. Интерпретация результатов

Базисом для дисциплинарной экспертизы текстов диссертаций и других научных работ служат конкретные критерии, которые содержатся в регламентирующем документе или схеме рецензии. Соответствие авторского результата указанным критериям рассматривается как фактор, влияющий на включение нового результата в научный оборот.

В структурном плане взаимодействие «эксперт-оппонент→соискатель-пропонент» и «эксперт-оппонент→автор-пропонент» подразумевает диалог отсроченного характера между пропонентом (соискателем) и оппонентом (экспертом) в отношении научного результата, аргументируемого пропонентом. В таком ракурсе отзыв или рецензия, содержащие критические замечания, представляют контраргументацию эксперта по отношению к проведенному автором исследованию. Весь массив критических замечаний поддается классификации с помощью параметров критических реакций, представленных в первой главе. На основании этой классификации получены следующие данные.

1) Контраргументация по параметру *фокуса опровержения* представляет критику аргументов (содержится в 62 % отзывов и рецензий от всего количества проанализированных примеров), критика демонстрирующего рассуждения (18 %), критика тезиса (20 %). Самым частым поводом для критики является эмпирический материал. Нарекания возникают в связи с количеством, качеством материала, методами его анализа, классификации, противоречивости, предвзятости авторов в трактовке языковых фактов. Сами языковые факты, приводимые оппонентами и рецензентами в целях критики, представляют собой аргументы контртезиса и контраргументы.

2) Контраргументация по параметру *нормы* возникает при выявлении экспертами типичных логико-категориальных ошибок. Типично выявление предвзятости подтверждения, «поспешное обобщение», «круг в доказательстве». Основными разновидностями контраргументации, возникающей при выявлении нарушений институциональных норм, являются замечания по отношению к качеству академического письма, используемой терминологии, в связи с нарушением норм цитирования, наличием новизны в работе, при оценке результатов исследования соответствию существующим научным взглядам.

3) По параметру *вида действия* кларифицирующая КА замечаний представлена просьбами об уточнении, комментариями, запросами дополнительного объяснения. Вопросительные конструкции представляют собой утверждения, которые обладают разной степенью имплицитности опровержения. Группа КА в виде фальсифицирующих критических реакций в текстах обсуждаемого жанра, в основном, представлена критикой со слабым типом опровержения. Тексты с

сильным опровержением или конструктивной критикой с обоснованием контраргументов составляют 10 % от проанализированных примеров.

4) По результатам анализа примеров по параметру *уровня* контраргументации следует заключить, что критические замечания в текстах жанров рецензий и отзывов представляют собой контраргументацию основного уровня, т.е. имеют отношение к существующей в авторском тексте проаргументации. Это объясняется ритуализированностью практики взаимодействия оппонента и пропонента и модулирующей ролью требований издательств или нормативного документа. Дискуссии на мета-уровне могут происходить отсроченно, в ходе публичной защиты диссертации, но это не входит в задачи настоящей работы.

Несмотря на то, что научная экспертиза играет роль входного фильтра для включения нового результата в научный оборот, эта практика не блокирует вхождения исследовательского результата в науку даже при большом количестве замечаний. Заключение экспертов носят рекомендательный характер. Поддискуссии по поводу возможности/невозможности присуждения ученой степени, или открытого опубликования научного продукта завершается ритуализированным действием согласия.

3.4. Верификация научного знания

Академическая коммуникация в условиях конкуренции научных взглядов связана с критикой теорий, подходов и целых парадигм, а основной формой оповещения научного сообщества о дискуссионных вопросах является публикация мнений в формате статьи, монографии, панельной дискуссии в журнале. При этом критика в лингвистическом научном сообществе нередко близка к полемике. Вот как описывает У.Т. Фитч непримиримость лингвистов по отношению к одному из известных представителей лингвистического сообщества: «Сначала риторика, характерная для дискуссий по поводу эволюции языка, приводила меня в замешательство: те, кто изучал поведение рыб, и эволюцию, конечно же, расходились в своих суждениях, но, как правило, сохраняли дружелюбие, а сами споры проходили за кружкой пива и со смехом. Многие из ранее полученных данных об эволюции языка также вызвали дискуссии, но они проходили, как мне казалось, с чрезмерной, звериной серьезностью и обычно вызвали пламенное осуждение Хомского» [Фитч 2013: 41]. Согласно выводам исследования Н.В. Соловьевой, посвященного категории «толерантность» в научных дискуссиях, в том числе в предметной области языкознания, обычным является использование тактик, присущих политическому дискурсу. Речь идет об агрессивной тактике, тактике создания образа врага, тактике атаки на оппонента [Соловьева 2008]. Эти цитаты приведены здесь для того, чтобы напомнить, что наука дела-

ется людьми, а полемичность, выходящая за рамки нормальных дискуссий, связана с социальной и когнитивной особенностью самой научной деятельности. Несмотря на то, что диспуты и споры в данной сфере представляет собой богатый материал для исследования критики и отклонений от стандартов рациональных дискуссий, подчеркнем, что целью данного параграфа является 1) рассмотреть механизм, запускающий контраргументацию, 2) исследовать структурную характеристику отсроченной дискуссии и 3) проанализировать критические реакции по выявленным ранее параметрам нормы, фокуса, вида действия и уровня. Отклонения от норм ведения дискуссий, которые более характерны для устных интеракций, но все же, имеют место и в текстовых форматах, интересуют нас лишь в качестве данных для промежуточных выводов.

Лингвистические научные дискуссии уже становились предметом специальных исследований. Для нашего исследования наиболее релевантными являются выводы Н.В. Соловьевой о коммуникативных стратегиях презентации Другого и стратегии Самопрезентации, которые реализуют цель опровержения концепции оппонента, либо утверждения концепции, разрабатываемой самим автором [Соловьева 2008]. Этот вывод звучит и в исследовании З.Ш. Исаевой, отмечающей, что в ходе научной дискуссии происходит сопоставление своих и чужих мнений, их контрастное противопоставление или «унисон», оценка одного мнения посредством другого, выражение согласия, или несогласия, иллюстрация, подтверждение, объяснение и т.д. [Исаева 2011].

В авторских рассуждениях этих работ содержатся выводы о том, что для лингвистических научных дискуссий характерным является аргументированное изложение, в отличие, например, от манипулятивных тактик в политическом дискурсе. Выводы этих и других исследований, в основном, подтверждают представленные нами ранее сведения о научном этосе, где идеальной целью научных дискуссий является приближение к истине, отсутствие непредвзятости и состоятельности. На этом фоне может потеряться мнение тех, кто приводит доводы в пользу зависимости современного научного контекста не только от универсальных императивов мертоновского типа, но и от социального и культурного контекста функционирования науки [Судас 2002: 123], и более того, от внеморальных регулятивов [Черкашин 2011: 238].

3.4.1. Контраргументация в критических статьях

В отличие от предыдущего раздела, вопрос об инициализации критики для формата взаимодействия «эксперт-оппонент→эксперт-пропонент» оказывается непростым. Между тем, как происходит активация критики при анализе нового научного результата, и при верификации знания в уже опубликованных работах,

имеется определенное различие. Контраргументация в критических статьях возникает по инициативе самих авторов. Анализ примеров позволит сделать более точные выводы о механизме верификации знания посредством критики.

Далее представлены примеры, которые сгруппированы на основании выявленных ранее параметров контраргументации.

3.4.1.1. Параметр фокуса

Рассмотрим примеры контраргументации *по параметру фокуса*, которая содержится в критических статьях. В примере (42) представлена критика тезиса как противоречивого утверждения:

(42) *Тезис в силу своей противоречивости нуждается, по крайней мере в развернутой аргументации – как связана узкая область лингвистики, хотя и пересекающаяся порой с социолингвистической, с установлением существования геополитических процессов, что является предметом других гуманитарных наук, политологии, социологии и под.* [Рецензия на статью: <http://journals.tsu.ru/vestnik>].

Отметим, что критика в статьях более разнообразна и категорична именно по отношению к тезису. В примере (42а) представлен пример критики тезиса и аргумента к нему:

(42а) *...но вообразим на минуту, что национальное мировоззрение вовсе не фантом и национальная ЯКМ может быть реконструирована <...> на основе ключевых слов. Насколько состоятельна надежда на выявление этих последних по приписываемым им признакам: включенность во фразеологизмы, высокая частотность и непереводимость? Объявляя некое слово ключевым из-за его присутствия во фразеологизмах и иллюстрируя паремиями свои утверждения о важности для русской ЯКМ тех или иных моральных императивов, неогумбольдтианцы игнорируют структурную и семантическую целостность фразеологизма (т.е. неактуальность значений отдельных его компонентов; так, в подтверждение уникальности «концепта» **душа** сообщается, что в английских соответствиях русским идиомам с этим словом вместо **soul** используются иные слова: **душа моя! – my dear!**; жить душа в душу – **to live in perfect harmony** [см.: Гунина 2009: 174]), интернациональный характер большинства паремий (так, российская исследовательница, иллюстрирующая библеизмами свой тезис о том, что русские осуждают предательство и высоко ставят верность и чувство долга, забывает, что библеизмы не содержат в себе ничего специфически русского [см.: Eismann 2002: 117]) и взаимоисключающий – многих из предписаний «народной мудрости» (так, попыткам лингвисти-*

чески обосновать стереотипы русской щедрости и немецкой прижимистости сопротивляются многочисленные русские пословицы, призывающие к бережливости, и многочисленные немецкие, осуждающие скупость [Там же: 119]). Наконец, среднестатистическому носителю языка обычно известно лишь небольшое количество этих предписаний, но даже будь он знатоком таковых, разве это доказывало бы его готовность ими руководствоваться? [Павлова А.В. Хитрушки и единорог: из истории лингвоарциссизма // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 16].

В данной статье представлена критика гипотезы лингвистической относительности, в приведенном примере авторы критикуют распространенное положение о том, что национальную языковую картину мира (ЯКМ) можно реконструировать на основе ключевых слов. Этот пример содержит косвенное обоснование тезиса оппонента путем установления ложности антитезиса, приводятся соответствующие аргументы. Логический механизм представляет собой апагогическое обоснование, где из допущения **не-а** выводятся противоречащие действительности следствия. Прагмадиалектическая реконструкция выглядит следующим образом:

Тезис оппонента (**а**)

1. Национальное мировоззрение – фантом, национальная ЯКМ не может быть реконструирована на основе ключевых слов

Тезис пропонента (**не-а**)

1. Национальное мировоззрение – не фантом, национальная ЯКМ может быть реконструирована на основе ключевых слов

Следствия, противоречащие действительности (контраргументы):

будучи проиллюстрированным на фразеологизмах и поговорках, это положение игнорирует:

1.1.a. структурную и семантическую целостность фразеологизма

1.1.b. интернациональный характер большинства поговорок

1.1.c. взаимоисключающий характер многих из предписаний «народной мудрости»

1.2. то, что среднестатистический носитель языка, даже будучи знатоком предписаний, содержащихся в поговорках, готов ими руководствоваться, никем не доказано

В примере (43) содержится критика по отношению к компоненту **основание для инференции** в научной статье:

(43) *Надо действительно признать, что порой рассуждения о связи языка с мышлением и национальной психологией, проникающие в прессу, выглядят натянутыми. Особенно часто авторы неоправданно устанавливают прямую связь между этимологической внутренней формой слов (как правило, не осознающей себя говорящими) и особенностями национального менталитета. Можно привести пример из статьи в авторитетном научно-популярном журнале [Вешняковская 2012]: «Слова „жена“ и „женщина“ восходят к общеиндоевропейскому корню *gen* со значением „род“, „порождать“. Английское же *woman* происходит из стянутых в одно древнегерманских слов *wif* – женщина и *tan* – человек (изначально это слово относилось к обоим полам), то есть буквально *woman* – это „человек женского рода“, а „женщина“ – „родительница“. Неудивительно, что в русскоязычном сознании женщина – это „прежде всего мать“, а в англоязычном – партнерша, *significant other* („значимый другой“), и мать Иисуса Христа мы называем Богородицей, а Запад – Девой Марией [Руссо М.М. Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира» // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 13].*

В приведенном примере автор критической статьи пишет об отсутствии прямой связи между формой слов и особенностями национального менталитета в статьях других авторов и приводит соответствующие примеры.

Формат взаимодействия «эксперт-оппонент→эксперт-пропонент» предполагает критику научных убеждений и взглядов, попытку их фальсификации, в связи с тем, что некоторые постулаты входят в противоречие с новыми данными и опытом. В примере (44) представлен отрывок резюме книги, где автор выступает оппонентом по отношению к сложившемуся мнению коллектива ученых:

(44) *...В вводной части книги нами попутно был опровергнут распространенный тезис о том, что в поэзиях, написанных на языках, в которых имеет место рассогласованность графического, фонетического и фонологического уровней, помимо рифм для слухового восприятия можно говорить о рифмах для зрительного восприятия. Поскольку здесь имеем дело не с визуальным искусством, таким как живопись, скульптура и т.п., а с художественным текстом как вербальным объектом, мы считаем, что текст, в первую очередь, написан для прочтения, а не для зрительного наслаждения. Следовательно, рифма принадлежит звуковым, а не зрительным элементам поэзии. При прочтении поэзии (вслух и про себя) реализуются звуковые компоненты речи, а это лишний раз свидетельствует о том, что написанный текст*

можно понять только после подключения его звукового компонента. По указанным причинам термин **рифма для зрительного восприятия** является излишним, ибо такой рифмы вообще и не существует. Феномен этот скорее всего можно расценивать как **ситуацию обманутого ожидания...**

Опровергается тезис о рифме зрительного восприятия, представим реконструкцию:

1. Рифмы зрительного восприятия не существует

1.1. Поэзия это вербальный, а не зрительный объект

1.1.a. Рифма принадлежит звуковым, а не зрительным элементам поэзии

1.1.b. Написанный текст можно понять только после подключения его звукового компонента)

Далее в этой же статье опровергаются доводы, касающиеся определения рифмы посредством демонстрации ложности аргументов при помощи выявления противоречащих фактов рифмам на базе десяти языков:

*Нами была предпринята попытка опровергнуть все опубликованные доводы, касающиеся определения рифмы (вроде бы она начинается с ударного гласного, а заканчивается **концевым созвучием**), ибо определения эти не совсем правильные, отличаясь нередко нечеткостью формулировок. Так, на материале десяти национальных поэзий нами было показано, что там (во всех этих поэзиях) левая граница рифмы может начинаться как до, так и после ударного гласного; правая граница рифмы не всегда коррелирует с концом рифмованной единицы (рифмемы), причем здесь речь идет не о **корневой и префиксальной рифмах** как системных способах рифмовки...*

В конце статьи автор резюмирует недостатки существующих подходов и предлагает свой подход к решению выявленных проблем:

После нескольких веков ошибочного и неадекватного употребления наименований, относящихся к различным количественным и качественным моделям рифмы, неправильного толкования истории ее возникновения, неудачных дефиниций и еще кое-каких моментов настоящая студия предлагает решения для устранения всех упомянутых пробелов, упущений, недостатков, демонстрируя это при разборе разнородного материала десяти национальных поэзий: американской, английской, испанской, итальянской, немецкой, польской, русской, сербской, французской, чешской, где предлагаемые термины покрывают все встречаемые количественные и качественные формы рифм. «Модели рифм» отличается от всех остальных книг тем, что здесь к каждому доводу или высказываемому утверждению приводится соответствующая иллюстрация, почерпнутая из конкретной поэзии [Чаркич М. Модели рифмы (резюме книги) // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 373].

3.4.1.2. Параметр нормы

Параметр нормы в контраргументации представлен замечаниями относительно валидности аргументации, а также замечаниями в отношении иных норм. Если говорить о контраргументации, возникающей по отношению к нормам собственно аргументации, то вырисовывается картина, близкая с таковой в текстах рецензий и отзывов: в статьях содержится критика, возникающая при выявлении логико-категориальных ошибок и норм аргументации. Приведем лишь один пример контраргументации по параметру аргументативных норм. Другие примеры мы опустим в целях избежания перегруженности изложения. Итак, пример (45) содержит пример указания на нарушение норм аргументации:

(45) *Попутно следует заметить, что в качестве иллюстрации тезиса, что «постсоветский портрет русского языка живо напоминает его прежние изображения», А. Павлова и М. Безродный привели лишь два примера. Один из них – так называемая «новая хронология» А.Т. Фоменко, которую никак нельзя считать «направлением гуманитарной мысли»; другой – газетное интервью с профессором университета Эмори в Атланте (штат Джорджия) Михаилом Эпштейном, причем авторы никак не поясняют, почему мнение, высказанное американским профессором, они считают распространенным в современном российском обществе<...> Попробуюсь воспроизвести ход рассуждений А. Павловой и М. Безродного, хотя уследить за их ассоциациями не всегда легко <...> Утверждение об ослаблении интереса к этой гипотезе в западной лингвистике можно объяснить неосведомленностью авторов, а не сознательным искажением действительности. Однако не удастся выяснить, на чем основано их утверждение, что в российской лингвистике в постсоветское время гипотеза Сепира-Уорфа «становится весьма влиятельной доктриной» и наблюдается «рост числа публикаций, в которых соответствующие термины и ссылки выполняют исключительно декоративную функцию» (авторы даже пишут, что «Сепир-Уорф попросту сменили Маркса-Энгельса»). Что это за публикации, установить не удастся: ссылок нет (и тем более нет статистических подсчетов, которые свидетельствовали бы о «росте» числа таких публикаций). Такая безответственность авторов особенно впечатляет на фоне множества нерелевантных ссылок и цитат, которыми пестрит их статья [Шмелев А.Д. Всегда ли научное научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма»? // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 33].*

В данном фрагменте последовательно представлены Аргументативные Ходы (подчеркнуты), содержащие указание на недостаточность аргументов. Причем второй Аргументативный Ход представляет собой указание на ошибку

аргументации «аргумент к авторитету», когда предлагается считать некоторое утверждение корректным потому, что такое утверждение сделано неким источником, считающимся авторитетным (в данном случае автор критической статьи не признает авторитет М. Эпштейна). Далее по тексту фрагмента критикуется правило представления аргументов, в соответствии с которым последние должны быть проверенными фактами. Рецензент указывает на недостаточность аргументов в виде ссылок.

В текстовом корпусе примеров встречается критика по отношению к таким нормам, как академический стиль речи, терминологическое употребление, нормы цитирования. Однако их вес в общей массе примеров невелик, поэтому мы не стали включать соответствующие фрагменты текстов. Более интересным представляется рассмотрение критики в статьях, которая апеллирует к специфическим нормам науки, например, к объективности. Так, в примере (46) имеются критические замечания, связанные с нарушением институциональных норм, которые не касаются непосредственно аргументативного комплекса. Автор указывает на оценочность и политизированность изложения, что недопустимо в научной практике:

(46) *Риски предметного исследовательского поля. Последнее время наблюдается появление в научных текстах оценочных высказываний политического характера, что явно недопустимо. Наблюдаются подобные казусы и в рецензируемом журнале. Например, описание некоторых черт европейских демократий завершается следующим образом: «Законодательные собрания европейских государств втянуты в мировые геополитические игры, становясь в них еще одной “патефонной иглой”, очерчивающей давно изъезженную фонографическую дорожку: “Русские идут!” – во все времена и по каждому поводу» [Алферов 2016: 11]. Не осмеливаясь оценивать научную составляющую данного исследования, отметим недопустимость оценочных высказываний в адрес исследуемого объекта. Взвешенность, нейтральность научного повествования является несомненной доминантой объективного изложения результатов наблюдения. Особо важным это становится в период повышенной конфликтности и тревожности в исследуемой области, коей является область политической коммуникации [Рецензия на журнал Political science (RU). 2017. № 2/2. С. 195].*

В этом примере эксперт, не оценивая «научную составляющую» одной из статей журнала, выступает против того, каким образом автор высказывается об анализируемом объекте, в условиях повышенной конфликтности.

Еще одной нормой, в отношении которой возникает критика, является верифицируемость знания. В связи с этим большой корпус примеров связан с идеей недостаточности, устаревания знания, которое требует дополнения. Это иллюстрирует пример (46а).

(46а) *К настоящему моменту в лингвокультурологии сложился целый ряд подходов к выявлению структуры концепта. Наиболее близкие точке зрения автора данной статьи представления о структуре концепта принадлежат Ю.С. Степанову, В.И. Карасику, И.А. Стернину и Г.Г. Слышкину <...> Основное внимание в исследовании структур лингвокультурных концептов следует уделять, на наш взгляд, выявлению их ассоциативных и ценностных составляющих, так как последние подвергаются верификации фактами языка и наиболее полно представляют национальное своеобразие концептов [5, с. 91–104]. <...> Нами был предложен подход к моделированию структуры лингвокультурного концепта, уточняющий и развивающий положения описанных выше концепций. В соответствии с предлагаемым подходом структура лингвокультурного концепта включает образную, ассоциативную, понятийную, ценностную, этимологическую и историческую составляющие ... [Кононова И.В. Опосредованное ассоциирование как механизм трансформации структуры лингвокультурного концепта в рамках концептосферы текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2012. № 2 (18). С. 193–194].*

Пример представляет собой типичную композицию статей, обосновывающих необходимость дополнения знания: вначале автор приводит основные сведения о предмете исследования, затем проводит критический разбор с указанием на недостаточность, неполноту, устарелость, неадекватность знания. В примере авторский Аргументативный ход имплицитно тезис о необходимости выявления *ассоциативных и ценностных составляющих структур лингвокультурных концептов*.

3.4.1.3. Параметр вида действия

Напомним, что *по параметру вида действия* критические реакции подразделяются на *кларифицирующие* и *фальсифицирующие*. Первый вид включает критические реакции в виде сомнения, запроса, уточнений, вопросов. Второй вид представляет собой варианты контраргументации в виде деструктивной и конструктивной критики.

Слабое опровержение / деструктивная критика представляет собой различного рода возражения в отношении аргументации пропонента. Приведем пример критики существующей аргументации в виде указания на ее слабые места из статьи (пример 47):

(47) *Итак, «обзор» А. Павловой и М. Безродного дает полностью искаженное представление о современной российской лингвистике. Помимо множества фактических неточностей, в статье намеренно размываются все критерии: сочинения акад. Фоменко и труды акад. Апресяна ставятся в один ряд; цитаты из серьезных лингвистических работ (пусть иногда*

спорные) перемежаются беспомощными в лингвистическом отношении рассуждениями. Таким образом, в целом статья А. Павловой и М. Безродного может рассматриваться как проявление распространившейся в последнее время постмодернистской «игры на понижение» [Шмелев А.Д. Всегда ли научное научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма»? // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 33].

Если в текстах рецензий сильное опровержение в виде обоснования альтернативного тезиса является единичным явлением, то отличительной особенностью критики в научных статьях является именно этот вид критического действия, что демонстрирует пример (48):

(48) ...*В статье И.Т. Касавина представлен ряд подходов к проблеме отношения языка и текста, коммуникативного понимания, значения и контекста. Критиковать эти подходы я не стану, но изложу свою точку зрения на эпистемологическую проблематизацию понятия текста.*

*Подход автора, если я его правильно понимаю, состоит в следующем. Илья Теодорович, очевидно, тяготеет к витгенштейновской идее **понимания** как вписывания текста в более широкий контекст... Я же придерживаюсь других понятий **понимания, значения и смысла** <...> И это именно потому, что язык как тотальность, как совокупность слабо связанных элементов (в отличие от его текстовых выражений) имеет рыхлую, не определенную жестко структуру. Грамматика языка оставляет открытым будущее, не определяет содержание коммуникативных вкладов. Еще раз: **язык делает возможным общество и общение не в силу его тотальности и холистической природы, а в силу его несвязности и нестрогости.***

*Исходя из этих оснований, я не согласен с И.Т. Касавиным, проводящим различие между лингвистикой дискурса и лингвистикой как таковой. Есть ли смысл вводить специальную дисциплину, т.е. лингвистику дискурса, если данный предмет изучается в рамках теории коммуникации, и в ее специальных областях, имеющих дело с общением в рамках различных дискурсов (разных систем общения)? В противном случае придется признать, что сама структура языка, прежде всего его грамматическая основа, **меняется** вместе с переходом к той или иной речевой практике (дискурсу). Основной мой тезис состоит в том, что язык как таковой – это практически вечный и неизменный медиум общения и в этом статусе недоступен трансформации. Нижеследующие тезисы позволяют уточнить понятие языка в отличие от понятия дискурса (речевой практики)» [Антоновский А.Ю. Язык: пространство общения и разобщения. 2006. Т. 10. № 4. С. 63–64].*

Данная статья является ответом на статью другого автора. Критик занимает позицию оппонента по отношению к *эпистемологической проблематизации понятия текста*, о чем сообщается в начале статьи. В данном фрагменте посредством реконструкции можно выявить Макротезис (подчеркнут), который включает в себя Аргументативный Ход, в виде тезиса, последующие Аргументативные Ходы такого же уровня не вошли в этот фрагмент из-за большого объема текста. В примере статьи автор не занимается разбором погрешностей аргументации пропонента, но представляет альтернативный тезис, предлагая читателю самому оценить, какой тезис верен.

Приведем еще пример (49) развернутой контраргументации по отношению к сложившимся взглядам ученых:

(49) *Я уже слышу вопрос <...>: «Но какой вред обществу от структуралистской парадигмы в науке о языке? Как может исследование языка как системно-структурного образования повлиять на функциональную адекватность общества, даже если его рассматривать как живую систему (хотя такое понимание общества еще не стало общепринятым)?» Прежде чем ответить на подобный вопрос, уместно привести некоторые исторические параллели и аналогии. Во-первых, как известно, теоретическая мысль часто опережает практику повседневной жизни, и, если новая идея не влечет за собой мгновенных серьезных изменений в сложившихся жизненных устоях, она либо игнорируется, либо вызывает враждебное отношение со стороны сил, считающих себя ответственными за поддержание существующего порядка в общественном устройстве (например, Церковь, правящая партия и под.). Так, до определенного исторического момента ветхозаветная модель мира не мешала повседневной человеческой практике, но с приходом эпохи великих географических открытий стало ясно, что она неадекватна и от нее надо отказаться, так как она вступает в прямое противоречие с накопленным эмпирическим опытом <...> Сила традиции велика, и она нередко становилась (и продолжает оставаться) серьезным препятствием на пути прогресса (см. [Кравченко 2009]). Во-вторых, уверовавший в свою исключительность как «венца творения» и ослепленный кажущимся всемогуществом, принесенным научно-технической революцией, человек противопоставил себя миру, бросив ему дерзкий вызов <...> И все это потому, что человек возомнил себя хозяином мира, вольным поступать с этим миром как ему заблагорассудится, напрочь забыв, что он – неотъемлемая его часть и все, что происходит в мире, так или иначе, рано или поздно сказывается на нем самом: в мире все со всем взаимосвязано [Имото 2009]. В-третьих, во*

всем, что касается его природы как биологического вида, равно как и собственного места и роли в окружающем мире, введенный в искушение картезианской философией рационализма человек продолжает руководствоваться таким аналогом птолемеевой модели мира, с единственным отличием: центром вселенной и точкой отсчета всего происходящего в человеческом мире является не столько сам человек, сколько возведенный в абсолют разум (ratio) <...> Вот мы и подошли к истокам болезни, с которой начали наши рассуждения, и постановка точного диагноза даст нам возможность ответить на сформулированный выше (пусть и гипотетический) вопрос «близких» структурализму (и, соответственно, рационалистическому анализу) товарищей [Кравченко А.В. О вреде структурализма для здоровья общества: язык как экологическая ниша человека // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 355–356].

Пример представляет собой обоснование тезиса о вреде структурализма для общества. Аргументативный Ход, содержащий тезис, оформлен в виде вопросительной конструкции. Риторическая фигура в виде гипотетического вопроса призвана побуждать читателя к прогнозированию. В дальнейшем изложении в системе своей аргументации автор поступательно развивает точку зрения на фоне имеющегося лингвистического знания. Фрагмент содержит пролептическую тактику контраргументации в виде предваряющих возражения аргументов, которые организованы в виде множественной сочинительно-подчинительной связи и маркированы вводными словами «во-первых», «во-вторых», «в-третьих». Автор выдвигает контраргументацию в виде конструктивной критики существующего в лингвистике знания.

3.4.1.4. Параметр уровня

Говоря о параметре уровня контраргументации в научных статьях, отметим, что основной уровень представлен всем спектром фальсифицирующих суждений по отношению к проаргументации в критикуемых статьях. Необходимо отметить, что контраргументация на мета-уровне в научных публикациях – явление довольно частое. Многие вопросы остаются открытыми для дискуссий. Этому способствуют и сами научные журналы, приглашающие авторов дискутировать (пример 50):

(50) Уважаемые читатели! В очередном номере журнала представлены разнообразные по проблематике статьи. Большинство из них отражают результаты исследований в области языковой семантики и посвящены изучению широкого спектра семасиологических и ономазиологических проблем на различных языковых уровнях: лексическом, словообразовательном,

синтаксическом – как в синхронном, так и в диахроническом аспектах. <...> Сегодня перед журналом стоят важные задачи, связанные, прежде всего, с развитием современного гуманитарного знания и международного научного взаимодействия с использованием последних достижений в области информационных технологий <...> Наш журнал открыт для интеллектуальных дискуссий и обмена мнениями по актуальным вопросам современной лингвистики [Шептухина Е.М. Обращение главного редактора // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2012. № 2 (18)].

Если же иметь в виду основную цель письменно-языкового взаимодействия «эксперт оппонент → эксперт-пропонент», то мета-уровень контраргументации представляет собой часть дискуссии между субъектами, о результате которой можно судить по выводам критических статей. Обратимся к примерам в следующем разделе.

3.4.1.5. Вывод эксперта

Для заключений, формируемых в ходе контраргументации в исследовательских статьях, характерно разнообразие и категоричность. Среди таких заключений выявляются альтернативная точка зрения, негативные последствия, гипотеза, предостережение, недопустимость публикации некоторых трудов. Рассмотрим примеры.

Так, в примере (51) представлены **негативные последствия для внутренней методологии лингвистической науки**:

(51) *Общим для всех работ является подход к рассмотрению топонимов, который можно назвать структуралистским <...> Последствием применения такого подхода к изучению практик переименования является реификация плюрализма социальных значений переименований к единственному измерению — политическому, когда топонимические чистки рассматриваются через призму символического суда над советским режимом. Это обуславливает нечувствительность подхода к изучению проблематичности не только различных моделей производства топонимического пространства, но и их восприятия. В данной работе предлагается альтернативный подход к рассмотрению топонимических практик, который соответствует неопрагматистскому взгляду на социальную реальность* [Терентьев Е.А. Переименование советских топонимов в Санкт-Петербурге // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18. № 2. С. 75].

В примере автор указывает на негативные последствия структуралистского подхода к рассмотрению топонимов и предлагает альтернативный подход.

Пример (52) содержит указание на **негативные последствия для науки**:

(52) *Полагаю, что прямая или косвенная поддержка (в любой форме) «произведений», подобных «статье» В.Б. Родоса (например, путем размещения текстов на страницах журналов, позиционируемых как научные), может вести лишь к дискредитации, ослаблению и деградации российского научного сообщества и его печатных изданий (лиха беда начало). Остается только надеяться, что авторитетные редколлегии российских научных журналов будут руководствоваться критериями научности, научной этики и благодаря этому смогут воспрепятствовать опасным процессам [Савинов А.Б. Почему в канун 200-летия со дня рождения Ч. Дарвина и 150-летия выхода его знаменитой книги «Происхождение видов» в университетском научном журнале появилась статья, в которой великий ученый охарактеризован как представитель «нечистой силы»? // Вестник ТГУ. 2009. № 2 (6). С. 198].*

Обоснование **негативных последствий для общества** представлено в примере (53):

(53) *В связи с этим рассчитанные на вполне определенный эффект призывы критической прикладной лингвистики активнее вовлекаться в политическую «борьбу против неравноправия и несправедливости», «проводить культурную работу», становиться «интеллектуалами особого рода», «преобразующими интеллектуалами», вооружающими своих учеников знаниями, которые позволят им обрести их «культурные права» [73, 303–304] могут звучать привлекательно, но они на самом деле противоречат реальному положению дел<...> а также противоречат представлениям наших учащихся. В продолжение, можно добавить, что не совсем понятно, что здесь имеется в виду под участием в политической борьбе, и какие действия это может предполагать в реальной жизни. Если имеется в виду «мягкий» вариант, что преподаватели должны последовательно руководствоваться теми социолингвистическими обстоятельствами, в которых они преподают <...>, то это лишь констатация очевидного для всех, кто имеет отношение к сфере образования. Если же призывы к «сопротивлению» подразумевают более активное участие в политической борьбе, к ним ни в коем случае нельзя относиться с легкостью [Кингсли Б. Личность. Культура. Общество. 2012. Т.14. № 3 (73–74). С. 182].*

Заключение, ведущее к необходимости **отказа от старого знания представлено в примере (54)**:

(54) *... ряд негативных процессов, происходящих в современном обществе, напрямую обусловлен идеологией структурализма как официальной линг-*

вистической доктрины, институционализированной в системе образования и препятствующей адекватному пониманию роли языка в жизни человека и общества как живых систем, существующих в особой экологической нише языковых взаимодействий. Обосновывается необходимость скорейшего отказа от лингвистической ортодоксии структурализма, грозящей обществу в уже обозримом будущем масштабными необратимыми последствиями [Аннотация к статье А.В. Кравченко О вреде структурализма для здоровья общества: язык как экологическая ниша человека. Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 355–356].

3.4.2. Интерпретация результатов

Контраргументация в письменно-языковом взаимодействии в формате «эксперт-оппонент→эксперт-пропонент» является видом критики, которая возникает спонтанно в ответ на публикации других авторов, а также в виду накопившихся разногласий в научном сообществе экспертов. Такая контраргументация инициируется самими авторами критических статей, она не является обусловленной институциональными процедурами экспертизы, поэтому по отношению к такому критическому действию можно ввести термин *«спонтанная экспертиза»*.

Взаимодействие «эксперт-оппонент→эксперт-пропонент» подразумевает диалог отсроченного характера между субъектами лингвистической науки. При этом критик выступает в качестве оппонента к научному сообществу. В таком ракурсе статьи, содержащие критические замечания, представляют контраргументацию эксперта по отношению к уже прошедшему экспертизу и опубликованному научному результату. Задействуя классификацию на основании параметров критических реакций, представленную во второй главе, представим следующие выводы.

1) Контраргументация по параметру *фокуса опровержения* представляет критику аргументов (содержится в 69 % отзывов и рецензий от всего количества проанализированных примеров), критика демонстрирующего рассуждения (25 %), критика тезиса (78 %).

2) Контраргументация по параметру *нормы* представляет собой выявление типичных логико-категориальных ошибок в проаргументации. Выявляются указания на нарушения иных норм, кроме общих институциональных норм качества академического письма, ясности терминологии, норм цитирования, эксплицируются специфические для науки идеи устаревшего, неполного, неактуального, ограниченного знания, субъективности и ангажированности.

3) Контраргументация по параметру *вида действия* в текстах статей, содержащих критику, представляет собой в большинстве случаев, сильное опровержение и конструктивную критику. Кларифицирующая контраргументация

соответствует слабому опровержению и деструктивной критике и представляет собой дополнение к фальсифицирующим суждениям.

4) По аналогии с интерпретацией данных в предыдущем разделе, контраргументация по *параметру уровня* представляет собой критику по отношению к существующей проаргументации (основной уровень) и критику на мета-уровне. Вследствие отсутствия модерлирующего агента в виде регламентирующего документа, мета-уровень проявляется в отсроченной критике в последующих публикациях. Это обусловлено стратегиями субъектов науки, которые всегда связаны с нарушением норм рациональности. Это подтверждается высокой полемичностью научного контекста, в чем заинтересованы и сами научные журналы, представляющие площадки для интеллектуальных и профессиональных дискуссий.

Если рассматривать вывод эксперта с точки зрения результата дискуссии по модели критической дискуссии в прагма-диалектическом подходе, как это было сделано для предыдущего формата взаимодействия, и если иметь в виду то, что цель дискуссии состоит в верификации имеющегося знания (эта цель теоретически выявлена ранее), то получаем, что вывод эксперта всегда содержит потенциал для дальнейшего обсуждения, оставляя открытыми вопросы. Цель верификации научного знания представляет собой запрос для *спонтанной научной экспертизы*. Среди всей массы выводов и заключений в такой экспертизе удается выявить основные темы:

- негативные последствия для лингвистической науки;
- негативные последствия для общества;
- недопустимость публикации критикуемых трудов и им подобных.

Выводы по третьей главе

В третьей главе был проведен анализ контраргументации в научном поиске по двум направлениям – экспертиза нового научного продукта и верификация знания. В соответствии с этим весь массив примеров был разделен на две группы источников.

Первая группа источника примеров составляла письменно-языковое взаимодействие «эксперт-оппонент → соискатель-пропонент», «эксперт-оппонент → автор-пропонент». Институциональным механизмом для такого взаимодействия является объективная необходимость, вызванная требованием наличия отзыва или рецензии для опубликования работы или защиты диссертации. Для текстов этой группы характерно соблюдение эталонной стандартизированной формы научного текста. Вербализация критики в структуре текста осуществляется на этапе оценки аргументации ситуации, идеи, точки зрения, представленной в работе, а также обоснованности гипотезы и выводов. Сегмент интенсивной

контраргументации всегда находится в заключительной части текста отзыва или рецензии.

Во вторую группу источников вошли примеры взаимодействия формата «эксперт-оппонент → эксперт-пропонент». В этом случае критика спонтанно возникает по отношению к уже опубликованным текстам. Поэтому мы применили термин *спонтанной экспертизы*, которая обусловлена запросом на постоянную верификацию научного знания. Для текстов критических статей характерным является сетка оценок с разной плотностью, образующая более и менее плотные, разреженные сегменты контраргументации.

Применяемые к анализу всех критических реакций параметры позволили представить следующие выводы.

1. По параметру фокуса контраргументация представляет собой прямое и косвенное опровержение по отношению к трем компонентам аргументативного комплекса, содержащегося в проаргументации «аргумент – демонстрация – тезис». Было установлено, что большая часть критических реакций в обеих группах источников фокусируется на аргументах. В первой группе это в основном имеет вид критики по отношению к эмпирическому материалу исследования. Во второй группе источников критика более разнообразна и категорична, приводятся контраргументы, противоречащие факты, приводится цитирование в качестве контраргументов, кондуктивные контраргументы. Основания для инференции критикуются примерно в одинаковом соотношении в двух группах источников. Тезис попадает в фокус критики во второй группе примеров.

2. По параметру нормы было выявлено, что категориально-логические ошибки аргументации активируют контраргументацию, другие, не относящиеся к аргументации нормы также инициируют критику, среди которых наиболее частотными являются критические реакции по отношению к нормам цитирования, академического письма, терминологии. В примерах второй группы фокус институциональных норм, инициирующих критику, смещается к более специфичным для науки императивам: ограничение устаревшего, неполного, неактуального знания, элиминация субъективности и ангажированности.

3. По параметру вида действия сильное опровержение или конструктивная контраргументация с обоснованием контртезиса и альтернативного тезиса – это явление второй группы примеров. В большинстве примеров первой группы встречается слабое опровержение, или деструктивная критика тезиса. Отличительной чертой контраргументации во второй группе примеров является категоричность.

4. По параметру уровня выявляются критические реакции основного уровня, то есть относящиеся к аргументативному комплексу, и критические ре-

акции мета-уровня. Динамический аспект дискуссий дает основания для включения в анализ заключения, формируемого контраргументацией оппонента или рецензента по отношению к анализируемому тексту. В этом случае контраргументация оппонента рассматривается как часть поддискуссии по отношению к процедурным компонентам аргументативного взаимодействия, для решения вопроса о дальнейшей судьбе работы. Заключение эксперта всегда положительные даже при большом количестве замечаний. Следствием является когнитивный консенсус в удостоверении нового научного результата. Мета-дискуссии в форматах взаимодействия «эксперт-оппонент→соискатель-пропонент» и «эксперт-оппонент→автор пропонент» в жанре отзыва и рецензии не предполагаются. Нормативный документ выполняет роль модеризирующего агента в таком формате взаимодействия. Поддискуссии на мета-уровне, возникающие в ходе *спонтанной экспертизы*, имеют качественно другой характер. Они могут вызывать обширные дискуссии на страницах журнала, а заключения, формируемые контраргументацией оппонента, эксплицируют выводы: негативные последствия для лингвистической науки; негативные последствия для общества, предостережение, недопустимость публикации подобных критикуемым трудов. Характерен потенциал экстенсивности при формулировании заключений в *спонтанной экспертизе*, выявляются концепты корректирование, дополнение, другой ракурс рассмотрения объекта, ограничение, новые данные.

Основной вывод третьей главы, который имеет выход в теоретическую составляющую исследования, состоит в том, что было подтверждено выдвинутое во второй главе предположение о качестве контрарности в контраргументации. Речевое действие контраргументации включает в себя идею отрицательности, противоположности, но также содержит в своем потенциале тему экстенсивности, распространения. При этом выявляется парадоксальное явление закрытости во взаимодействии, инициированном необходимостью получения отзыва или рецензии. Взаимодействие же субъектов в ходе спонтанной экспертизы, напротив, ведет к дальнейшему взаимодействию.

Используя означенный в первой главе принцип моделирования динамических процессов, происходящих в силу различия когнитивных ниш оппонента и пропонента и применяя научно значимый концепт «наблюдатель», подтверждается и предварительный вывод о том, что именно разного рода противоречия противоречия, обсуждение спорных вопросов следует отнести к особому измерению когнитивной области взаимодействий в контексте поддержания системной динамики, где наблюдаемые классы сущностей опосредованы выступающим в роли медиума письменным текстом.

Проявляющаяся в ходе динамических процессов критика позволяет проследить экзистенциальные траектории аргументации (суждения, способы демонстрации) и экзистенциальные траектории социальной системы науки, в виде системы ценностей (фундаментальные исходные позиции). Экзистенциальными траекториями в intersubъектном поведении коммуникантов в научном контексте следует считать значимые параметры научного дискурса, которые входят в общий разделяемый контекст. На основании этого были выявлены экзистенциальные траектории науки, структура которых иерархична. Выявляются аргументативные экзистенциальные траектории, которые имеют вполне конкретное логическое выражение и институциональные траектории, которые имеют языковое выражение и могут быть представлены в виде иерархии:

- универсальные экзистенциальные траектории аргументации;
- специфические экзистенциальные траектории социальной системы науки.

Рядоположенный основному выводу характер имеет наблюдение относительно концепций истины, которое эксплицитно содержится в форматах письменно-языкового взаимодействия субъектов научной коммуникации. В примерах первой группы активно задействуется intersubъективная концепция истины (от этом прямо говорится к регламентирующем документе, то что выводы работы должны быть соотнесены с мнением других ученых в этой области). В этой же группе примеров эксплуатируется прагматическое понимание истины, в котором лежит идея полезности, эффективности знания («практическая значимость исследования» является обязательным пунктом отзыва или рецензии). При этом только единичные случаи критики касаются этого пункта. Классическая научная концепция истины, которая предполагает идеал познания объективной реальности концентрируется в оценке аргументативного компонента, а именно, способов аргументации, при выявлении требований логичности и обоснованности аргументируемых выводов. Контраргументация по отношению к так называемым фундаментальным принципам в виде положений, связанных с индивидуальным, культурно-языковым, философским, рациональным фоном знаний субъектов научной коммуникации вербализует intersubъективную и прагматическую концепцию истины.

К промежуточным выводам можно отнести выявленную пролептическую тактику в контраргументации, а также прием «контраргумент к авторитету» в разных формах (авторитет конкретного ученого, авторитет научного сообщества, авторитет современных научных взглядов). Небезынтересным для дальнейших аргументологических исследований являются выявленные виды фальсифицирующей и кларифицирующей контраргументации. Языковые факты

в критике лингвистических работ совпадают концептуально и в границах Аргументативного Хола с понятием аргумента и контраргумента. Следует выделять контраргументы по отношению к проаргументации и аргументы контраргумента.

Промежуточным выводом стало и подтверждение существующего в жанроведческих работах мнения о том, что выбор термина «отзыв» и «рецензия» для обозначения жанровой формы экспертной оценки зависит от сложившейся речевой практики. В случае научной экспертизы квалификационных работ эти две формы не являются принципиально разными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования свидетельствуют о том, что существует отчетливый запрос на регуляцию научной деятельности. Этот запрос обусловлен и перманентной целью системы науки в виде формирования массива удостоверенного знания, и современными рисками в этой сфере.

Принцип организованного скептицизма представляет собой явление социальной кооперации в сообществе экспертов, реализующее функции регулирования.

Совещательность в научном поиске, направленная на тестирование гипотез, решение задач, установление предпочтительности некоторых точек зрения, – это артикулятор реализации критики в момент интеракции между субъектами научного сообщества. Процесс научной экспертизы является объективной необходимостью, обуславливаемой все увеличивающимся потоком новаций.

Состязательность в научном поиске, обусловленная борьбой мнений в науке, необходимостью утверждения новых идей, теорий, гипотез – это триггер научных дискуссий. Особая роль в динамическом процессе научного поиска принадлежит критике.

Явление критики, рассмотренное в нашем исследовании в контексте аргументативного взаимодействия, было исследовано через понятие контраргументации. Это потребовало применить инструменты логического анализа к описанию эмпирического материала – лингвистических средств, то есть самой ткани локализации разнородных критических реакций. Поэтому совмещение формально-логического анализа с методологией лингво-аргументивных исследований и разработкой конкретной проблематики, результирующей в более глобальный контекст, является главной методологической особенностью подхода, реализуемого в нашем исследовании.

Учитывая лингвоэкологический аспект настоящего исследования и опираясь на глобальную идею о том, что наука должна поддерживать выживание человека, отметим несколько положений относительно критики:

1) критика является механизмом формирования кода-различения социальной системы науки;

2) критика является механизмом ограничения и разрушения того знания (мнений идей, взглядов и фактов), которое является препятствием ко всему новому, полезному и истинному;

3) в лингвоэкологическом аспекте критика выступает в роли адаптивного механизма, поддерживающего бытование научного социума в условиях рисков нарушения равновесия в науке и в обществе в целом.

Приглашая к размышлению о роли критики и контраргументации в науке, мы надеялись предложить к обсуждению ряд вопросов, которые помогут выявить состояние критического компонента, представляющего собой одну из констант научной сферы.

Современная критическая статья, отзыв, рецензия в предметной области языкознания отражает в основном эталонную модель представления экспертной критики: субъект науки, который обнаруживает несоответствие анализируемого авторского результата тому или иному критерию истины выступает в виде оппонента по отношению к представленному результату. Схемой-различием в данном случае являются отношения «новое – старое», «полезное – бесполезное», «истинное – ложное». При сохранении эталонной модели структурирования текста и выражения контраргументации отмечается ослабление методологического аспекта в изложении критики, что выражается в снижении категоричности критики в отзывах и рецензиях, невыраженности позиции эксперта, преобладании деструктивной, слабой критики, редукции лингвистических конструкций о целесообразности представления труда к открытой печати или о соответствии требованиям, предъявляемым к диссертационным работам по специальности; взаимодействие эксперта с автором завершается ритуализованным действием консенсуса. Это может влиять на формирование и получение удостоверенного научного знания в системе дисциплинарной экспертизы.

Слабость критики в научной статье связана не со смыслом текстового целого и качеством оценки наличного знания специалистом, а с институциональными установками. В отличие от предыдущего формата, где экспертиза представляет собой обязательный для оптимального введения нового результата в научный оборот этап, критический анализ по отношению к уже опубликованным работам инициируется самими авторами. Такого рода критика не является обязательным этапом. Научные дискуссии на страницах критических разделов в лингвистических журналах представляют собой нечастое явление, в основном, критика наличного знания содержится фрагментарно в разных сегментах научной статьи. Конечно, причины невысокой частотности критических статей в качестве дисциплинарной экспертизы не исчерпывается только отсутствием требования к критическому анализу, речь стоит вести и о других причинах отсутствия дисциплинарного диалога, а именно, о вопросах статусности, необходимой квалификации, межпарадигмальных знаний, научной смелости. Но в целом, в отсутствие критики, обсуждения, диалога нежелательным следствием может стать уже намечающаяся раздробленность и изолированность лингвистических подходов. В связи с этим сущностная установка научного текста на верификацию существующего знания реализуется не в полном объеме.

Все это – проверенная годами практика, во многом, условность, от которой, тем не менее, зависит развитие науки.

Для дальнейших исследований эколингвистического аспекта критики в науке вполне обоснованно обратиться к идее о происходящей в настоящее время трансформации биосферы в ноосферу (в другой терминологии антропоцен), – сферу разума. *Научная мысль* в таком ракурсе трактуется как целостный планетный феномен, который влияет на процесс перехода человечества к эпохе ноосферы. В исследовании проблем экологии с точки зрения перехода биосферы в ноосферу наиболее актуальным вопросом является трактовка созидательной значимости научной мысли. Следовательно, особый интерес приобретает вопрос о том, как *сами ученые в современных условиях оценивают критерии, которыми можно руководствоваться* для утверждения истинности своих теорий. Другим актуальным вопросом, который не получил должного освещения в работе, является явление институциональной и спонтанной модерации в социальной системе науки.

Краткий словарь терминов биокогнитивной теории языка⁸

Консенсуальная область взаимодействий (con– совместно + sense– чувствовать) – чувственно разделяемая область взаимодействий между организмами, общая для них в том смысле, что они подвержены воздействию одних и тех же условий, в которых примерно все одинаковое. Появляется возможность опосредованно воздействовать друг на друга посредством чего-то (языка). Нет консенсуальной области – нет контекста, сами по себе вербальные структуры ничего не значат.

Реляционная консенсуальная область 1-го порядка – это физическая среда.

Реляционная консенсуальная область 2-го порядка – это область, когда люди говорят о реляционной консенсуальной области 1-го порядка в отсутствие таковой.

Реляционная консенсуальная область 3-го порядка – это область науки о языке, когда люди говорят о реляционной консенсуальной области 2-го порядка.

Язык как реляционная область взаимодействий – это то, где мы существуем как люди.

Тексты – это виртуальный язык.

Гипостазирование – овеществление абстрактной сущности языка, так, как будто он самостоятельно существует.

Ориентирующая функция языка – модифицировать среду, в которой находится другой организм посредством модификации поведения других организмов.

Languaging – языковое поведение (языковые поступки и действия, осуществляемые непосредственно в процессе коммуникации и мышления), которое порождает реляционную область взаимодействий в консенсуальной области.

Языковая деятельность – поток совместной деятельности.

Экология языка – экология человека говорящего в его единстве с реляционной областью. С точки зрения биокогнитивного подхода неверным является заимствование понятий из предметной области экологии с последующей их экстраполяцией на язык. Получается, что язык существует отдельно от людей. С экологической точки зрения речь следует вести о языковых изменениях как изменениях в окружающей среде, вызванных деятельностью отдельных организмов. Такие изменения начинают влиять на самих индивидов. Экологиче-

---

⁸ Данный раздел написан по материалам конспектов лекций «Парадигмальный сдвиг в науке о языке», прочитанных профессором А.В. Кравченко в ИГУ в ноябре 2017 – апреле 2018 г.

ские риски заключаются в том, что люди постоянно помещают что-то в реляционную область взаимодействий, затем что-то оттуда берут, не всегда понимая, что они берут.

Экзистенциальные траектории – это системы ценностей в обществе как живой системе, которые не заданы раз и навсегда и могут меняться.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антоновский А.Ю. Социальные системы Никласа Лумана / А.Ю. Антоновский // Власть. – М. : Праксис, 2001. – С. 223–250.
2. Антоновский А.Ю. Общество как общение и как разобщение / А.Ю. Антоновский // Дифференциация / Н. Луман. – М. : Логос, 2006. – С. 307–317.
3. Апель К.-О. Априори коммуникативного сообщества и основания этики / К.-О. Апель // Трансформация философии. – М. : Логос, 2001. – С. 262–334.
4. Аристотель О софистических опровержениях / Аристотель // Соч. : в 4 т. – М. : Мысль, 1978 а. – Т. 2. – С. 535–593.
5. Аристотель. Топика / Аристотель // Соч. : в 4 т. – М. : Мысль, 1978б. – Т. 2. – С. 347–531.
6. Арутюнова Н.Д. Коммуникативная реакция на истинностное высказывание другого / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Ассерция и негация / Российская академия наук, Институт языкознания ; отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2009. – 560 с.
7. Баранов А.Н. Скрытое (имплицитное) утверждение в лингвистической экспертизе текста / А.Н. Баранов // Юрислингвистика. – 2011. – С. 314–326.
8. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / А.Н. Баранов. – М. : Ин-т рус. яз., 1990. – 378 с.
9. Баребина Н.С. Когнитивный механизм контраргументации в дискурсе медиации : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.С. Баребина. – Иркутск, 2012. – 188 с.
10. Баребина Н.С. Роль категории «Топос» в исследовании аргументативного взаимодействия в социальной системе / Н.С. Баребина // Научное мнение. – 2012. – № 9 – С. 32–37.
11. Баребина Н.С. Контраргументация в дискурсе медиации // Концептуальная систематика аргументации / Н.С. Баребина, Г.М. Костюшкина, А.В. Колмогорова, С.Ю. Дашкова, Е.О. Ильичева ; под ред. Г.М. Костюшкиной. – М. : ФЛИНТА, Наука, 2016а. – С. 170–264.
12. Баребина Н.С. Методологический фильтр в практике коммуникативного моделирования / Н.С. Баребина // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 26. – С. 502–504.
13. Баребина Н.С. Рациональность и риторичность предвыборного дискурса (на материале предвыборных дебатов США 2016 года) / Н.С. Баребина, В.А. Косяков // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018. – № 1 (12). – С. 28–43.

14. Белозерова Н.Н. Эколингвистика: в поисках методов исследования / Н.Н. Белозерова, Н.В. Лабунец. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2012. – 256 с.
15. Берталанти Л. фон. Общая теория систем / Л. фон Берталанти // Исследования по общей теории систем. – М. : Прогресс, 1969. – С. 23–82.
16. Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука / А.А. Богданов. – М. : Экономика, 1989. – 350 с.
17. Богуславский В.М. Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера [Электронный ресурс] / В.М. Богуславский. – М. : Наука, 1994. – 720 с. – Серия: Памятники философской мысли. – Режим доступа: <https://scienter.online/filosofiscienter/kritika-literatura-57577.html>.
18. Бокмельдер Д.А. Обоснование разумных решений / Д.А. Бокмельдер. – LAP Lambert Academic Publishing, 2014. – 294 с.
19. Болдырев Н.Н. Функционально-семиологический принцип исследования языковых единиц / Н.Н. Болдырев // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова. – М. : Языки славян. культуры, 2001. – С. 383–393.
20. Бондаренко С.В. «Электронное государство» как социотехническая система / С.В. Бондаренко // Современная социология – современной России : сб. ст. памяти первого декана фак. социологии НИУ ВШЭ А.О. Крыштановского. – 2012. – С. 581–588.
21. Брюшинкин В.Н. Аргументация, коммуникация, рациональность / В.Н. Брюшинкин // Вестник БФУ им. И. Канта. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2008. – № 6. – С. 5–11.
22. Важнейшие концепции теории аргументации / пер. с англ. В.Ю. Голубева, С.А. Чахоян, К.В. Гудковой ; науч. ред. А.И. Мигунов. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2006. – 296 с.
23. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка : учеб. для вузов / Н.С. Валгина. – 3-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1991. – 432 с.
24. Васильев Л.Г. Проблемы речевого воздействия в диссертационных исследованиях последнего десятилетия / Л.Г. Васильев, О.Н. Мишук // Филология и человек. – 2013. – № 2. – С. 204–217.
25. Васильев Л.Г. Лингвистические аспекты понимания : дис. ... д-ра филол. наук / Л.Г. Васильев. – Калуга, 1999. – 251 с.
26. Васильянова И.М. Стратегии и тактики состязательного аргументативного дискурса / И.М. Васильянова // Научные труды Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. – 2017. – С. 378–384.
27. Ватцке Э. Сравнение медиации и судебно-правовой практики с точки зрения теории познания / Э. Ватцке // Медиация – искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методом и профессиональными технологиями / пер. с нем. Г. Похмелкиной. – М. : VERTE, 2004. – С. 27–61.

28. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский ; отв. ред. А.Л. Яншин. – М. : Наука, 1991. – 270 с.
29. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 576 с.
30. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста / В.И. Вернадский. – М. : Наука, 1988 – 522 с.
31. Верхотурова Т.Л. Лингвофилософская природа категории «наблюдатель» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Л. Верхотурова. – Иркутск, 2009. – 36 с.
32. Вольвак Н.П. Фактор адресата в публичном аргументирующем дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Н.П. Вольвак. – Владивосток, 2002. – 189 с.
33. Гак В.Г. Истина и люди / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. – М. : Наука, 1995. – С. 24–31.
34. Гетманова А.Д. Логика : учеб. для студентов высш. учеб. заведений / А.Д. Гетманова. – 8-е изд. – М. : Омега-Л, 2006. – 416 с.
35. Гринберг Т.Э. Коммуникационная концепция связей с общественностью: модели, технологии, синергетический эффект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т.Э. Гринберг. – М., 2013. – 57 с.
36. Гриненко Г.В. Аргументация и коммуникация / Г.В. Гриненко // Мысль и искусство аргументации. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – С. 58–89.
37. Грядовой Д.И. Логика. Общий курс формальной логики : учеб. для студентов вузов / Д.И. Грядовой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 327 с.
38. Демьянков В.З. Термин парадигма в «родном» и «чужом» ареалах / В.З. Демьянков // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : сб. науч. тр. / отв. ред. Л.Г. Лузина. – М. : ИНИОН РАН, 2008. – С. 15–40.
39. Джохадзе И.Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти / И.Д. Джохадзе. – М. : Едиториал УРСС, 2001. – 252 с.
40. Дудник С.И. Проблема единства научного знания / С.И. Дудник, Б.В. Марков // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. : Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2015. – № 2. – С. 4–11.
41. Еемеерен Ф.Х. ван. Речевые акты в аргументативных дискуссиях. Теоретическая модель анализа дискуссий, направленных на разрешение конфликта мнений / Ф.Х. ван Еемеерен, Р. Гроотендорст ; пер. с англ. – СПб. : Васильев. остров, 1994. – 239 с.
42. Зорин К.А. Профессиональное мета-сообщество журналистов, рекламистов и PR-специалистов как открытая социальная система / К.А. Зорин // Система ценностей современного общества. – 2011. – № 17-1. – С. 145–149.

43. Ивин А.А. Основы теории аргументации : учебник / А.А. Ивин. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 352 с.
44. Ионин Л.Г. Слово и дело критики. Социально-философское и публицистическое исследование / Л.Г. Ионин. – М. : Политиздат, 1989. – 271 с.
45. Ионова С.В. Токсичный руководитель: лингвоэкология речевого поведения / С.В. Ионова // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018. – № 4 (15). – С. 1–12.
46. Имото С. Ничто как наполненность: «ПУТЬ» Лао-цзы и «СУБСТРАТ» Матураны / С. Имото // *Studia linguistica cognitiva*. – Вып. 2 : Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 87–100.
47. Имото С. Что такое «языковая деятельность» по У. Матуране? / С. Имото // *Studia linguistica cognitiva*. – Вып. 3 : Когнитивная динамика в языковых взаимодействиях. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – С. 19–41.
48. Исаева З.Ш. Категория толерантности и ее роль в научной и политической коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / З.Ш. Исаева. – СПб., 2011. – 22 с.
49. Каверзина А.В. Прагмасемантическая организация дискурса редакционно-издательской деятельности в жанре «научная публикация» / А.В. Каверзина. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018.
50. Капра Ф. Паутина жизни: новое научное понимание живых систем / Ф. Капра. – М. : Прогресс, 2003. – 310 с.
51. Карасик В.И. Защита диссертации как жанр научного дискурса / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // *Язык. Текст. Дискурс*. – 2010. – № 8. – С. 338–350.
52. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
53. Кириллов В.И. Логика : учеб. для юрид. вузов / В.И. Кириллов, А.А. Старченко ; под. ред. В.И. Кириллова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби ; Проспект, 2008. – 240 с.
54. Колмогорова А.В. Аргументация в речевой повседневности / А.В. Колмогорова. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 152 с.
55. Колмогорова А.В. Взаимодействие «автор-рецензент» как сфера реализации распределенной когниции / А.В. Колмогорова // *Studia linguistica cognitiva*. – Вып. 3 : Когнитивная динамика в языковых взаимодействиях. – М. : Флинта : Наука, 2013. – С. 240–260.
56. Копнина Г.А. Стилистика креатива и эколлингвистика: точки соприкосновения / Г.А. Копнина, А.П. Сковородников // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2014. – № 8 (38) : в 2-х ч. – Ч. 1. – Тамбов : Грамота. – С. 101–104.

57. Коровушкин В.П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной области языкознания / В.П. Коровушкин // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2011. – Т. 1. – № 28. – С. 60–64.
58. Концептуализация и категоризация в языке / под ред. Г.М. Костюшкиной. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2006. – 525 с.
59. Костюшкина Г.М. Современные направления во французской лингвистике / Г.М. Костюшкина. – М. : УРСС Либроком, 2009. – 304 с.
60. Костюшкина Г.М. В поисках системообразующего механизма в языке / Г.М. Костюшкина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012а. – № 2. – С. 128–133.
61. Костюшкина Г.М. Роль системообразующего механизма в системных исследованиях языка и речи / Г.М. Костюшкина // Научное мнение. – 2012. – № 9. – С. 68–74.
62. Костюшкина Г.М. Аргументация и концептуальная систематика речи и речевой деятельности / Г.М. Костюшкина, Н.С. Барбина // Концептуальная систематика аргументации / под ред. Г.М. Костюшкиной. – Иркутск : ИГЛУ, 2013а. – С. 9–53.
63. Костюшкина Г.М. Методологические ориентиры системного и синергетического подходов в исследовании новых объектов (на примере исследования языковой контраргументации) / Г.М. Костюшкина, Н.С. Барбина // Вестник ИГЛУ. – 2013б. – № 3 (24). – С. 193–199.
64. Кочергин А.Н. Глобализация и экология: коэволюционное взаимодействие общества и природы как условие перехода биосферы в ноосферу / А.Н. Кочергин // Вестник Московского университета. – 2014. – Сер. 27 : Глобалистика и геополитика. – № 3-4. – С. 83–87.
65. Кравченко А.В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания / А.В. Кравченко. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2013. – 388 с.
66. Кравченко А.В. Когнитивный горизонт языкознания / А.В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008. – 320 с.
67. Кравченко А.В. О вреде структурализма для здоровья общества: язык как экологическая ниша человека / А.В. Кравченко // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 1. – С. 354–370.
68. Ксенофонтов В.Н. Логика : учеб-метод. пособие / В.Н. Ксенофонтов. – М. : Изд-во РАГС, 2006. – 92 с.
69. Кубрякова Е.С. Понятие «парадигма» в лингвистике: Введение / Е.С. Кубрякова // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. – М. : ИНИОН РАН, 2008. – С. 4–15.

70. Кузина Е.Б. Лекции по теории аргументации : учеб. пособие / Е.Б. Кузина. – М. : Изд-во МГУ, 2007. – 136 с.
71. Купер И.Р. Научная коммуникация и воспроизводство научного знания в виртуальном сообществе: Состояние и перспективы / И.Р. Купер // Теория и практика общественно-научной информации. – 2001. – № 16. – С. 50–66.
72. Лазар М.Г. Этнос науки в социологии Р. Мертона: судьба и статус в науковедении / М.Г. Лазар // Социология науки и технологий. – 2010. – № 4. – С. 124–139.
73. Леонович В.Л. Слова с элементами латинского происхождения в современном русском языке : автореф. дис. ... канд филол. наук / В.Л. Леонович. – Минск, 1993. – 16 с.
74. Линелл П. Два взгляда на природу языка: формальная лингвистика (с ее письменно-языковой предвзятостью) vs. диалогическая лингвистика / П. Линелл // Studialinguisticacognitiva. – Вып. 3 : Когнитивная динамика в языковых взаимодействиях. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – С. 41–58.
75. Лисанюк Е.Н. Взаимоотношения аргументации и конфликта / Е.Н. Лисанюк // Конфликтология. – 2014. – № 1. – С. 20–31.
76. Лисанюк, Е.Н. Диалог: содержание, тема и дискурс / Е.Н. Лисанюк // Модели рассуждений-2 : Аргументация и рациональность : сб. науч. ст. / общ. ред. В.Н. Брюшинкина. – Калининград : Изд-во РГУ им. Канта, 2008. – С. 155–167.
77. Луман Н. Дифференциация / Н. Луман ; пер. с нем. Б. Скуратова. – М. : Логос, 2006. – 320 с.
78. Матвеева Т.В. Рецензия, или отзыв / Т.В. Матвеева // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции) : словарь-справочник / под. ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск : Сибир. федер. ун-т, 2014. – С. 523–525.
79. Матурана У.Р. Древо познания / У.Р. Матурана, Ф.Х. Варела. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
80. Меркулова Э.Н. О компоненте «Академическое письмо» в тексте отзыва официального оппонента» / Э.Н. Меркулова // Высшее образование в России. – 2016. – № 12. – С. 68–75.
81. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура / Р.К. Мертон / пер. с англ. Е.Н. Егоровой и др. ; науч. ред. З.В. Коганова. – М. : АСТ, Хранитель, 2006. – 873 с.
82. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура / Р.К. Мертон // Социологические исследования. – 1992. – № 2-4. – С. 118–124.
83. Муравьев Д.П. Рецензия / Д.П. Муравьев // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков. – М. : Сов. энцикл., 1971. – Т. 6. – С. 268.

84. Николаев А.М. Жанр научной рецензии в профессионально ориентированном обучении русскому языку как иностранному / А.М. Николаев // Вестник Российского университета дружбы народов. – Сер. : Вопросы образования : языки и специальность. – 2007. – № 1. – С. 93–99.
85. Новосёлов М.М. Беседы о логике / М.М. Новосёлов. – М. : ИФ РАН, 2006. – 158 с.
86. Огурцов А.П. Наука и философия науки в современном обществе / А.П. Огурцов // Высшее образование в России. – 2008. – № 5. – С. 150–163.
87. Ощепкова Н.А. Стратегии и тактики в аргументативном дискурсе : прагмалингвистический анализ убедительности рассуждения (на материале политических дебатов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н.А. Ощепкова. – Калуга, 2004. – 199 с.
88. Ощепкова Н.А. Языковые средства описания аргументативности / Н.А. Ощепкова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2011. – № 6 (44). – С. 228–233.
89. Патаракин Е.Д. Цифровая экология: эколого-социальные сети и информационные экосистемы [Электронный ресурс] / Е.Д. Патаракин, С.Б. Шустов // Вестник Мининского университета. – 2013. – № 3 (3). – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21684406>.
90. Поварнин С.И. Общие сведения о споре. Уловки в споре / сост. П.В. Алексеев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2015. – С. 417–426.
91. Поппер К.Р. Логика научного исследования / К.Р. Поппер ; пер. с англ., ред. В.Н. Садовский. – М. : Респ., 2005. – 447 с.
92. Пригожин И. Время. Хаос. Квант / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1994. – 266 с.
93. Пригожин И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
94. Пучкова Е.В. Аргументативно-лингвистический анализ дискурса опровержения : дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Пучкова. – Калуга, 2006. – 203 с.
95. Рагозина И.Ф. Отрицание и опровержение / И.Ф. Рагозина // Логический анализ языка. Ассерция и негация / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2009. – С. 75–88.
96. Романова В.М. Репрезентация ситуации противодействия в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.М. Романова. – Тамбов, 2005. – 17 с.
97. Сковородников А.П. К философским основаниям предметной области эколингвистики / А.П. Сковородников // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 140–161.

98. Сковородников А.П. О предмете эколлингвистики применительно к состоянию современного русского языка / А.П. Сковородников // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 194–222.
99. Современная западная философия. Энциклопедический словарь / под ред. О. Хеффе, В.С. Малахова, В.П. Филатова. – М. : Культурная революция, 2009. – С. 326–328.
100. Соловьева Н.В. Толерантность в научных дискуссиях: лингвостилистический аспект (на материале текстов научных дискуссий 1950–2000-х гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Соловьева. – Екатеринбург, 2008. – 19 с.
101. Степанов Ю.С. Протей. Очерки хаотической эволюции / Ю.С. Степанов. – М. : Яз. слав. культ., 2004. – 264 с.
102. Судас Л.Г. Научный этос как фактор выживания отечественной науки / Л.Г. Судас // Россия и современный мир. – 2002. – № 2 (35). – С. 120–135.
103. Таванец П.В. Вопросы теории суждения / П.В. Таванец. – М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1955. – 196 с.
104. Троянская Е.С. Научное произведение в оценке автора рецензии / Е.С. Троянская // Научная литература : Язык, стиль, жанры. – М. : Наука, 1985. – С. 23–24.
105. Трубецкой С.Н. О природе человеческого сознания (1889–1891) / С.Н. Трубецкой // Трубецкой С.Н. Сочинения. – М. : Мысль, 1994. – 269 с.
106. Хомелев Г.В. Философские основания научной теории критики : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.01 / Г.В. Хомелев. – СПб., 2002. – 326 с.
107. Хомутова Т.Н. Научная рецензия: интегральный подход / Т.Н. Хомутова, Е.В. Кравцова // Язык и культура. – 2014. – № 1 (25). – С. 70–76.
108. Черкашин М.Д. Этос и морально-этические императивы научного сообщества / М.Д. Черкашин // Социальная политика и социология. – 2011. – № 10. – С. 229–240.
109. Чернявская В.Е. Коммуникация в науке нормативное и девиантное: лингвистический и социокультурный анализ / В.Е. Чернявская. – М. : URSS, 2011. – 248 с.
110. Чернявская В.Е. Научное знание как объект оценки / В.Е. Чернявская // Эпистемология и философия науки. – 2012. – Т. 34. – № 4. – С. 165–178.
111. Чернявская В.Е. Научно-исследовательская статья как вербализация нового научного результата (на материале лингвистики) / В.Е. Чернявская // Жанры речи. – 2016. – № 1. – С. 56–64.
112. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике / К. Шеннон. – М. : Изд-во ин. лит., 1963. – 830 с.

113. Шилихина В.М. Риторические способы ведения научной дискуссии в отечественной лингвистике / В.М. Шилихина, В.М. Соловьянова // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 4. – С. 26–30.
114. Шипунова О.Д. Логика и теория аргументации / О.Д. Шипунова. – М. : Гардарики, 2005. – 270 с.
115. Шпет Г.Г. Сознание и его собственник / Г.Г. Шпет // Философские этюды. – М. : Прогресс, 1994. – С. 20–116.
116. Эмос науки / отв. ред. Л.П. Киященко, Е.З. Мирская. – М. : Академия, 2008. – 535 с.
117. Яковлева Г.Г. Директивный дискурс в диалогическом пространстве разных языков: Строевые и функциональные аспекты описания : дис. ... д-ра филол. наук / Г.Г. Яковлева. – Тверь, 2005. – 322 с.
118. Anscombe J.-C. L`argumentation dans la langue / J.-C. Anscombe, O. Ducrot. – Bruxelles : Magrada, 1983. –184 p.
119. Apel K.-O. Szientismus oder transzedentale Hermeneutic? ZurFragenach dem Subject der Zeicheninterpretationin der Semiotic des Pragmatismus / K.-O. Apel // Transformation der Philosophie. – Bd. 2. – FrankfurtamMain : Suhrkamp, 1976. – S. 178–219.
120. Apothéloz D. The function of negation in argumentation / D. Apothéloz, P.-Y. Brandt, G. Quiroz // Journal of Pragmatics. – 1993. – № 19. – P. 23–38.
121. Argumentation schemes / D. Walton, Ch. Reed, F. Macagno. – Cambridge University Press, 2008. – 435 p.
122. Briscoe G. Digital Ecosystems / G. Briscoe. – London : Imperial Colledge 2009. – 190 p.
123. Corallo A. The Digital Business Ecosystem / A. Corallo, G. Passiante, A. Precipe. – Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2007. – 230 p.
124. Cowley S.J. Distributed Language / S.J. Cowley. – John Benjamins Publishing, 2011. – 230 p.
125. Cowley S.J. Distributed language and dynamics / S.J. Cowley // Pragmatics & Cognition, 2009. – Vol. 17 (3). – P. 497–507.
126. Cowley S.J. Grounding signs of culture: primary intersubjectivity in social semiosis / S.J. Cowley, S. Moodley S. & A. Fiori-Cowley // Mind, Culture and Activity, 2004. – № 11/2. – P. 109–132.
127. Cowley S.J. Simulating others: the basis of human cognition? / S.J. Cowley // Language Sciences, 2004. – № 26/3. – P. 273–299.
128. Eemeren F.H. van. Argumentation, communication, and fallacies: A pragma-dialectical perspective / F.H. van Eemeren, R. Grootendorst. – Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 1992. – 235 p.

129. Eemeren F.H. van. *Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments* / F.H. van Eemeren ... et al. – Mahwah, N.J. : Lawrence Erlbaum, 1996. – 395 p.
130. Fill A. *Ecolinguistics: states of the art* / A. Fill // *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology, and Environment* / P. Mühlhäusler. – London : Continuum, 2001. – P. 43–53.
131. Finocchiaro M. *Argumants about Arguments : Systematic, Critical, and Historical Essays in Logical Theory* / M. Finocchiaro. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 467 p.
132. Finocchiaro M. *Galileo on the world systems: A new abridged translation and guide* / M. Finocchiaro. – Berkeley, CA : University of California Press, 2007. – 595 p.
133. Hutchins E. *Distributed cognition* / E. Hutchins // *The International Encyclopedia of the Social and behavioral Sciences*. – 2001. – P. 2068–2072.
134. Kelly K. *What Technology Wants* / K. Kelly. – N.Y. : Viking Press, 2010. – 416 p.
135. Krabbe E.C.W. *The ways of Criticism* / E.C.W. Krabbe, J.A. van Laar // *Argumentation*, 2011. – № 25 (2). – P. 199–227.
136. Maturana H.R. *The biological foundations of self-consciousness and the physical domain of existence* / H.R. Maturana // *Beobachter: Konvergenz der Erkenntnistheorien?* / N. Luhmann, H.R. Maturana, M. Namiki, V. Redder, F. Varela. – Munich : Wilhelm Fink Verlag. – P. 47–117.
137. Maturana H.R. *The organization of the living: A theory of the living organization* / H. Maturana // *International Journal of Man-Machine Studies*. – 1975. – Vol. 7. – P. 313–332.
138. Merton R.K. *The Sociology of Science: Theoretical and Emprical Investigations* / R.K. Merton. – Chicago : University of Chicago press, 1975. – 605 p.
139. Moore J. *The death of competition: leadership and strategy in the age of ecosystems* / J. Moore. – N.Y. : Harperbusiness, 1996. – 320 p.
140. Quiroz G. *How counter-argumentation works* / G. Quiroz, D. Apotheloz, P.-Y. Brandt // *Argumentation Illuminated* / ed. F.H. van Eemeren et al. – Amsterdam : SICSAT, 1992. – P. 172–177.
141. Rączaszek-Leonardi J. *Symbols as constraints. The Structuring Role of Dynamics and Self-Organization in Natural Language* / J. Rączaszek-Leonardi // *Pragmatics and Cognition*. – 2009. – Vol. 17 (3). – P. 653–676.
142. Snoeck Henkemans A.F. *Complex argumentation in a critical discussion* / A.F. Snoeck Henkemans // *Argumentation*. – 2003. – Vol. 17. – № 4. – P. 405–419.
143. Stede M. *Argumentation Mining* / M. Stede, J. Schneider. – CA : Morgan & Claypool Publishers, 2019. – 191 p.

144. Steffensen S.V. Care and conversing in dialogical systems / S.V. Steffensen // *Language Science*. – 2012. – № 34. – P. 513–531.
145. Steffensen S.V. Ecolinguistics: the state of the art and future horizons / S.V. Steffensen, A. Fill // *Language Sciences*. – 2014. – Vol. 41. – P. 6–25.
146. Toulmin S.E. *The Uses of argument* / S.E. Toulmin. – Updated ed. – Cambridge, England : Cambridge University Press, 2003. – 262 p.
147. Walton D.N. *Argumentation Schemes for Presumptive Reasoning* / D.N. Walton. – Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum, 1996. – 218 p.
148. Yamakami T. A Mobile Digital Ecosystem Framework: Lessons from the Evolution of Mobile Data Services / T. Yamakami // *Proceedings of the 2010 13th International Conference on Network-Based Information Systems*. – Washington, DC, USA : IEEE Computer Society, 2010. – P. 516–520.
149. Zarefsky D. *Argumentation: The Study of Effective Reasoning. Course Guidebook* / D. Zarefsky. – 2nd ed. – Chantilly : The Teaching Company, 2005. – 131 p.

Научное издание

Барбина Наталья Сергеевна

**Критика и контраргументация в лингвистической науке
(приглашение к размышлению)**

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 01.02.19. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 9,6. Тираж 500 экз. Заказ .

Издательство Байкальского государственного университета.
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.
Отпечатано в ИПО БГУ.